

Олег Курылев
Убить фюрера

2007

Курылев О. П.

Убить фюрера / О. П. Курылев — 2007

Как изменилась бы мировая история, если бы в начале XX века юный Адольф Гитлер отправился в Америку на «Титанике», совершающем свой первый и последний рейс? Два сотрудника российского Института исторических исследований, Савва Каратаев и Вадим Нижегородский, после очередного перемещения в прошлое при помощи машины времени застревают в Европе незадолго до начала Первой мировой войны. Поначалу они пытаются составить капитал, делая крупные ставки на заранее известных им победителей скачек и выигрышные номера в казино, а затем начинают все активнее участвовать в мировой политике и знаменитых исторических событиях. Однако вскоре выясняется, что вмешательство в ткань прошлого может привести к самым катастрофическим последствиям – особенно когда на западе Европы вот-вот начнут маршировать нацистские полчища...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Олег Курылев

Убить фюрера

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОМПАНЬОНЫ

Он прошел под массивными сводами проезда Старогородской башни, вышел на мост короля Карла и остановился, завороченный открывшимися перед ним видами города. Воздух был почти недвижим, и редкие снежинки тихо опускались с низкого темно-серого неба. Прага стояла покрытая снегом, обесцвеченная сумерками пасмурного декабрьского вечера, словно запечатленная на старинной черно-белой, слегка тонированной панорамной фотографии, оттенки которой казались то кремово-теплыми, то синевато-холодными. Неяркие белые покрывала, шапки, шапочки и накидки лежали на черепичных крышах Старого города, на большом круглом куполе орденского храма Святого Креста, покрывали головы, плечи и сутулые спины безмолвных мостовых скульптур. Два ряда каменных епископов, королей, рыцарей и монахов тянулись вдоль моста в сторону Малостранской башни, очертания которой были размыты мгlistым пространством зимнего вечера, так что хитросплетения гранитной вязи, ваялью заброшенной древними мастерами на мощную кладку ее стен, почти не различались.

Он смахнул снег с ограждения, облокотился и посмотрел вниз. Далеко вперед выдавались острые, будто форштевни перевернутых броненосцев, каменные волноломы моста, обтекаемые черными водами Влтавы. Перед каждым из них на некотором удалении торчали из воды мощные деревянные брусья, сбитые большими железными скобами. Они выступали из воды очень полого, словно нацеленные на мост орудия затонувших кораблей, и, вероятно, предназначались для взламывания напозающего на них льда в период ледохода. Вода бурлила вокруг, и через некоторое время начинало казаться, что мост и ты сам оказываешься вовлеченным во встречное движение.

«Как все же странно, – думал он, снова всматриваясь в панораму растворяющихся в пространстве мостов и башен. – Четыре дня назад я был здесь, стоял на этом самом месте под летним солнцем, а в обе стороны текла бесконечная многоцветная толпа. И вот, четыре дня спустя, но двумя веками раньше, я снова здесь. Стою на пустом мосту и ломаю голову: когда впервые я ступил на эти камни? Тогда, четыре дня назад, или сейчас, двумя столетиями раньше?»

Он усмехнулся, поежился, смахнул с плеч снег и вынул из кармана часы. Оставалось десять минут.

«А ведь там уже изрядно нервничают, – вспомнил он сотрудников института, вечно недовольную физиономию заместителя директора, пренебрежительную ухмылку оператора Столбикова, намакияженное лицо ассистентки Вероники, толпящихся в коридоре охранников и прочей публики. Теперь все это в прошлом. Вернее, в будущем. В очень далеком, уже недостижимом для него будущем. Через десять минут окно закроется, но и теперь, даже если он бросится бежать из всех сил, то ни за что не успеет к месту реинсталляции.

Жребий брошен. Пути назад уже не существовало. Десятое декабря 1911 года стало точкой отсчета второй половины его жизни. Станет ли эта половина действительно половиной или окажется жалким огрызком – этого он не знал. Будет ли она лучшей или скоро он поймет, что совершил величайшую глупость и погубил себя? Теперь это было уже не важно. Он, Савва Викторович Каратаев, сам сделал осознанный выбор и стал *невозвращенцем*.

Это была первая командировка Каратаева, старшего научного сотрудника центрального ИИИ – Института исторических исследований при Академии наук. Командировка настолько простая, что главный оператор Столбиков, видя волнение усаживаемого в кресло новичка, покровительственно наставлял его:

– В твоём распоряжении пять часов, так что можешь особенно не напрягаться, – нудно бормотал он себе под нос, устанавливая программы и загружая физико-химические, антропометрические и прочие данные объекта хронопортации. – Но к четверем вечера по тамошнему времени чтобы был как штык. Понял? В крайнем случае (но это только в самом крайнем случае) я смогу продержаться окно еще час. Потом, как говорится, пишите письма.

Этому компьютерному придурку даже не могло прийти на ум, что волнение клиента вызвано не боязнью перед его первой экскурсией в прошлое, а принятым им решением. Решением, выстраданным в течение многих бессонных ночей. Много месяцев ждал он этого момента. Несколько раз вопрос об его отправке откладывался, потом его снова начинали готовить, но точка времени и место назначения становились другими. То считалось, что отправляться слишком опасно, то чересчур дорого, то сложно для неопытного новичка, которого в последний момент заменяли кем-то из бывалых. А он, всякий раз узнавая о новой дате и месте, снова начинал лихорадочно готовиться к встрече с ними, сутками просиживая в электронных архивах института в поисках всего, что может ему пригодиться там, в прошлом.

И вот – десятое декабря 1911 года. Не самое лучшее время, чтобы начать все сначала, но и не самое худшее. Впереди мировая война, а если повезет, то к шестидесяти годам еще и вторая. И все же это гораздо лучше, чем, скажем, 1915 или 1918 год. Еще есть время, чтобы адаптироваться и как следует подготовиться к тяжелым временам.

Суть его задания и в самом деле была достаточно проста. После тщательной проверки – нет ли в этом месте какого-либо предмета или человека – он установился на одной из тихих улочек Праги. Под видом сотрудника немецкого исторического музея ему нужно было пройти в читальный зал Национальной библиотеки в Клементинуме и спокойно поработать там с несколькими единицами хранения. С теми, что бесследно исчезнут после немецкой оккупации Чехословакии. Ему предстояло просто-напросто скопировать некоторые тексты, главными из которых являлась секретная переписка Наполеона и Александра I в период «Ста дней». Оказывается, в то время когда неумолимая судьба подталкивала три армии к маленькой бельгийской деревушке Ватерлоо, два означенных императора что-то коварно замыслили. В нагрузку к основному заданию прилагалась куча дополнительных. Какие-то материалы относительно «Венского конгресса», тексты средневековых майстерзингеров с Вальтером фон Фогельвайде во главе, религиозные опусы раннехристианских схоластов и прочее в том же духе. Все это были не его темы, но в командировки направляли, как правило, знатоков данной эпохи, а не специалистов по извлекаемым из этой эпохи историческим или лингвистическим материалам. А поскольку Центральная Европа первой половины двадцатого века имела к специализации Каратаева самое прямое отношение, его и послали.

На свою голову.

Савва еще раз взглянул на часы. Все. Началось.

Беготня, звонки. Растерянный Столбиков доказывает, что у него все в полном порядке, параметры в норме, никаких сбоев не зафиксировано. Замдиректора вытирает платком взмокнувшую лысину, терроризируя бестолковыми командами окружающих, но уже прекрасно понимает, что ничто не поможет и ему не избежать грандиозных неприятностей. У всех в головах один вопрос: что случилось? Отказ системы, роковая случайность типа подвернутой ноги, когда командированный не успевает в срок прибыть к месту хронопортации? А может, он там попал под лошадь? А может, поел чего-нибудь и отравился. А может, выпил да свалился с моста...

Он поднял воротник и в последний раз осмотрелся вокруг. Сказочные, словно из Диснейленда, шпили Тынского храма и Старогородской ратуши, колокольни Святого Вита над крышами Королевского замка, десятки растворяющихся в серой пелене башен и башенок. Как все же здорово, что все это благополучно переживет войны и оккупации на зависть сотням других городов, судьбы которых не будут столь счастливыми. Они, эти города, стоят сейчас, такие же прекрасные, по берегам Рейна, Эльбы, Изара, Дуная, Вислы, Эмса, Мотлавы, и никто на земле не в состоянии помыслить, что золотой век их архитектуры уже начал отсчет своих последних десятилетий.

Каратаев тряхнул головой и решительно направился обратно, в сторону вокзала. Проходя Клементинум, он подумал было поискать такси или экипаж, но времени оставалось еще достаточно, и он предпочел сэкономить несколько лишних крон.

Во внутреннем кармане его френча лежали документы на имя Августа Максимилиана Флейтера, удостоверение сотрудника Берлинского исторического музея и билет на поезд, следующий из столицы австро-венгерской Чехии в столицу Второго рейха. Документами и деньгами (разумеется, поддельными) его снабдили в родном институте, а вот билет Савва Каратаев купил уже здесь, в Праге, полтора часа назад.

Ни в какую библиотеку он, конечно, не ходил, а сразу же по прибытии отправился на вокзал и взял билет до Берлина. Так как до отправления его поезда оставалось еще несколько часов, он решил побродить по городу. Еще на вокзале Савва первым делом удостоверился, что сегодня воскресенье, десятое декабря 1911 года.

Пока все в порядке, размышлял Каратаев, шагая обратно по Карловой улице, разглядывая дома, вывески и редких прохожих. Он прекрасно перенес «реинкарнацию», как в шутку окрестили в их институте процедуру перехода в прошлое, быстро сориентировался и психологически был вполне подготовлен принять факт утраты своего мира и времени в обмен на мир и эпоху начала двадцатого века. Чем прозябать там, он лучше рискнет и начнет все сначала здесь. Плевать, что здесь ему не дожить до первых телевизоров и компьютеров, что телефоны тут похожи на деревянную шарманку с заводной ручкой, а самолеты – на большие детские воздушные змеи с трещоткой. Все это можно пережить. Ведь люди в сущности те же. Немного больше предрассудков, немного меньше знаний. Зато теперь он современник Эйнштейна, Рахманинова, Ленина (кстати, где он сейчас?). Где-то бродит по венским музеям никому еще не известный и тихий Адольф Гитлер. Лишь недавно Россия простилась со Львом Толстым, а «Титаник», спущенный на воду полгода назад, еще только достраивается, превращаясь в плавающий дворец.

Конечно, как ни настраивай себя на мажорный лад, а избежать симптомов ностальгии, этой национальной болезни его соотечественников, по-видимому, не удастся. Ведь он не только навсегда покинул родину – он добровольно и безвозвратно ушел из своего времени. Подверг себя самому изощренному остракизму, настоящей реинкарнации. Много ли было таких безумцев? Пожалуй, не очень.

Через два часа, сидя в мягком пульмановском вагоне, Савва обдумывал план своих дальнейших действий.

Итак, что мы имеем. Начало двадцатого века. Тихая и благополучная, почти сплошь монархическая Европа, наслаждающаяся прогрессом и всеобщим законопослушанием. Какое-то там событие в России, проигранная ими восточная кампания, недавняя русская смута и баррикады – все это касается Европы столь незначительно, что лишь скупо описывается далеко не на первых полосах столичных газет. Главное, что в цивилизованной части континента достигнута баланс сил и стабильность. Агадирский конфликт успешно преодолен, подписаны долгосрочные договоры, сочинены умные конвенции, даны взаимные заверения. И такое состояние

продлится еще несколько лет, после чего прекрасный механизм международных отношений Старого Света совершенно неожиданно заклинит... Но об этом пока рано.

Савва достал из бокового кармана своего френча футляр для очков. Обычный с виду, местами потертый продолговатый футляр, обтянутый тонкой шагреновой кожей зеленоватого оттенка. Заперев дверь купе изнутри, он положил футляр перед собой на столик, раскрыл его и вынул очки в тонкой металлической оправе. Изнутри коробка была гладкой, со следами коричневого клея на поверхности штампованного алюминия. Подклеенная здесь когда-то ткань отсутствовала. По большому счету, старый очешник не жалко было и выбросить, но, тем не менее, для Саввы Каратаева эта невзрачная коробочка была теперь самым ценным предметом в мире.

Он потер подушечки больших пальцев обеих рук о штаны и прижал их к внутренней поверхности крышки футляра. Узоры папиллярных линий были мгновенно считаны и протестированы, возникло какое-то свечение. Савва выключил настольную лампу. Над старым очешником появилось изображение тонкой прямоугольной пластины, висящее прямо в воздухе. Она вся была усеяна цветными кнопками разных размеров. Взявшись за край, Савва осторожно опустил голограмму на столик рядом с футляром и пробежал пальцами по слабо мерцающим квадратикам. Появилось второе изображение – наклонно висящая в воздухе пластина с каким-то рисунком. Отрегулировав ее размер, наклон и яркость, Каратаев на минуту задумался.

Старый очешник с оторванными бархотками выполнил одну из своих многочисленных функций – создал голографическую версию клавиатуры и дисплея портативного компьютера. Размер экрана можно было варьировать от нескольких сантиметров до метра по диагонали, но следовало экономить заряд аккумулятора. Оформление клавиатуры тоже допускалось менять в широких пределах в зависимости от решаемой задачи. При необходимости можно было создавать несколько клавиатур и дисплеев, работавших совершенно независимо и разнесенных друг от друга и от очешника на расстояние до двухсот метров.

Обшарпанный футляр на поверку оказался многофункциональным прибором, всех возможностей которого Каратаев даже и не знал. Помимо компьютера с многотерабайтной базой данных, это было звукозаписывающее устройство, сканер, радиопеленгатор, анализатор химического состава, металлоискатель, определитель генетического кода, радиационный дозиметр и что-то там еще.

Очки тоже выполняли целый ряд функций периферийного устройства. Будучи одетыми на нос пользователя, они тестировали радужные оболочки его глаз, определяя статус доступа. Таким образом посторонний не смог бы воспользоваться ими иначе, как простейшим оптическим прибором. Если же доступ разрешался, очки превращались в фотоаппарат, транслятор видео- и звукового изображения, передатчик видеoinформации от основного компьютера (очешника), оптический конвертер с возможностью увеличения до тысячи крат, прибор ночного видения и тому подобное. Они могли использоваться и как средство ириодиагностики, то есть в чисто врачебных целях. Управление функциями осуществлялось движениями зрачка, что требовало определенных навыков. Настроив, например, главный компьютер на поиск золота и надев очки, достаточно было направлять взгляд на различные предметы, чтобы определять не только наличие в них этого металла, но также его количество, степень чистоты и состав примесей.

Была у очков и еще одна чрезвычайно важная функция: с их помощью можно было работать с голографическим компьютером в скрытом режиме, когда ни клавиатура, ни монитор не были видны постороннему.

Осталось добавить, что энергетического заряда батареи при его экономном использовании могло хватить на тридцать-сорок лет.

– Что ж, посмотрим «Биржевые ведомости», – прошептал Савва, и через несколько секунд на мониторе перед ним замелькали пожелтевшие страницы старых немецких газет. – Та-а-ак, седьмое, восьмое... десятое, это сегодня... ага, вот сводка за одиннадцатое декабря. Что тут у нас... Ничего особенного. Правда, акции «Метахима» несколько поднялись, а вот «Берсоль», наоборот, продолжает падать. Ладно, посмотрим за двенадцатое число...

По приезде в Берлин Савва Каратаев намеревался сразу же приступить к первому этапу задуманной им программы. Необходимо было, поменяв австрийские деньги на немецкие марки, пустить свой небольшой начальный капитал в оборот. Сумма его «командировочных» равнялась одной тысяче крон. Громадные деньги для трех-пяти часов работы. Основная их часть лежала в потайном кармане жилетки и предназначалась для форс-мажора. Этих денег вполне хватило бы, чтобы зафрахтовать «мотор» или лошадь, откупиться от полицейского, дать на лапу чиновнику, оставить залог служащему библиотеки, если тот побоится выдать ценную книгу. Ну, и так далее. Всего заранее не предусмотреть.

Теперь, после покупки билета первого класса на экспресс Вена – Берлин, а также небольшого саквояжа (пассажир без багажа может вызвать подозрение), у Саввы оставалось чуть более восьмисот крон. Хватит на три-четыре месяца скромного существования. А что потом? Искать работу? Не нужен ли вам историк, господа, почти кандидат наук, тема проваленной диссертации которого звучит примерно так: «Пангерманизм первой четверти двадцатого века на примере венских фолькиш-ферейнов и его дальнейшее развитие в ариософских учениях начала тридцатых годов»? Что? Своих хватает? Ну, положим, таких-то у вас как раз и нету.

Ведь при желании он мог бы сварганить такое учение, которое, несмотря на весь его сюрреализм и откровенную фантазию, позволило бы ему предсказать многие события, точно предопределить направления общественного развития, предугадать грядущие катаклизмы и вознести своего автора на вершины почитания, как познавшего истину. Он просто воспользовался бы громадной информацией, хранящейся в кристаллах памяти его старого очешника. Одних только биографий людей, от оставивших едва заметную царапину в европейской истории до таких монстров, как Гитлер, он имел что-то около десяти тысяч.

Но на все это потребовалось бы время. Да и сам этот путь очень скользок и опасен. Велик соблазн сболтнуть лишнее. Зазевался, потерял чувство меры – и, сам того не желая, оказал непоправимое влияние на естественный ход истории. А если развитие событий вдруг пойдет не так, как положено, то все твои знания и биографии потеряют свое бесценное значение. Даже небольшие отклонения внесут неизбежную путаницу и вызовут цепную реакцию сюрпризов. Сложившийся порядок исторических фактов хрупок, словно карточный домик. Никакой самый совершенный компьютер и никакая самая умная программа не в состоянии просчитать последствия того или иного его, Каратаева, поступка. Но, разумеется, не стоит и преувеличивать. Если он, к примеру, отыщет здесь Ленина, познакомится с ним и поговорит о погоде, то вряд ли собьет этим будущего вождя пролетариата с предначертанного ему пути. И все же ему следует соблюдать предельную осторожность. Как можно дольше он должен оставаться в этом мире теневым потребителем его благ, не допуская сколько-нибудь существенного влияния на развитие событий. Только тогда он будет постоянным хозяином положения. А потом посмотрим.

Но восемьсот двадцать две кроны, равные семистам немецким маркам (по курсу 1 к 0.85), – слишком малая сумма, чтобы соваться на биржу и начинать манипуляции с акциями. Поэтому самым первым шагом сотрудника Берлинского исторического музея Августа Флейтера станет посещение одного из столичных казино. Еще дома Савва запустил на своем компьютере программу с заданием проанализировать тысячи газетных сообщений декабря одиннадцатого года на предмет поиска в них сведений о всякого рода финансовых аферах, крупных выигрышах или, напротив, проигрышах, о внезапно найденных кладах и тому подобном. Его внимание тогда привлекла заметка о том, как некий русский купец по фамилии Овчинников

крупно проигрался в рулетку в берлинском казино «Фортуна». Произошло это за десять дней до Рождества, а именно пятнадцатого декабря. Вернее, еще только произойдет.

Казалось бы, какую выгоду можно извлечь из знания факта проигрыша? Никакой, если бы репортер не сообщил в своей заметке, что русский просчитался всего на один номер: вместо его «17 черное» выпал «18 красное»!

Каратаеву вспомнился тогда знаменитый Висбаден. Сколько известных русских (и не только мужчин) проигрались там в пух и прах! Один только Федор Михайлович чего стоит. Несколько раз в свои очередные приезды на этот курорт он выходил из-за стола не то что без копейки в кармане – без гроша за душой. Зато когда сочинял «Игрока», то знал о чем пишет не понаслышке.

Итак, пятнадцатое декабря, казино «Фортуна». Остается разыскать в толпе этого самого Овчинникова, дожидаться, когда он поставит на «17 черное» и тут же сунуть все свои деньги на «18 красное». После этого лучше скрестить пальцы на руках и ногах и уповать на то, что репортер из «Берлинер тагеблат» ничего не напутал.

Савва выключил голограмму, спрятал очешник с очками в карман своего желто-песочного френча и откинулся на мягкую спинку дивана. В это время в дверь купе постучали. Их поезд пересек границу Германии, и немецкая таможня начала проверку документов.

– С возвращением в рейх, господин Флейтер, – сказал вежливый чиновник, отдавая Савве его фальшивый паспорт.

В Берлине, уплатив за две недели вперед пятнадцать марок, он снял комнату в квартале от Бельалиансеплац: выборка из газетных списков сдаваемого внаем жилья была подготовлена им заранее. В полиции Каратаев зарегистрировался как писатель, приехавший из Австро-Венгрии, но много лет перед тем проживший в России.

В ожидании пятнадцатого числа он гулял по городу, знакомясь с достопримечательностями; подглядывал и запоминал, сколько следует давать на чай таксистам, а сколько привратнику; разыскал на Курфюрстендамм «Фортуну»; посетил тот самый исторический музей, сотрудником которого якобы являлся; уплатил штраф в полицейском участке за кормление голубей в неподобающем месте (а именно возле статуи Бисмарка, что напротив Рейхстага). Он покатался на трамваях, попил пива в «Томаскеллере», почитал объявления на афишных тумбах, среди которых особое его внимание привлекли сообщение о воскресных бегах на загородном ипподроме Мариендорф, где совсем недавно был установлен усовершенствованный тотализатор Экберга.

Пришлось потратиться и купить кое-что из одежды и канцелярских принадлежностей, а также несколько книжек. При всем при этом Каратаев строго следил, чтобы отложенные им на игру четыреста марок – все деньги он носил с собой – оставались в неприкосновенности.

В назначенный день тщательно выбритый Август Флейтер бродил по главному залу казино «Фортуна», позвякивая в левом кармане френча семью серебряными монетами по двадцать прусских талеров каждая. Он обменял их в специальном окошечке, отдав четыреста двадцать марок – почти все свои деньги.

Зеркала, люстры, темно-коричневые спиралевидные колонны, картины в тяжелых рамах, зашторенные темно-зеленым бархатом альковы для картежников. Публики много. Важные господа в белых жилетах под черными фраками и сюртуками с неизменными моноклями в глазу. Более современно и демократично одетая молодежь в таких же, как на Каратаеве, френчах, галифе или брюках, длинных шнурованных сапогах из желтой кожи или остроносых ботинках. Военные. Дамы в платьях из темных блестящих тканей до самого полу, с пышными рукавами на плечах и узкими на запястьях. Между ними сновали юркие стюарды в красных расшитых курточках и черных брюках с узкими серебрястыми лампасами. Они носили подносы с выпив-

кой, подзывали к телефону завсегдаев, помогали подняться из-за стола сломленному неудачами или ослабленному алкоголем игроку, выбегали на улицу вызвать экипаж или такси.

Большинство публики не принимало участия в игре. Некоторые живо наблюдали за происходящим за столами, замороженно следя за бегущим по кругу шариком или мелькающими на зеленом сукне игральными картами вперемешку с монетами, банкнотами и долговыми расписками. Другие ничем таким не интересовались, коротая здесь холодный зимний вечер за светской беседой. Они потягивали напитки, кивали проходящим мимо знакомым, обсуждали последние новости.

Каратаев прохаживался между столами с рулеткой, напустив на себя вид пресыщенного знатока подобных развлечений. Он искал загулявшего купца-соотечественника и никак не мог отыскать. В его голове засел образ не слишком обремененного светскими манерами богатея с массивной золотой цепью на расшитом золотыми листьями малиновом жилете, обтягивающем большой круглый живот. Лоснящееся от жира лицо а ля Генрих Тюдор с маленькими глазками и завитыми в колечки короткими волосиками надо лбом. Но ничего подобного ни за столами, ни рядом не обнаруживалось.

Каратаев прислушивался: не раздастся ли где-нибудь возглас на родном языке, не чертыхнется ли кто-нибудь, не обложит ли матом немчуру с их дурацкими порядками? Но повсюду звучала немецкая речь, в которую изредка вплетались французские либо английские реплики редких иностранцев.

Савва стал нервничать. Начинать выполнение так тщательно обдуманного им плана с неудачи очень не хотелось. Он подошел к кассам, где франки, марки, доллары, фунты и даже рубли обменивались на удобные в игре золотые и серебряные монеты крупного достоинства (ведь фишек и жетонов еще не было и в помине), и поинтересовался у стоявшего неподалеку служителя: не проходил ли в зал некий господин по фамилии Овчинников?

– Да, он здесь уже третий день, – ответил тот.

– Вот как?

– Если его нет у рулетки, значит, играет в карты за занавеской. Хотя постойте, вот же он! – служитель кивком указал на человека, менявшего поблизости деньги.

Тот был высок, худ, в длинном темно-синем сюртуке, как у военных моряков, и совершенно не подходил ни видом, ни манерами под каратаевский штамп русского негоцианта.

Савва кивнул служителю и, к удивлению последнего, не только не подошел к разыскиваемому им человеку, а напротив, поспешил отойти в сторону. Нельзя было оказать ни малейшего влияния на того, кто должен с ювелирной точностью отыграть свою роль. Подойди он к купцу просто поздороваться – и может случиться так, что потом, в самый ответственный момент, он назовет не тот номер. Внешне он выполнит все точно так же, но ход его мыслей, потревоженных неосторожным прикосновением постороннего, может не привести к тому самому, очень тонкому и на девяносто девять процентов случайному решению, механизм принятия которого столь таинственен и не познан.

Каратаев издали следил за Овчинниковым. Обменяв деньги, тот направился к дальнему столу с рулеткой, вяло отмахнувшись по пути от какой-то дамы, За столом его явно ждали. Он сел на стул напротив центра расчерченного игрового поля и выложил на стол несколько стопок золотых и серебряных дисков. Игрока обступили плотным двойным полукольцом болельщики, и крупье произнес:

– Messieurs, faites vos jeux¹.

По наступившей вокруг тишине и по все накапливающейся здесь публике чувствовалось, что начинается действительно крупная игра. «Слава богу, похоже, я еще не опоздал и даже

¹ Господа, делайте ваши ставки (*фр.*).

как раз вовремя», – подумал Каратаев. Он протиснулся поближе, сжав во вспотевшей ладони свои деньги.

Желающие сделали ставки, но крупье ждал главного участника. В этот момент Каратаев заметил рядом с собой человека, записывавшего что-то карандашом в небольшом блокнотике. «Ага, вот и наш репортер», – со все возрастающим волнением подумал он, и его рука непроизвольно вытащила из кармана монеты.

– Ладно, начнем все сначала, – со вздохом усталого человека на достаточно чистом немецком произнес Овчинников и положил несколько монет на разделительную черту между «13 черное» и «14 красное», сыграв таким образом сплит.

– Les jeux sont faits; rien ne va plus².

Хромированная крестовина вертушки закрутилась, посверкивая бликами света хрустальных люстр. Все замерли. Во встречном направлении устремился белый шарик из слоновой кости. Сначала он катился по гладкой поверхности выше бортика с лунками и равномерно жужжал. Затем, потеряв скорость, опустился чуть ниже, перемахнул кольцевой выступ и запрыгал, стуча по несущимся навстречу латунным перегородкам.

– Двадцать три, красное, – объявил крупье, сгребая большую часть денег с разлинованной части зеленого сукна.

Игра продолжилась. Овчинников ставил по какой-то, возможно, только одному ему понятной схеме, играя то стриты и линейки, то квадраты и дюжины, то понижая риск и увеличивая ставку, то, наоборот, возвращаясь к стрейту, то есть ставя все на один номер.

– Это система «парлай», – шептал на ухо даме один из зрителей, изображая из себя специалиста.

Иногда Овчинников выигрывал, даже довольно крупно, и возле него скапливалась внушительная груда монет и банкнот. В таких случаях он шел на риск, поднимая ставку до предельной и играя сдвоенные или строенные номера. Количество денег возле него сразу уменьшалось, и он снова переходил к колонкам и дюжинам, ни разу, однако, не опустившись до «чета – нечета» или «красное – черное».

– Семнадцать, черное, – неожиданно громко произнес русский, звякнув по соответствующей клетке таблицы высокой стопкой золотых монет.

– Восемнадцать, красное, – сдавленным голосом тут же выкрикнул Савва и, протискиваясь к бортику стола, неуклюже протянул свои деньги.

– Faites vos jeux.

Засверкала крестовина, в наступившей тишине тягуче запел свою песню костяной шарик. Потом он запрыгал по лункам, теряя скорость и приближая момент развязки. Наступила тишина. Каратаев стоял у противоположного конца стола и не мог рассмотреть всех нюансов этой скачки. Он скользнул взглядом по равнодушному лицу Овчинникова, и что-то вдруг привлекло его внимание. Посмотрев чуть ниже, Савва увидел, что возле высокого борта стола перед русским лежит еще целая кипа монет и ассигнаций.

– Черт! – прошептал Каратаев, уже начиная подозревать неладное.

– Двадцать четыре, черное, – объявил крупье, забирая и ставку Овчинникова, и семь серебряных двадцатиталеровиков Каратаева.

– Черт, – вторично прошептал Савва.

Самое обидное, что на его проигрыш никто даже не обратил внимания, словно играл здесь только один Овчинников.

– Семнадцать, черное, – снова произнес худощавый человек в темно-синем сюртуке и опять поставил на несчастливую клетку.

² Ставки сделаны, больше ничего не принимается (фр.).

По всему было видно, что он уже устал и нервничает. В тактике его действий не было совершенно никакой логики. Только упрямство раздосадованного богатея.

В это время к нему наклонился один из стоявших рядом офицеров и что-то прошептал на ухо. Овчинников поднял голову и посмотрел на большие часы на стене. Он снова о чем-то пошептался с офицером, сделал рукой знак, привлекая внимание крупье, уже собравшегося объявить об окончании приема ставок, и начал выкладывать все оставшиеся у него деньги на клетку «17 черное».

– Туда же.

Возникло явное оживление. Повернув голову, Савва заметил, что на некотором удалении позади зрителей замерли официанты с полными подносами в руках. Они почувствовали приближение развязки и знали, что потребуется от них в следующую минуту – независимо от результата игры.

– Faites vos jeux.

В который раз закрутилась вертушка, запрыгал костяной шарик.

– Восемнадцать, красное, – невозмутимо произнес крупье под вздох толпы.

Надо же, он ошибся всего на одну лунку! Все посмотрели на проигравшего. Тот улыбнулся, встал, подал знак, и официанты с подносами, плотно уставленными фужерами с шампанским, сделали шаг к столу. Овчинников кивнул им, слегка поклонился публике и вместе с офицером стал пробираться к выходу. Десятки рук потянулись к дармовой выпивке, отталкивая уже все окончательно осознавшего Каратаева.

Он посторонился и молча наблюдал, как репортер берлинской светской хроники, ухватив бокал, отошел в сторонку. Поставив его на постамент какой-то статуи, журналист раскрыл свой блокнот и стал в нем что-то записывать. Казалось, этот тип был просто счастлив от всего произошедшего. «Скотина, – думал, глядя на него, Каратаев, – не мог нормально написать, что русский дважды ставил на семнадцать, черное...»

«Чертов идиот, – ругал он уже себя, возвращаясь домой. – Фраер, лох, придурок, профершпиливший (или как там у Достоевского) казенные деньги! Хорошо хоть за жилье вперед уплачено. Ну-у-у, тупица!...»

Уже лежа на диване в своей комнате на Фридрихштрассе, он, несмотря на проигрыш, успокаивал себя: как бы там ни было, а газетная заметка все же сработала. Будь он сам чуточку повнимательней, и такого прокола не случилось бы. А значит, еще не все потеряно.

«Однако что же теперь делать? – в десятый раз задавал он себе этот вопрос. – Осталось сорок восемь марок и мелочь. Так бездарно продуть все деньги! Нет, если так пойдет и дальше...»

Он вдруг вспомнил афишу, призывавшую публику на воскресные бега. «А что, – подумал Каратаев, – с моими копейками только это и остается».

Он проверил, заперта ли дверь, выключил свет и достал из кармана висевшего на стуле френча очешник. Через минуту Савва уже поставил перед поисковой программой компьютера задачу: выудить из декабрьских берлинских газет все, что касается бегов или скачек. Потом он отобрал данные за ближайшее воскресенье семнадцатого декабря. Скачки, как обычно, были прекращены еще осенью, а вот бега, невзирая на зиму и снег, продолжались, и в этот день действительно должны были состояться.

Савва выписал на клочок бумаги интересующие его данные, выключил компьютер и снова лег.

Весь следующий день он опять бродил по Берлину, стараясь приобщиться к ритму и стилю жизни последних лет Второй империи. Старательно запоминая названия улиц, вывески магазинов, расположение остановок общественного транспорта, Каратаев с особым вниманием приглядывался к людям. Вот группа ортодоксальных евреев в черных шляпах, бородах и пей-

сах толпится возле синагоги; вот студенты в каких-то чудных шапочках, звякая пристегнутыми к форменным шинелям короткими рапирами, шумной гурьбой вваливаются в пивную; вот полицейские вытянулись во фронт вдоль тротуара и отдают честь проносившейся мимо карете с германским принцем крови, следом за которой, рассыпчато звеня подковами по каменной мостовой, летит на рысях эскорт черных прусских гусар.

Посещать заведения ему теперь было не по карману. В течение дня он перебивался пирожками и парой бутербродов с колбасой, а возвращаясь вечером домой, купил булочки и молоко на углу Маркграфен и Краузенштрассе. Лежа потом в своей комнате на тесном диване, он в который уже раз размышлял о странностях этого мира.

Каратаев понимал, что никто из его современников никогда не узнает, что с ним случилось. Отправка в прошлое агента-исследователя (агиса, как называли командированных в их институте) и его возвращение осуществлялись через одно и то же окно. Если же окно закрывалось, а агент к тому времени не возвращался, то он не возвращался уже никогда. Но самое интересное, что сколько ни посылай в то же место и в то же время других агентов через новые окна, найти пропавшего они не могли. Более того, не могли обнаружить никаких следов его деятельности. На сей счет существовало множество теорий о всякой там многовариантности возмущенного прошлого.

Он снова вспомнил книжную иллюстрацию так называемого «феномена независимости». На маленький необитаемый остров с единственной кокосовой пальмой в его центре в понедельник энного года посылается агент «А». Через другое окно хронопортации туда же, но, скажем, днем позже – во вторник – посылают агента «Б». Спрашивается: что будет на острове в среду? Ответ: никто толком не знает. Ясно одно – они не встретятся. Каждый из них будет жить под этой пальмой хоть год, хоть всю оставшуюся жизнь в полном одиночестве. Если «А» с горя вдруг спилит несчастное дерево, то «Б» этого никогда не заметит. Он так же будет сшибать с него кокосы, как и прежде. В свою очередь и «А» не обнаружит следов деятельности своего коллеги, хоть взорви тот над островом атомную бомбу. Если же с целью посмотреть, что там творится, к ним пошлют третьего агента, скажем, «С» (уже через третье окно), то он обнаружит там первоначальный покой и полное безлюдье. А вот хронопортация агента «С» через окно агента «А» приведет к их встрече. То же и в отношении окна агента «Б». Таким образом, агисы, засланные в прошлое через одно и то же окно, оказываются в общем для них мире, а через разные – в разных. Такая вот получается загогулина.

Самая большая сложность в связи с этим состояла в том, что держать окно открытым можно было очень недолго, буквально несколько часов, после чего резко возрастают затраты энергии и наступает нестабильность. Через нестабильное окно назад может вернуться инвалид, дебил или того хуже – непонятно что.

Но зато из «феномена независимости» вытекало одно величайшее следствие: никакие искусства агисов в прошлом не могут повлиять на современность. Что бы они там ни натворили, в том времени, откуда они были хронопортированы, ровным счетом ничего не менялось. Как не менялось и ни в каком другом. Ведь обычных людей и все человечество в целом, живущее в любую конкретную эпоху, также можно рассматривать как группу агентов-исследователей, хронопортированных в прошлое через свое общее огромное окно, но со смещением в ноль секунд. Того, чего так боялись раньше – катаклизмов, связанных с парадоксами причины и следствия, – не происходило. Проникни на год или на сто лет назад банда террористов и взорви там хоть сто атомных бомб, последствия сказались бы только в их варианте. Там погибли бы люди и города превратились в руины, в других же эпохах и в настоящем времени (хотя понятие «настоящего» стало весьма условным) никто не заметил бы перемен.

Воскресное утро семнадцатого декабря выдалось солнечным, с легким морозцем. Путь до Мариендорфа оказался неблизким, так что пришлось потратиться на извозчика, вследствие чего у Каратаева осталось ровно сорок марок.

Ипподром был заполнен до отказа: многие берлинцы надеялись сделать себе подарок к Рождеству. Рядом со смотровой трибуной расположился военный оркестр, а на беговых дорожках гарцевало несколько всадников в блестящих шлемах с высокими султанами из конских хвостов.

Публика здесь, не в пример фешенебельному казино на Курфюрстендамм, собралась разношерстная. Важные господа – члены клуба – и их дамы в основном расположились в ложах, коротая время за бокалом глинтвейна или чашечкой горячего кофе. Но и внизу, в толпе у ограждения, можно было заметить высокие черные цилиндры и меховые воротники. У всех без исключения в руках были программки с расписанием забегов; у многих – бинокли; блокноты, в которых делались какие-то пометки; газеты, уделяющие внимание конно-спортивным соревнованиям. Каратаев тоже подобрал оброненную кем-то программку и сверил ее со своим списком. Все совпадало.

В тонкостях тотализатора Савва не разбирался. Вообще-то это было его первым посещением ипподрома. Из газет, прочитанных накануне, он узнал, что можно делать какие-то хитроумные ставки, дающие шанс на крупный выигрыш даже в случае победы явного фаворита, но ничего толком не понял и решил ставить по простому – на победителя.

Именно поэтому два первых забега он посчитал нужным пропустить. В обеих группах побеждали всем известные лидеры, так что рассчитывать на сколько-нибудь приличный выигрыш не приходилось. К тому же прежде он хотел еще раз убедиться, что все пойдет по разведенному им сценарию.

Он прошел в большой кассовый зал с толпящимся перед окошками народом, чтобы осмотреться и послушать, о чем говорят. Он еще не очень хорошо ориентировался во внешних признаках социальных сословий и старался разобраться, кто есть кто.

Впрочем, господскую прислугу и офицерских денщиков, выполнявших поручения хозяев, он уже отличал от фабричного люда и среднего класса. Возле представителей последнего вились какие-то темные личности, предлагавшие себя в роли букмекеров, суля заманчивые соотношения ставок. Присутствовали тут и азартные дамы, и студенты, прохаживались полицейские. Из своей конторки вышел ипподромный служащий и что-то объяснял публике возле висящей на стене афиши. В стороне группками стояли знатоки. Эти владели всеми тайнами тотализатора и конюшенных интриг, знали, не только какая лошадь когда засбоит, какая плохо проходит повороты и какой жеребец на прошлых бегах потянул сухожилие, но и всю подноготную каждого жокея, вплоть до интимных подробностей его семейной жизни.

– Мадам, семь к четырем на Луидора – это сказочное предложение. Он придет вторым, уверяю вас, – приставал вороватого вида тип к пожилой фрау. – Не связывайтесь с тотализатором. Это сплошное жульничество. Скажу вам по секрету, они сами вносят ставки после первого круга, – перешел он на доверительный шепот, опасливо поглядывая в сторону полицейского.

На улице заиграл военный оркестр, и Каратаеву постепенно передалось общее празднично-азартное возбуждение, не имеющее ничего общего с жестокой и равнодушной атмосферой казино. «Черт возьми, – думал Савва, проталкиваясь обратно к ограждению беговой дорожки, – неужели все получится? Не сделаю же я и на этот раз какую-нибудь глупость!»

– Англичане уверяют, мол, все масти равны и всякие там пятна не имеют значения, – слышал он обрывки разговоров, – но Винтерворт и Винге доказали, что серая превалирует над буланой, а караковая над гнедой.

– А что вы скажете о рыжей и вороной?..

– Это все ерунда! Чем темнее шерсть, тем устойчивее кожа лошади к солнцу. Только и всего. Возьмите альбиносов...

– А пегость есть следствие одомашнивания...

Оркестр смолк. На самом верху трибуны появился человек с огромным рупором и объявил участников первого забега. Последовал удар колокола. Все головы повернулись влево. Стоявшие у самого бортика навалились на ограждение, вытянув вперед плечи и шеи, а навстречу, фыркая паром, уже летела шестерка рысистых жеребцов, словно и не замечая привязанных позади своих крупов качалок с возницами.

Первый круг они прошли компактной лавиной, едва не цепляя друг друга осями и обдавая не успевших отхлынуть от загородки зрителей вылетающей из-под копыт землей вперемешку с брызгами подтаявшего снега. Тонкие спицы больших колес растворились в бешеном вращении и исчезли. Ободья словно отделились от ступиц и летели сами собой. Возницы сидели на качалках вплотную к лошадиным крупам, вытянув обе ноги прямо перед собой и упершись ими в стремяна. Конские хвосты едва не били их по лицам. Возницы размахивали хлыстами, не щадя своих любимцев, которых только что холили и нежили в конюшне, ощупывая каждую жилку и каждое сухожилие.

На втором круге рысаки растянулись. Впереди, грациозно подняв голову, бежал Сенатор, доставляя счастье всем, кто сделал ставку на этого фаворита-пятилетка. Он пришел первым. Луидор, которого расхваливал сомнительный тип возле касс, – лишь пятым.

В следующем забеге сотни глаз были устремлены на старого и опытного Кронпринца. На последнем круге этот черный как смоль жеребец, принимавший участие чуть ли не в первых берлинских бегах девяносто пятого года, все еще отставал на полкорпуса от туманно-белого с сиреневым отливом Тайфуна. Входя в завершающий поворот, он вылетел за радиус дорожки в поле и сразу откатился назад более чем на корпус. Толпа охнула. Каратаев испуганно заглянул в шпаргалку: неужели ошибка?! Но нет, вот они сравниваются и проносятся мимо, словно запряженные парой. Мелькают хлысты. Наездники, оскалившись, издают какой-то звериный рык. Общий вздох. Кронпринц снова отстает на полкорпуса...

Тишина.

– Тайфун обставил старика Кронпринца, – слышится со всех сторон, и Каратаева прошибает озноб.

Его данные не верны! Но это же означает катастрофу, ведь сейчас он должен поставить последние деньги, и если проиграет...

Вокруг зашумели и закрутили головами.

– Что случилось? – спросил Савва кого-то из соседей.

– Кронпринц объявлен победителем, – объяснили ему. – Тайфун дисквалифицирован за четыре проскачки перед самым финишем. Берлинец теперь второй, Диамант – третий.

Слава богу!

Вокруг снова стало свободнее. Многие устремились к кассам за выигрышем, который тут же меняли на новые билеты, вверяясь опыту, интуиции и удаче. Те, кто побогаче, никуда не бежали, раскуривая сигары и обмениваясь мнениями. Одни пользовались услугами проверенных ипподромных букмекеров, другие загодя сделали ставки на тотализаторе, распределив деньги по номерам и забегам и теперь заносили результаты второго финиша в свои блокноты. «Что же я-то стою!» – чуть не вскрикнул Каратаев и бросился к кассам.

В третьем забеге должен был победить Арктур. Из газетной заметки, которая будет напечатана завтра, Каратаев знал, что для многих это станет неожиданностью. Фаворитом третьей шестерки считался Бранд – рыжий конь с золотой гривой, известный всем и каждому. Трехлетке Арктуру прочили в лучшем случае третье место. Он был еще очень молод и норовист и на его счету пока не числилось побед.

– Тридцать марок на Арктур, – сказал Каратаев, просовывая деньги в одно из многочисленных кассовых окон. Последнюю десятку он все же решил оставить.

Краем уха Савва слышал, что большинство вокруг ставили на Бранда, некоторые – на Крестоносца или Хельда. Когда он отошел от касс и посмотрел на свой билет, рука его заметно подрагивала.

Он снова протиснулся к ограждению. Объявляли новых участников, конюшни, имена владельцев и возниц. Колокол. Шестерка лошадей устремилась вперед. Но Каратаев прослушал и не знал, как выглядит его конь, а номер на попоне – Арктур шел под пятым – пока не просматривался. Оставалось напряженно ждать, когда рысаки подойдут ближе.

Первый... шестой... третий... Вот он – пятый! Темно-коричневая с красным отливом шерсть сверкает на мощном крупе. Это гнедой иноходец с черными как смоль гривой и хвостом. Проходя трибуну, он борется за третью позицию с белогривым соловым жеребцом под цифрой «три». «Нет, лучше не смотреть», – решил Каратаев, внутренне боясь сглазить. Он опустил глаза.

На второй круг первым из-за поворота вышел Крестоносец, следом – Бранд и уже сравнивающийся с ним Арктур.

– Бранд! Дьявол тебя разорви! – вопил кто-то рядом. – Тебя что, всю неделю не кормили?!

Каратаев снова отвел взгляд и стал украдкой наблюдать за окружающими. Рядом стоял невысокий полный господин в котелке, похожий на пожилого Черчилля. Оттягивая нижнюю губу, в углу его рта повисла изогнутая трубка. Он внимательно следил за участниками и вдруг, выхватив трубку, закричал:

– Мерзавцы, что они делают! Он же придерживает фаворита!

Проносясь мимо трибуны, Арктур уже вышел вперед. Его возница сидел согнувшись пополам и все время оглядывался на отставших соперников. Под гул толпы Арктур промчался дальше и впервые в жизни пришел первым.

– Ваши триста пятьдесят марок. Получите.

Сжав в кулаке стопку мятых купюр, Савва отошел в сторону. Ему хотелось спросить, как был произведен расчет его выигрыша, но он постеснялся. При этом Каратаев заметил, что является не единственным получателем больших денег. «Ладно, теперь надо сосредоточиться и сыграть действительно по-крупному, – подумал он. – Четвертый и пятый забеги пропущу, а вот в шестом...»

Шестая шестерка готовила зрителям и участникам тотализатора сенсацию. Согласно Саввиной информации, в нем должен был победить шотландский рысак по кличке Эльф – классическая «темная лошадка», о которой ничего не было известно, кроме того только, что произвели и воспитали ее в конюшнях Заменгофа. Даже родословная Эльфа хранилась в тайне. Автор статьи в «Берлинер тагеблатт» уже в понедельник будет доказывать, что владелец Эльфа сделал все, чтобы создать у публики насчет этой лошади впечатление блефа. Нарочитая таинственность должна была насторожить знатоков и букмекеров: а не подсовывают ли нам черепаху, роль которой заключается только в том, чтобы проковылять один забег, оттянув на себя значительную сумму ставок доверчивых простаков, а на деле с треском проиграть и быть тут же проданной в какой-нибудь драгунский полк за бесценок? На самом же деле шотландца тайно тренировали за пределами Германии, готовя только к победе. И тот, кто раскусил истинный замысел заговорщиков, сорвал вместе с ними крупный куш.

Каратаев подождал, когда толпа у касс немного рассосется и, протягивая все свои триста пятьдесят марок в крайнее окошко (там сидела молодая женщина), негромко, чтобы никто не услышал, попросил поставить их на Эльфа – третий номер в шестом забеге. Стараясь придать своему голосу оттенок равнодушия, он при этом даже слегка зевнул.

Дистанцию в 2600 метров рысаки преодолевали за время чуть более трех с половиной минут, но пауза между забегами составляла примерно четверть часа, и Савва почувствовал, что проголодался. Он пошел в буфетную, купил хлеба с ветчиной и бутылку лимонада. На

улице духовой оркестр играл вальсы, а по беговым дорожкам проносились верховые, развлекающая публику и демонстрируя скаковых лошадей.

Объявили участников: Орландо, Блицц, Эльф, Либертин, ГанOVER и Гарем, причем двое последних были явными фаворитами с резвостью минута двадцать и минута двадцать две на мерной дистанции в тысячу метров.

– Летом на Хоппегартене ГанOVER не вошел в поворот, – говорил кто-то поблизости. – Его возница Франц чуть было не сломал себе шею.

– Там очень тесно, Фридрих. Так же, как и на Карлсхорсте. Это скаковые ипподромы, они не для бегов.

– Кто вам сказал, что Либертина вырастили в конюшне Линденхофа? Это холоднокровка, а Линденхоф холоднокровок не разводит.

– Его в прошлом году купил генерал фон Штильгерен. Кажется, в Венгрии.

– Хороший рысак выгоднее скакуна, – пояснял кавалерийский офицер двум молодым дамам. – Особенно зимой, когда скачки не проводятся. Три процента владельцу победителя от суммы ставок – это, я вам скажу, хорошие деньги...

Об Эльфе никто поблизости не говорил.

Звякнул колокол. Когда колесницы проносились мимо, Каратаев отыскал серого шотландского жеребца, шедшего вторым. Из программки он знал, что опытные Гарем и ГанOVER дают фору молодым трехлеткам метров в тридцать. Такое практиковалось, чтобы повысить призовую ставку владельцев, несколько уравнять шансы и обострить состязание.

– А тройка-то, посмотрите, и не собирается уступать! – воскликнул кто-то рядом.

– А как идет! Это Эльф. На таких серых шотландская конница атаковала Бель-Альянс сто лет назад.

– Чтоб мне провалиться, если они не пожалеют о своих форах! – с радостным удивлением в голосе проговорил стоявший позади Каратаева чиновник в длинной шинели, прижимая к глазам армейский бинокль.

На второй круг светло-серый, с темными гольфами конь вышел первым. По натуре он был скорее скаковой лошадей, нежели рысистой, и возница боялся только одного: как бы неопытный жеребец не сбойнул и не ударился в галоп. Это же почувствовали и знатоки. Несмотря на то, что они оказались в дураках и проигрывали свои деньги, многие стали болеть за новичка, в котором ощущалось столько свежей силы и прыти.

– Победил номер третий, Эльф, владелица баронесса фон Либенфельс. Второй с отставанием в четыре корпуса – ГанOVER...

Каратаев подождал, когда кассовый зал, весь пол которого был засыпан скомканными билетами проигравших, освободится, и подошел к окошку с молодой женщиной.

– Одну минуту, господин, я только приглашу старшего кассира, – сказала она, увидав целую пачку протянутых билетов.

– Вы выиграли семь тысяч шестьсот пятьдесят марок. Поздравляю. – В окошке появился старикан с почти голым черепом, но пышными черными бакенбардами и усами. Он уселся и начал отсчитывать деньги. – Если бы не гораздо более крупная ставка на Эльфа еще от кого-то...

Каратаев стал рассовывать по карманам пальто сложенные пополам толстые стопки купюр. «Надо было прихватить саквояж, – подумал он, – как назло, одна мелочь, а поменять негде». Он поблагодарил и отошел. Подобрал брошенную кем-то газету, он завернул в нее не уместившуюся в карманах пачку денег и быстро вышел на улицу. Там Савва лихо запрыгнул в одну из ожидавших у ипподрома пролеток и велел ехать в город.

«Баронесса фон Либенфельс, – вспомнил он уже дома имя владелицы серого рысака. – Уж не родственница ли это Ланца фон Либенфельса, известного австрийского ариософа и пангерманиста, создателя ордена новых тамплиеров?»

По пути домой он накупил всяких продуктов, включая колбасу, отличные сушеные фрукты, конфеты, кофе и бутылку французского вина, и теперь мечтал, сидя на своем диване.

«Завтра же переговорю с хозяйкой на предмет столования. Не хватало тут еще язву заработать. Медицина-то не та, Савва Викторович: хирургия допотопная, антибиотики изобретут лет через тридцать, икс-лучи только-только открыли, но медицинских рентген-кабинетов наверняка еще нет и в помине...»

Деньги он сложил в саквояж и запер в шкаф. Увидав на полу скомканную газету – ту, что подобрал на ипподроме, – поднял ее, разглядел и, усевшись на диван, стал просматривать.

Это была «Берлинер тагеблатт». Начав, как обычно, с конца, Каратаев через некоторое время наткнулся на ту самую заметку о проигрыше Овчинникова. Сомнений не было – верстку этой страницы он хорошо запомнил на экране монитора. Только там она была желтого цвета, в коричневых пятнах, с неровными от ветхости краями. «Интересно», – подумал Савва и снова пробежал по тексту заметки глазами.

«...Как и накануне, игра господина Овчинникова была в центре внимания. Стопки золотых стофранковиков то перемещались в сторону невозмутимого крупье, то возвращались к их первоначальному владельцу. Магнетизм этого движения настолько сковал взгляды зевак, что проигрыш остальных участников не вызывал у них уже никакой реакции. Так, рискованная ставка в двести талеров на стрейт, сделанная неким молодым человеком, которая в другой обстановке никак не могла бы остаться без внимания, оказалась совершенно не замеченной...»

«Так это же обо мне! – оторопел от неожиданности Каратаев. – Ну точно, обо мне. Он только преувеличил размер ставки». Текст заметки Савва знал почти наизусть и точно помнил, что в исходном, так сказать, историческом его варианте никаких упоминаний о двухстах проигранных талерах не было. «Что ж, начинаю оставлять следы, – подумал он, еще не зная, как отнестись к данному факту. – Без году неделя, а уже попал в газету. Надеюсь, на ипподроме такого не случилось».

В это самое время в дверь его комнаты постучали.

– Не заперто!

– К вам пришли, господин Флейтер. – Младшая дочь хозяйки квартиры, миловидная, но несколько пухлая Хельга, просунула свое розовощекое лицо в приоткрытую Щель.

– Ко мне?

Каратаев мгновенно забыл о газете и своем следе в истории. Кто здесь мог к нему прийти? Он лихорадочно стал припоминать всех своих берлинских знакомых, но кроме пары соседей, с которыми при встрече здоровался, да продавщицы из соседнего магазина не смог припомнить больше ни единой души. За шесть проведенных в Берлине дней он, конечно, со многими вступал в короткие уличные разговоры типа «простите... не подскажете...», но сознательно ни с кем старался не знакомиться. Неужели это из полиции или магистратуры, где он вынужден был отметить свое прибытие и оформить договор о найме жилплощади?

– А кто? Что он сказал?

– Он спросил господина Флейтера. Сегодня он приходит уже в третий раз.

Каратаев накинул на плечи френч и вышел, пройдя мимо посторонившейся Хельги.

Квартира была трехкомнатной с большой кухней, ванной, кладовкой и длинным темным коридором. Муж хозяйки, военный полковой врач, жил где-то по месту службы под Берлином и приезжал нечасто. Савва его еще не видел. Хозяйка, фрау Хохберг, и две ее дочери – старшая некрасивая Эва и восемнадцатилетняя (очень даже ничего) Хельга – занимали две комнаты в конце коридора, а постояльцам – непременно одиноким мужчинам – сдавали небольшую, но вполне прилично обставленную комнатку у самого входа, напротив кладовки.

В прихожей стоял человек лет тридцати пяти в мятом пальто грязно-синего цвета с узким меховым воротником. Пальто походило на укороченную шинель чиновника. На голове человека была старая меховая шапка.

– Вы ко мне?

– Именно к вам.

– Кто вы? Мы знакомы?

– Нет, хотя могли видаться и даже наверняка встречались.

Незнакомец говорил по-немецки со значительным акцентом. В его уверенном голосе Каратаев заподозрил неладное. Хельга притихла в нескольких шагах позади и вовсе не собиралась уходить.

– Что ж, снимайте пальто и проходите.

Когда пришелец уселся возле стола напротив Каратаева, тот разглядел его получше. Усталое, плохо выбритое лицо, лоснящиеся от жира светло-русые волосы, но в голубых глазах заметен блеск радостного нетерпения. Словно этот человек наконец-то нашел то, что так долго и безнадежно искал.

– Так где мы могли встречаться? – настороженно спросил Савва. – Лично я вас вижу впервые.

Незнакомец посмотрел на прикрытую дверь.

– В нашем ИИИ, например, – произнес он по-русски. – И вообще в Новосибирске.

Видя, что хозяин комнаты молчит и только таращит на него глаза, он закинул ногу на ногу и продолжил:

– Не стану вас интриговать, Савва Викторович, но скажу: попадись вы мне неделю назад, убил бы вас на месте. Потом, вероятно, пожалел бы, но сначала убил. Причем жестоко.

– За что? – совершенно механически и тоже по-русски спросил Каратаев.

– За то самое, о котором ты прекрасно знаешь. – Гость протянул руку, взял со стола нож и отрезал от лежавшей тут же колбасы толстый кусок. – Не бойся, теперь я уже перегорел.

Колбаса стала быстро исчезать во рту пришельца.

– Ну? Чего молчишь? – спросил он с набитым ртом. – Давай, начинай отпираться. Мол, никакой я не Савва, никакой не...

– Так вы оттуда? – перебил его совершенно обалдевший Каратаев.

– Оттуда, оттуда, – прошамкал незнакомец. – Твой современник и соотечественник Вадим Алексеевич Нижегородский. Уж не обессудь. И дай-ка чего-нибудь еще пожрать. Да принеси хоть чаю, что ли.

Чувствуя себя одновременно разоблаченным шпионом, пойманным беглым каторжником и обнаруженным под кроватью голым любовником, Савва поплелся на кухню. В его голове словно основательно пошурудили половником.

Хозяйская дочка как раз ставила на плиту чайник.

– Послушай, Хельга, оказывается, это мой старый приятель. Мы давно не виделись. Я тут купил кофе, конфеты. Угощайся и угости фрау Хохберг.

– Может быть, вам заварить кофе, господин Флейтер? Так вы скажите.

– Было бы очень кстати. И не называй меня господин Флейтер. Зови просто Савва... то есть, тьфу ты черт, я хотел сказать, зови меня Август.

– Август?

– Да... Нет! Лучше Макс. Да, Макс. Так, пожалуй, проще.

– Короче говоря, Саввушка, когда ты не соизволил вернуться к пяти пятнадцати, решено было кого-то послать, чтобы посмотреть, не валяешься ли ты там поблизости и не нужна ли тебе экстренная эвакуация. – Нижегородский деловито резал лук на той самой расстеленной на столе газетке с игорными новостями. – Тут я им и подвернулся. И дернуло же меня заинтересо-

ваться, что там случилось, почему все нервничают. Шел себе мимо, так нет же. В общем, Вася Столбиков – ну, ты знаешь – предложил мне быстренько переодеться и реинкарнироваться минут на двадцать в Прагу. Хорошо хоть предупредили в последний момент, что там зима и прохладно, да сунули какие-то документы и деньги. Я в этой суматохе даже не понял в какое время инсталлируюсь: то ли в 2011-й год, то ли вовсе в 1811-й.

– Так вас хронопортировали через мое окно?

– А ты еще не понял? Конечно, через твое. Иначе как бы я тебя тут нашел?

«Нехорошо вышло», – подумал Каратаев. Этого он в свое время никак не предвидел.

– Ну, и дальше что? Только прошу вас, говорите по-немецки.

В это время вошла Хельга. Она принесла небольшой поднос с чашками и кофейником.

– Что-нибудь еще, герр Макс?

– Нет, спасибо.

– Неплохо устроился, – сказал Нижегородский, глядя на закрывшуюся за ушедшей девушкой дверь. – А я по твоей милости последние трое суток ночую на вокзале.

– При чем же тут я? – вяло возразил Каратаев.

– При том, что все из-за тебя. Кто-то в суматохе сунул мне не австрийские, а норвежские кроны, да еще какого-то старого образца. Намучился же я с ними! Никто не хочет менять, курс неизвестен, ни билет на вокзале купить, ни жратву в буфете. Того и гляди позовут полицию. Кстати, знаешь, кто я по документам? Вацлав Пикарт, чех. Ты встречал чеха, живущего в Праге и не знающего родного языка? У-у-у, дебилы!

«Да ты и по-немецки-то говоришь кое-как», – подумал Каратаев.

– Почему же вы назад-то не вернулись?

Нижегородский посмотрел на Савву тяжелым взглядом.

– По кочану. Налей-ка лучше вина.

Они выпили.

– Vin de table³, – почмокал губами нежданный гость. – Ну, ладно. Когда я им попался, а ваш лысый знал, что недавно я побывал в Праге и должен там ориентироваться, так вот, они спросили, знаю ли я церковь Святого Николая? Знаю, говорю. А Клементинум? Знаю и Клементинум. Совсем недалеко. Отлично, говорят, там, где-то между ними, потерялся наш человек, будь другом, посмотри. Короче говоря, когда я, облазив все прилегающие закоулки, вернулся назад, мой датчик уже мигал. – Он похлопал себя по наручным часам. – Окно стало опасным. Я подождал в надежде, что стабильность восстановится, а когда окно вовсе исчезло, понял, что никогда уже не увижу ни жену, ни детей. Твое счастье, что в тот момент тебя не оказалось рядом. Наливай!

Они снова выпили, и Нижегородский продолжил:

– Наверное, с час я приходил в себя. Потом вернулся к Национальной библиотеке и стал показывать привратнику твою фотографию. Вот эту, – он швырнул на стол черно-белый снимок с фигурно обрезанными краями, как было модно в старину. – Ни он, ни кто другой тебя не видел. Я было подумал, что Столбиков запустил меня через другое окно, тогда все бессмысленно. Потом стал анализировать. Если ты удрал по своей воле, значит, у тебя есть заранее подготовленный план. По документам ты немец, музейный работник из Берлина. Мне еще в институте объяснили, что ты владеешь немецким и английским, но по-чешски не говоришь. Логично предположить, что устраивать свои дела ты рванешь в Вену, Берлин или куда-нибудь еще, и я отправился на вокзал.

Он вдруг замолчал и стушевался.

– Слушай, а у тебя тут ванная есть? Как думаешь, если я помоюсь?.. Нет?.. Неудобно? Ладно, обойдусь. В общем, на вокзале мне сказали, что только что отбыл проходящий скорый

³ Недорогое столовое вино.

на Берлин. Я пошел к кассам и без всякой надежды на успех стал показывать твою фотокарточку. Ты покупал билет у такой толстой-претолстой тетки с барсучьими щеками? Вот она-то тебя и опознала. К моему счастью, она понимала по-немецки, и я наврал ей что-то про жениха сестры, который нас обманул и бросил.

Нижегородский надолго задумался. Веки его начали опускаться, но он встрепенулся, взял себя в руки и налил полную чашку кофе.

– Тогда я понимал одно – мне во что бы то ни стало нужно разыскать тебя. У тебя была наша палочка-выручалочка, наш походный несессер, память которого ты наверняка забил всем необходимым. У меня же не было ничего, кроме пеленгатора точки хронопортации, а мои знания о начале двадцатого века ограничивались программой университетского курса. Ты имел план, иначе не решился бы на побег, а то, что ты невозвращенец, я уже понял. На следующий день мне удалось обменять часть моих денег на местные копейки, которых хватило только на кусок деревянной лавки в общем вагоне и только до Дрездена. Хорошо, что в моем паспорте оказалась какая-то бумажка, позволявшая подданному Австро-Венгрии без лишней волокиты пересечь германскую границу. Дальше я путешествовал зайцем. Один раз меня вышвырнули из тамбура, другой раз самому пришлось выпрыгнуть, чтобы не попасть в лапы дорожной полиции. Остаток пути проделал обозом, везшим в Берлин к Рождеству бочки с пивом откуда-то из Ютеборга. Только четырнадцатого числа я добрался до здешнего предместья и заночевал в каком-то трактире.

Каратаев на этот раз сам разлил остатки вина в стаканы и предложил выпить. Он определенно чувствовал себя виновным в том, что случилось с Нижегородским, и уже ломал голову, как же им быть дальше. Однако в его планы никак не входило иметь под боком человека, знавшего тайну Августа Флейтера.

– На следующий день мне повезло: в том же трактире я наткнулся на подвыпившего датчанина, который согласился купить остаток моих норвежских крон (а может, как раз датских – я так и не понял) за тридцать две немецкие марки. Мне подсказали, где найти приличную ночлежку, и я впервые нормально отоспался. Вообще-то это была не совсем ночлежка, а скорее что-то напоминающее общежитие для приезжих торговцев и требующее хоть и небольшой, но все же оплаты. Бес меня попутал уплатить только за три дня, потому что наутро я обнаружил, что меня обокрали. Осталась пятерка, до которой воры не смогли добраться. Вот так... Не буду рассказывать всех дальнейших подробностей, – продолжил он после некоторой паузы, – а то заплачешь. Я, Вадик Нижегородский, чемпион института по покеру, кандидат в мастера по спортивному бриджу, археолог и альпинист со стажем, старший научный сотрудник, наконец, чистил снег у Ангальтского вокзала, таскал чемоданы, выбивал пыльные ковровые дорожки из пульмановских вагонов. И, несмотря на все это, три последние ночи ночевал там же на вокзале в компании с двумя бездомными. А вчера под вечер я вдруг наткнулся на тебя в двух шагах отсюда на набережной.

– Вчера? Как же ты меня узнал?

– Как, как. Запеленговал твой определитель окна. Он ведь у тебя тоже в наручных часах? – Нижегородский вздохнул. – Да. Это знак судьбы, Каратаев. Я проследил, куда ты пойдешь, но решил нанести визит сегодня утром. Соваться сразу сюда с моей небритой физиономией было бы нетактично. – Нижегородский несколько секунд помолчал. – А теперь ответь, Савва Викторович: у тебя хоть деньги есть?

– Сегодня я выиграл на бегах, – простодушно сознался Каратаев. – Могу предложить... ну, скажем... двести марок... для начала.

– Не откажусь. А сколько выиграл-то? Да не таись ты. Грех таиться от современника. Я ведь не собираюсь тянуть с тебя, как попрошайка или шантажист. Я предлагаю себя в компаньоны. Твоя база данных дорогого стоит, но и верный соратник в этом чуждом нам мире не лишний. С кем ты еще сможешь поделиться сокровенным? Так сколько выиграл-то?

– Семь с половиной тысяч.

– Неплохо. Но ты, конечно, знал все результаты? Сколько было забегов?

– Восемь.

– Восемь? Восемь... восемь, – повторил задумчиво Нижегородский. – А что ж так мало выиграл? Знать все результаты и не прийти с ипподрома миллионером! Это что, из скромности?

– Ничего себе мало! Я начинал с тридцатки и ставил всего два раза.

– В восьми забегах ставил два раза? – искренне удивился Нижегородский. – А-а-а, понимаю, тебе было неловко перед остальными, теми, кто играл честно!

– Слушай, а не пошел бы ты! – Савва наконец-то перешел на «ты». – Я уже раз перед тем продулся вчистую и больше не хотел рисковать.

– Где продулся?

– Опять станешь умничать? В казино.

Каратаев рассказал, как было дело.

– Понятно, – на этот раз Вадим не стал смеяться. – Тебе повезло, что спасти твою задницу послали именно меня. Я научу как играть. Мы оставим их без штанов, лошадей и даже без игорных столов. Помнишь у Высоцкого? Останутся у них в домах игорных... – запел он. – Ладно, давай деньги. Да уж не двести, а хотя бы пятьсот. Надо срочно сменить часть гардероба, в первую очередь нательное белье. Но сначала в баню.

В прихожей, уже одевшись, он взял Каратаева за пуговицу рубахи и по-русски негромко сказал:

– Завтра, ровно в пять пополудни жду тебя здесь внизу. Подниматься не буду. Вздумаешь слинять – заявлю в полицию, что Август Флейтер – русский шпион. Тебя мигом найдут и посадят в кутузку. Пока.

Он стал спускаться по лестнице

– ...Останутся у них в домах игорных одни хваленые зеленые столы... – доносилось до Саввы пение его слегка захмелевшего современника.

Линять Савва не собирался. Он понимал, что нужен Нижегородскому, причем нужен настолько, что тот должен пылинки с него сдувать. Ведь та самая палочка-выручалочка, о которой упомянул Вадим, была залогом и его будущего. Воспользоваться же ею, кроме законного владельца, не смог бы при всем желании никто на свете: старый очешник признавал только Саввины пальцы, причем живые, кожа которых заключает в себе пот определенного химического состава и питается живой кровью достаточно редкой четвертой группы.

Каратаев прибрал на столе, сел и задумался. Нижегородский конечно не прав: для первого раза деньги он выиграл вполне приличные. И хоть в пересчете на доллары его 7650 марок составляли 1822 бакса, а в английской валюте и вовсе смешную сумму – 374 фунта стерлингов, эти деньги позволяли одному человеку худо-бедно просуществовать лет восемь в комнатухе типа этой, или снять года на два приличную квартиру. И все же для начала крупной биржевой операции необходима сумма другого порядка. Значит, придется еще несколько раз засветиться в казино или на ипподромах. А вдвоем, да еще с таким знатоком игры, как описал себя Нижегородский (если, конечно, он не врет), сделать это будет гораздо сподручнее.

Каратаев так и не определился окончательно, сколько Денег ему необходимо для удовлетворения своих потребностей. Он вовсе не собирался становиться миллиардером и нуворишем. Просто хотел жить в большом хорошем доме, быть экономически и во всех остальных отношениях совершенно независимым, заниматься любимым делом и стать известным, уважаемым человеком вовсе не благодаря богатству. Как там у Достоевского: корысть – это сотня франков на обед и любовницу, а миллион – это уже идея. Это свобода, возможность

посвятить себя не зарабатыванию на жизнь, а творчеству. Ведь смысл человеческой жизни – это творчество.

А впрочем, большие деньги открывают новые возможности и соблазны, которые, пока ты этих денег не имеешь, кажутся тебе неинтересными, чуждыми твоей природе. Ты даже смеешься над ними, но стоит ощутить в себе неведомое ранее финансовое могущество, как скромные мечты о трудолюбивом творчестве поблекнут, уступая место тому, что когда-то считалось тобой глупой прихотью богатеев.

На следующий день, когда мутное солнце уже опускалось в серую пелену над крышами Шенеберга, Каратаев прогуливался по набережной Шпрее, неподалеку от дома. Без четверти пять он вернулся на Фридрихштрассе и остановился напротив своего подъезда. Через несколько минут со стороны центра подъехал крытый экипаж. Савва скользнул по нему взглядом и хотел уже было отвернуться, но дверца кареты отворилась и послышался свист.

– Каратаев! Давай сюда!

Это был Нижегородский. Чисто выбритый, в новеньком котелке из черного фетра, белом кашне и вчерашнем, но вычищенном и отглаженном пальто. Он протянул руку, обтянутую темно-серой замшей.

– Здесь не принято снимать перчатку, когда здороваешься.

– Слушай, прекрати называть меня старым именем и вообще перестань говорить по-русски, – пробурчал Савва, забираясь в экипаж. – Я Август Максимилиан Флейтер. Запомни, наконец.

– Трогай, – Нижегородский стукнул кулаком в переднюю стенку кареты.

– Куда ты меня везешь?

– В новую жизнь, Августейший Максимилиан Флейтерович. Деньги с тобой?

– Ну взял две тысячи. А ты, я вижу, уже все спустил.

– Как видишь, даже на новое пальто не хватило. На жалкие пятьсот марок на Курфюрстендамм не оденешься. К тому же были и другие расходы.

Сейчас Савва дал бы Нижегородскому не более тридцати. Тот был коротко подстрижен, благоухал одеколоном и имел, оказывается, достаточно аристократическую внешность. Нос с небольшой горбинкой и приплюснутыми ноздрями, тонкие, бледные, плотно сжатые губы с полоской усиков сверху, немного впалые щеки и несколько выступающий вперед подбородок. Кожа лица еще сохраняла летний загар, делая светло-голубые глаза еще более светлыми, а едва заметный шрам на верхней губе придавал сходство с каким-то известным киноартистом. «Наверное, тот еще ловелас», – подумал Каратаев.

Они переехали по мосту на другую сторону Шпрее.

– Так куда мы едем?

– Смотреть квартиру. Тут недалеко, в лесопарковой зоне на юго-западе. Район Далем. Или ты вечно собрался жить в своей комнатухе?

– Погоди, – возмутился Каратаев, – а ты чего, собственно говоря, раскомандовался? Я просил тебя о квартире? Может быть, ты возомнил себя моим покровителем или, того лучше, боссом? Я согласен тебе помочь, но не более того. Давай уж сразу расставим все точки над «i».

– Давай сначала посмотрим хату, а уж потом расставим точки, – как можно мягче сказал Нижегородский. – Вот увидишь, тебе понравится. Я что, зря зафрахтовал этот роскошный экипаж?

– Ладно, что за квартира? – смилостивился Каратаев. – Ты хочешь, чтобы мы поселились вместе?

– Я же не склоняю тебя к сожительству, – с наигранной обидой в голосе произнес Вадим. – А квартирка, судя по описанию, очень уютная. Две вместительные комнаты, соединенные с большой общей гостиной, столовая, кухня, ванная, помещенище для прислуги. А вокруг!

Парки, тишина. Между прочим, это престижный район. Найдем старушку-экономку, этакую миссис Хадсон. Кстати, есть телефон.

– Ну, не знаю...

– Если вас интересуют цена, сэр, то готов лично оплачивать наши апартаменты из своего скромного трудового заработка. Ты только мне результаты забегов вовремя давай.

Нижегородский не соврал. Трехэтажный особняк был окружен высокими деревьями. Савва представил, как осенью эти благородные дубы и вязы должны устелить еще зеленую траву вокруг золотым ковром, расшив его красно-оранжевым узором. Неподалеку монотонно звонил колокол лютеранской церкви.

Квартира на третьем этаже вполне соответствовала строгому и одновременно парадному экстерьеру здания начала Второй империи. В большой гостиной не хватало только камина. Если к двум ее окнам встать лицом, то в стене по левую руку находились двери двух достаточно просторных спален, а по правую – вход в столовую, из которой, в свою очередь, одна дверь вела на кухню, а две другие в комнату для прислуги и в прихожую. Стена напротив окон была прорезана высокой двустворчатой дверью и увешана несколькими картинами в вычурных рамах. За дверью располагалась прихожая, далее ванная и туалет и, наконец, глухая персональная лестница до самого цоколя, не связанная с квартирами нижних этажей.

Хозяйка, пожилая вдова, уезжавшая на лечение за границу, попросила не портить мебель и не трогать картин. Но главным ее условием было дальнейшее пребывание здесь ее экономки (почти подруги) с ежемесячной оплатой в шестьдесят марок, так что вопрос о «миссис Хадсон» решился сам собой.

– Старая гримза будет за нами шпионить и обо всем ей докладывать, – шепнул Савве на ухо Нижегородский и тут же, обращаясь уже к хозяйке, подытожил все ранее сказанное и увиденное: – Итак, фрау Горслебен, завтра к десяти я приеду с нотариусом, мы все подпишем, и вы можете спокойно отправляться на Лазурный Берег.

– Я еду в Давос, – сухо прогнусавила вдова, – и мне нужна оплата за год вперед.

– Полгода, фрау Горслебен. Вторая половина сразу после Рождества.

– Но...

– Вы просите триста? Ведь так? Так вот, второе полугодие мы оплатим из расчета по триста пятьдесят!

Когда они оказались на улице, Каратаев набросился на своего чересчур активного современника:

– Тысяча восемьсот марок за полгода! Ты должен был сначала посоветоваться со мной!

– Двадцать четвертого числа мы купим весь этот дом, – распахивая перед Саввой дверцу экипажа, заверил его Нижегородский. – Все три этажа! Что ты считаешь без конца свои паршивые деньги? Успокойся и поехали к тебе. Нужно поменять мятые бумажки на приличные купюры или звонкую монету, а то вдова обидится. А потом прощайся со своей Гретхен и готовься к переезду.

– С какой еще Гретхен? – не понял Каратаев.

– С той розовошкой девицей, что называет тебя «герр Макс».

Через день они действительно переехали в тихий Далем. Вещей у них практически не было, и этот факт неприятно удивил подозрительную фрау Парсеваль, их кухарку и экономку.

Они поделили комнаты, впервые цивилизованно поужинали, сидя друг напротив друга по дальним сторонам большого стола, и наутро каждый занялся своими делами.

Нижегородский, выпросив еще триста марок, умотал куда-то на весь день. Савва заперся у себя, включил компьютер и стал просматривать ближайшие газеты, те, что еще только выйдут в последние дни года.

Вернувшись вечером, Вадим рассказывал:

– Представляешь, какая незадача, у них тут почти никто не играет в покер! Я потусовался в паре мест, кстати, и в «Фортуне» тоже. Нет, кое-кто, конечно, поигрывает, но большинство предпочитает тратить попусту время за всякими скатами и преферансами, корча из себя игроков.

– Покер, Вадим Алексеевич, вернется в Европу с американской армией в конце Первой мировой войны, – поучительно заметил Каратаев. Накануне он навел справки об этой игре с помощью своей компьютерной энциклопедии. – Так что придется подождать лет семь-восемь.

– Да ну?

– Точно. А если очень хочется, поезжай в Америку. Совсем скоро, кстати, туда отправляется новенький, с иглочки, «Титаник». Рекомендую. В первом классе соберется шикарная публика. Один граф Астор чего стоит. Я где-то читал, что его красная вечерняя жилетка оценивается в пятнадцать тысяч долларов. Вот где можно набить карман, если ты действительно знаток блефа, стритов и флэшей.

– Саввушка, а тебе не будет без меня одиноко?

Как-то вечером они сидели в гостиной и молчали. Погода, как и предсказал накануне Каратаев, испортилась. За окном в кронах деревьев старого парка выл ветер, а по голой земле белесыми струями мела поземка.

Нижегородский безо всякого интереса просматривал книги из хозяйской библиотеки, одну за другой вяло отбрасывая их в сторону. Каратаев прихлебывал из стакана горячий чай и украдкой посматривал на товарища.

– Послушай, Вадим, – сказал он нерешительно, когда очередная книжка была отшвырнута на угол дивана. – В ту нашу первую встречу ты сказал про жену и детей... Ну, помнишь...

– Ну сказал, и что?

– Да нет... так. Меня это, конечно, не касается...

– Что, совесть мучает?

– Ну...

– Расслабься. Мои жены меня бросили. Обе. Сначала первая, потом вторая. А что касается детей, – Нижегородский рассеянно посмотрел в пол, – есть у меня сын. Ему восемь, и к моим женам он не имеет отношения.

– Как это? Впрочем, понял, – спохватился Каратаев. – А почему они тебя бросили?

Нижегородский вытянул ноги, положил раскинутые руки на спинку дивана и наморщил лоб.

– Сам не пойму. Первая – лет шесть назад. Меня тогда привезли с гор на носилках. Свалился в пропасть и повредил позвоночник. Так вот, она приходила в больницу и все сокрушалась: встану ли я на ноги и когда. Мне это надоело, и я подговорил санитаря-практиканта. Он нацепил очки, повесил на шею фонендоскоп и в коридоре, приватно так, шепнул ей на ухо, что, мол, плохи мои дела. Скорбные вопросы с ее стороны моментально прекратились. Она просто перестала приходить, а когда я вернулся домой, ее и след простыл. В церкви мы не венчались и родственники Рубинштейна в нашу честь не голосили, так что все просто.

– А вторая?

– Вторая... Вторая в общем-то как бы и не ушла насовсем. Она сказала: отдашь долги, позвони. Я тогда влип в нехорошую историю. Потерял, понимаешь, бдительность и сел играть не за тот стол.

Вадим принялся раскуривать сигару, но Каратаев терпеливо ждал.

– Нас было шестеро, – продолжил Вадим, – я и пятеро тех, которые играли против меня одной командой. Вокруг плотной стеной стояла толпа, и миловидная девочка позади моего кресла семафорила мои карты сидящим за столом. То сережку в ухе потрогает, то челку попра-

вит, то пуговку на кофточке потерябит. Первая сверху – у меня двойка, вторая – тройка, ну а если пятая – то, наверное, колер стрит. Это был шестой член их команды, Саввушка, о чем я догадался слишком поздно. Так что мою Реинкарнацию сюда кое-кто мог бы расценить как бегство от карточного долга.

В пятницу Нижегородский отправился в Мариендорф, как он заявил, на рекогносцировку. Вечером он приволок огромную корзину закусок и вина и попросил фрау Парсеваль сварганить праздничный ужин. Он наплел что-то про свои именины, и той ничего не оставалось, как немного подсуетиться. После Каратаев включил компаньону свой компьютер, и тот лично изучал опубликованные результаты будущих воскресных бегов.

Уже ночью, перетащив остатки закусок из столовой в гостиную и заперев двери, они при зажженных свечах пили вино и намечали план действий.

– Гамилькара нет в афишах, – говорил Нижегородский. – А по газетам он принимает участие в бегах и выигрывает в третьем забеге. Как тебе это нравится?

– Значит, объявят замену в день состязаний.

– Но букмекеры принимают ставки уже сейчас. Нет, Савва, это война ипподромного тотализатора, устроенного по системе «пари мютюэль», против букмекерства как явления.

– А нам-то что до этого? – не желая вдаваться в тонкости, лениво спросил Каратаев.

– Понимаешь, Август Максимилианович, если мы сыграем только в машинку Экберга и при этом на самых элементарных пулах, тупо поставив на всех по очереди известных нам победителей, то засветимся, как две рождественские елки. Нас мигом срисуют, и в следующий раз на нас станут показывать пальцами все шалопаи. И это при том, что выиграем мы не больше двадцати процентов от возможного. А то и меньше. Нет, тут надо действовать тонко, завуалированно и не игнорировать солидных букмекеров. Тащи бумагу и карандаш.

В назначенный день по случаю приближающегося Рождества ипподром Мариендорф был празднично украшен цветными флагами, гирляндами, перевязанными лентами валиками еловых лап, живописно свисавших с бортиков лож. И до отказа наполнен народом. Над трибуной натянули новые тенты из широких полос яркой ткани красного, желтого и черного цветов. Длинные дополнительные навесы установили по обе стороны трибуны вдоль ограждения, где располагались бесплатные стоячие места для публики. Трепещущие на слабом ветру края тентов спускались вниз цветными полукружиями, так что издали, на фоне полутора десятков национальных флагов империи, все это походило на средневековое рыцарское ристалище.

Было пасмурно, но тепло. В павильонах позади трибуны работали сразу несколько выездных ресторанов. Играл духовой оркестр. В центральной ложе расположилась парочка прусских принцев – ценителей лошадей и заядлых игроков. Их окружала целая толпа друзей. Приехали гости из соседних королевств и герцогств, в связи с чем количество полиции вокруг ипподрома удвоили.

– Видишь того красавчика в ложе? – шепнул Каратаев Нижегородскому. – Это Чарльз Эдвард, чистокровный англичанин. Лет двенадцать назад его привезли из Англии пятнадцатилетним пацаном, чтобы посадить здесь на пустующий трон крохотного Кобургского герцогства. Он даже по-немецки не говорил, а теперь прусский принц крови. Его называют «седьмым сыном» кайзера. Между прочим, этот типчик первым из немецких принцев перейдет на сторону Гитлера и останется ярым нацистом до конца своих дней. А рядом с ним, – продолжал вполголоса рассказывать Савва, – Вилли Маленький – шестой сын Вильгельма И. Лихой наездник и сам часто участвует в скачках. С папашей у них по этому поводу постоянные ссоры. А вон тот с огромными усами, знаешь, кто это?..

– Не знаю, потом расскажешь, – отмахнулся Нижегородский. – Мы сюда не принцев разглядывать приехали. Пора.

Пока под звуки танцевальной музыки по беговым дорожкам водили заявленных к продаже лошадей, Каратаев с Нижегородским прошли в кассовый зал. Вадим поставил по триста марок на дубль (пару победителей в двух первых забегах) и на две терции (три первые места в тех же забегах), игнорировав простые пулы на победителя.

– Теперь нужно действовать четко и слаженно, – в который раз наставлял он товарища. – После первого забега дуй в кассу, а лучше уже будь там поблизости и сразу получай выигрыш. Судя по количеству народа, мы сорвем тыщ двадцать на первом же пуле. Потом бегом тащи деньги вон туда. Я купил билет в ложу и предварительно договорился с Гаусманом – одним из самых известных букмекеров. Так что не подведи.

– Договорился о чем?

– О кварте – четверном экспresse в третьем забеге. Состав участников самый темный: я не зря выбрал именно эту семерку лошадей. Как раз в ней Самсона меняют на Гамилькара. Когда я рассказал о своем предложении, Гаусман посмотрел на меня, словно перед ним круглый идиот, и обещал принять ставку пятьдесят к одному!

– Может, не надо так круто?

– Надо, Савва. Как раз в этой комбинации никто ничего не заподозрит. Можно подкупить одного, ну максимум двоих жокеев, но не четверых сразу. Да и в этом случае им еще нужно суметь распределиться в точной последовательности перед финишем. А это почти невозможно.

Объявили первых участников, и после удара колокола первые семь колесниц устремились вперед. Каратаев не стал смотреть. Кивнув напарнику, он протиснулся сквозь толпу и пошел к кассам. Потом он услышал, как называют победителя и всех остальных, потом украдкой складывал в свой саквояж одиннадцать тысяч марок, выслушивая поздравления кассира, после чего выбрался из сгрудившейся возле касс толпы и в условленном месте разыскал Нижегородского.

– Сколько?

– Одиннадцать с копейками.

– Жулики! Ладно, давай. После второго забега получай по билетам за следующую терцию, а я получу за дубль. Билеты у меня. Встречаемся у флаштока с баварским флагом.

Нижегородский с саквояжем начал подниматься на трибуну. Каратаев вытер рукой взмокший лоб и снова стал выбираться из толпы...

Через несколько часов, даже не сняв пальто, они полулежали в креслах в своей гостиной. На полу между ними стоял раскрытый саквояж Каратаева, доверху набитый деньгами.

– Сколько тут? – обалдело спросил Савва.

– Почем я знаю, – тоже еще не вполне придя в себя от трехчасового ипподромного марафона, отвечал Нижегородский. – Сколько бы тут ни было, а Гаусман должен еще полмиллиона. Видел бы ты его рожу, когда объявляли призеров и четвертого! Гамилькар, Цезарь, Сарацин, Арго. По нему словно четыре раза ударили кувалдой. Это стоило лицезреть! Жаль, тебя не было.

– А он сможет расплатиться?

– Не беспокойся. Эта публика и не так прогорала. Попросил неделю после Рождества до открытия банков и выписал вексель. Те двое тоже выписали векселя, – Вадим похлопал себя по карману.

После третьего забега они поставили еще несколько раз на «машинку» и дважды воспользовались услугами ипподромных букмекеров, правда, уже не так жестоко. Играя на тотализаторе, Каратаев нарочно сделал много заведомо проигрышных ставок. На всякий случай. Получая пачки денег, он рвал на глазах кассиров эти билеты и со стороны выглядел скорее несчастным, чем довольным.

– Слушай, тут неделю пересчитывать, – сказал Савва, толкая носком ботинка саквояж.

– Отвезем в какой-нибудь банк. Там посчитают и поменяют. Откроем депозит и заодно положим на счет вдовы обещанные две тысячи. Завтра с утра – на Курфюрстендамм, во фран-

цузский магазин, а сейчас скинемся на пальцах, кому бежать за коньяком и лимонами. Не посылать же нашу старуху. А в ресторан сегодня что-то не хочется.

Вечером следующего дня, когда смятение в их душах Улеглось и они, решив прогуляться по окрестностям, брели одной из тихих улочек Далема, Нижегородский спросил:

– Ну а теперь, Каратаев, ты можешь рассказать, что там у тебя в заначке?

– В какой еще заначке?

– Ну на чем ты собирался сделать свой первый трудовой миллиард? Не в казино же и не на бегах. Еще один такой фестиваль, и нас перестанут пускать на ипподром. Ни один букмекер не примет нашу ставку даже на самую распоследнюю клячу. Это ты, надеюсь, понимаешь? Мы, конечно, еще потанцуем, но уже скоро придется либо искать подставные лица, а это опасно, либо ехать на гастроли. У тебя есть данные по бегам и скачкам в Англии, например?.. Нет?.. Ах, еще не смотрел. Неплохо было бы побывать на настоящем дерби. Англичане знают толк в этом деле. Корабли, лошади и охота на лис – вот истинный дух империи.

Подул ветер, и они не сговариваясь подняли воротники своих новых теплых пальто. Нижегородский по-прежнему форсил в котелке, надев шерстяные наушники. Каратаев предпочел высокое кепи с меховыми отворотами.

– Есть одна идея, – сказал он шагов через двадцать. – Но это тебе не букмекеров опускать.

– Ты говори, а уж мы разберемся.

– Это произойдет в начале февраля. – Савва остановился и повернулся к соотечественнику, подчеркивая важность момента. – Буквально в течение нескольких часов нужно будет проделать одну биржевую операцию.

– С акциями?

– Да.

– Я так и думал. Какой намечается выхлоп?

– Чего? – не понял Каратаев.

– Ну, сколько мы на этом скосим капусты?

– Выражаясь по-игорному, ставка три к одному. Каждая вложенная марка должна вернуться с тремя подругами. И, главное, весь этот процесс не растянут на месяцы, что обычно происходит в таких случаях, а должен уложиться в несколько дней. Но скупку необходимо произвести за несколько часов.

– Кто-то здорово ухнет вниз, а потом поднимется?

– Точно.

– Кто?

– Одна пароходная компания.

Нижегородский ненадолго задумался.

– Мы назовем нашу первую коммерческую операцию «Дело пароходной компании». Она войдет в историю. А пока я присваиваю ей гриф «Секретно в высочайшей степени» и регистрационную литеру «альфа».

– Почему «альфа»?

– Потому что потом будут «бета», «гамма» и так далее до буквы «ять». Ладно, подробности дома, а сейчас посмотри, как прекрасен мир!

На следующий день Нижегородский затащил Каратаева в один из самых дорогих и престижных ресторанов столицы в отеле «Кайзерхоф».

– Надо отметить удачу, Савва, и вообще, давай привыкать жить по средствам!

Они устроились в отдельном кабинете. Пустоту небольшого стола, накрытого простой льняной скатертью, нарушало присутствие двух подсвечников, двух бокалов и двух наборов разнокалиберных салфеток.

– Ты уже сделал заказ? – спросил Каратаев по прошествии нескольких минут. – Что-то они не торопятся.

– Терпение, Саввушка. – Вадим откинулся в полукресле и явно испытывал удовольствие, интригуя своего компаньона. – Ты ждешь, что сейчас тебе принесут бефстроганов, картошки и салат? Все это будет, но прежде мы прикоснемся к великому. К одному из тех достижений человечества, путь к которым идет не через озарение, когда можно заорать «Эврика!» и броситься голышом по улице. Это долгий путь десятков и сотен поколений, суммарный интеллект и опыт которых однажды рождает совершенство...

– А нельзя покороче? – прервал его Каратаев. – Ты притащил меня сюда обедать или слушать лекцию?

– Я просто хотел тебя подготовить, а то ты ни черта не поймешь, – буркнул Нижегородский и нажал кнопку вызова.

Через минуту дверь медленно отворилась и в нее осторожно вошел официант, сопровождаемый метрдотелем. Официант на вытянутых руках нес бутылку вина, установленную в специальном приспособлении, позволявшем извлечь пробку, не потревожив осадок. Почти черная бутылка, покрытая многолетней пылью погреба, походила на спелую виноградину с серым пушком на черно-синей кожице. Ее украшала невзрачная этикетка, мелкие надписи на которой из-за пыли совершенно не читались. Но никому бы и в голову не пришло протереть этот раритет тряпкой, дабы не нарушить ощущения подлинности.

Вадим кивнул, и пробка была аккуратно удалена. Он кивнул еще раз, и бокалы на четверть наполнились темным, пурпурно-красным вином. Метрдотель зажег свечи, справился, когда подавать закуски и горячее и, пожелав приятного вечера, удалился вместе со своим подчиненным.

– А теперь делай, как я, – скомандовал Нижегородский, осторожно, двумя пальцами взял хрустальную рюмку за тонкую ножку и стал взбалтывать ее содержимое, набрасывая жидкость на стенки. – Смотри, не пролей на себя.

– Чайные церемонии, – фыркнул Каратаев и схватился за хрусталь всей пятерней. – Прозит!

– Ты что?! – оторопел Вадим. – Это же тебе не коньяк. Прозит! Поставь рюмку на место, невежа! Нагреешь. У тебя в руках «Шато Марго» – великий кларет 1870 года! Сравниться с ним могло лишь бордо 1811-го, но оно состарилось и умерло еще в шестидесятые. – Он с благоговением посмотрел на свой бокал. – Перед первым глотком вино нужно декантировать, дать ему подышать, чтобы оно раскрыло свой букет. Прозит! – еще раз уничижительно буркнул Нижегородский. – Ладно, теперь небольшой глоток.

Каратаев покачал головой, вздохнул и осторожно пригубил.

– Ну?

– Баранки гну, – огрызнулся обиженный Савва. – Теперь я должен закатить глаза и застонавать в экстазе?

– О господи! Хорошо, что я с этой тундрой в отдельном кабинете и нас никто не видит. – Нижегородский почмокал губами, прислушиваясь к послевкусию. – Ты ощути плодовой аромат. Ведь это бордо провело тридцать лет в бочке, а потом еще одиннадцать в бутылке! Оно старше нас, а сохранило свою первородную сущность, которую другие теряют уже через пару лет. Чувствуешь легкий ванильный привкус? Это наследие лимузенского дуба. А едва уловимую минеральную окраску с примесью серы оно получило от подземных источников Медока. Ну ладно, теперь глоток номер два.

Они снова выпили, и Вадим наполнил рюмки до половины.

– А теперь посмотри на его цвет. Между прочим, для этого тут и поставили свечи. Полюбуйся, что мы сливаем в свои желудки. К двадцатому году – к своему пятидесятилетию – это бордо будет провозглашено величайшим кларетом всех времен и народов. А ведь будучи

молодым, оно казалось столь терпким и грубоватым, что под вопросом была даже его винтажность, то бишь простановка года урожая на этикетке. Только к его семилетнему возрасту люди постепенно начали осознавать, какая долгая, полная волшебных превращений жизнь уготована этому гадкому утенку.

Новоявленный полумиллионер, который еще несколько дней назад подносил чемоданы на Ангальтском вокзале, принялся рассматривать свой бокал на свет. Он хотел взять все от этой бутылки. Сделавшись знатоком и поклонником благородных вин еще в той, прежней жизни, Нижегородский впервые теперь мог прикоснуться к тем из них, о которых раньше только слышал легенды. Он мог говорить о них бесконечно, получая, пожалуй, даже большее удовольствие от рассуждений, нежели от непосредственного физического контакта с самим объектом своего поклонения.

– Великие вина, Саввушка, рождаются редко и требуют уважения. Запомни навеки: это не алкоголь и не вино, которое нужно закусывать. Вот почему наш стол пуст. Никакие, даже самые изысканные фрукты и никакие блюда самой высокой кухни не смогут сочетаться с их царственным великолепием. Только ты, твой мозг, твой пустой желудок и маленький глоток совершенства. А после каждого глотка молчание, а потом, если, конечно, ты пьешь не в одиночку, непереносимый обмен мнениями. Как мусульманин, упомянув в разговоре имя Магомета, добавляет: «Да благословит его Аллах и приветствует», так и всякий, пригубивший этот напиток, должен выразить ему свое восхищение. А иначе он просто невежда и грубиян.

На следующий день дома по случаю католического Рождества их ожидал скромный праздничный ужин, состоявший из традиционного немецкого гуся, пудинга и красной капусты.

– Мда-а, – окинув взором стол, протянул Нижегородский. – Нет, Савва Августович, лично я с такой закуской категорически не согласен. Это вообще черт знает что такое! Где хваленая немецкая кровяная колбаса, где чесночная подливка к телятине, где ветчина, где потсдамский салат? Да у нас в институтской столовке...

Он сделал заказ в ресторане.

А потом настал последний день одиннадцатого года. Это было воскресенье. Бега они решили пропустить. С одной стороны, недостатка в деньгах компаньоны уже не испытывали, с другой же, Каратаев считал, что им необходимо делать передышки с целью релаксации. Он путанно объяснял Нижегородскому, что частые их присутствия на бегах могут привести к накоплению каких-то там факторов и сдвигу каких-то причинно-следственных полей, способных деформировать игровой процесс и... И так далее и тому подобное.

– Вы в курсе, что сегодня в полночь наступит Новый год, фрау Парсеваль? – задал Нижегородский экономке, доедая обеденный суп. – Тридцать первое декабря, а мы с Августом не видим никаких праздничных приготовлений.

– Я вас не понимаю, господин Пикарт.

– Чего тут понимать? А впрочем, ладно, я опять сделаю заказ в ресторане, а вас попрошу быть столь любезной и часикам к одиннадцати сервировать нам стол в гостиной. Там уютнее.

– В гостиной? – снова удивилась экономка.

– Да. И поставьте, пожалуйста, пару дополнительных приборов: возможно, будут гости.

Нижегородский вальяжно откинулся на спинку стула и медленно, с долей какого-то жеманства вытер рот салфеткой. На нем был роскошный домашний халат, так густо расшитый золотыми и серебряными позументами, что однозначно определить его основной цвет не представлялось возможным. Широкие атласные отвороты и бархатные обшлага были окантованы многоцветным витым шнуром и прошиты золотой канителью, а на больших накладных карманах вытканы золотые грифоны. Туалет дополняла белая рубашка с пышным фиолетовым галстуком и золотой заколкой. Еще накануне вечером Каратаев заметил на безымянном пальце правой руки своего компаньона перстень с почти черным камнем, ограненным под бриллиант.

– Это траурное кольцо, Савва. Печальное напоминание о тех, кого я безвозвратно потерял, – пояснил Вадим.

«Когда он только все успевает, – глядя на современника, не переставал дивиться Каратаев. – Вчера утром привезли патефон, потом приволокли здоровенный сейф, который едва втащили на ремнях шестеро профессиональных грузчиков... Да! Что он там сказал про гостей?»

– Это две молодые особы, – раскуривая сигару, уже в гостиной прошепелявил Нижегородский. – Я познакомился с ними на Паризенплац. Кажется, вчера.

– Вчера? И сегодня они уже придут?

– А что, разве Новый год не достаточный повод посидеть в обществе двух очаровательных фройляйн? Ты, Савва, меня удивляешь. Сам, понимаешь ли, опять уткнешься в свой компьютер, а мне что прикажешь делать?

– И что ты им наплел? Как ты нас представил?

– Ну... ты известный в своих кругах публицист, историк, натура творческая. Одним словом, бездельник и прожигатель жизни. А я...

– Это я-то прожигатель жизни! – задохнулся от возмущения Каратаев.

– Ну хорошо, пускай мы оба прожигатели. Разве это принципиально?

– Да не хочу я быть... Слушай, Вадим, я все больше убеждаюсь, что мы с тобой совершенно разные люди. Ты не можешь знать моих планов, я не желаю знать твоих. Давай договоримся – после операции, как там ты ее назвал, один из нас съедет на другую квартиру, где сможет делать все, что ему заблагорассудится.

Нижегородский напустил на лицо печаль и прижал ладонь с перстнем к сердцу.

– Что ж, воля твоя, Савва, но мне будет тебя не хватать.

– Закажешь второе траурное кольцо.

Очаровательные фройляйн оказались не столь уж и очаровательными. Обыкновенные девицы, недавно окончившие какую-то там гимназию в каком-то городке и приехавшие в столицу погостить на праздники. Нижегородский вызвал по телефону такси и велел шоферу забрать двух молодых дам в условленном месте. За час до того он отпустил фрау Парсеваль на два или три дня (вернее сказать, чуть ли не вытолкал), и та уехала к родственникам. В своем ридикюле она увезла конверт с «праздничным пособием», так что особенно и не обиделась. К этому времени старушка окончательно утвердилась во мнении, что постояльцы фрау Горслебен совершенные безбожники, не уважающие традиций (впрочем, по крайней мере, один из них и вовсе иностранец), а возможно, и франкмасоны, если не хуже.

Вадим усадил всех за стол и принял на себя обязанности тамады. Прослушав предварительно небольшую лекцию о том, почему шардоне более восприимчив к благородной плесени, нежели пино нуар, они пили белый эльзасский гевюрцтраминер и слушали футуристические анекдоты Нижегородского. Смысла многих из них девицы уловить не могли, но каждый раз, поняв, что анекдот окончен, весело смеялись. Потом, заведя патефон и поставив пластинку с вальсами Вальдтейфеля, Вадим стал учить их танцам будущего. Опять было много визга и веселья. Затем, дабы снова возбудить аппетит, уделили внимание вермутам: сначала прямому итальянскому пунт э месу, потом – для контраста – горькому французскому нолли прату, самому сухому вермуту в мире, если верить Нижегородскому. И наконец, чтобы побороть в отяжелевших желудках съеденное, в ход в качестве тяжелой артиллерии был пущен коньяк.

Часам к двум, видя, что Каратаев совсем засыпает, Вадим вызвал таксомотор, распахал по карманам пальто деньги и укатил вместе с фройляйн на всю оставшуюся ночь и на два последующих дня. На утро совершенно больной Савва не мог вспомнить ни имен обеих девушек, ни того, что ему, прощаясь, шептал на ухо пьяный Нижегородский.

* * *

– Ну ладно, Каратаев, давай выкладывай, что там нас ожидает в начале февраля. Праздники закончены, пора приниматься за дело.

Сидя в кресле и морщась от дыма торчащей изо рта сигары, Нижегородский подправлял пилкой ногти. Уже второй день он не прикасался к спиртному и был мрачен. Похмельный синдром, обостренный нахлынувшими воспоминаниями, терзал его душу то беспричинным страхом, то апатией, то чем-то вовсе не имеющим обозначения. Второй день он не выходил из дому. Иногда, уперевшись руками в подоконник и лбом в холодное стекло, он подолгу простаивал у окна, наблюдая за летящими с серого неба снежинками.

Каратаев за эти дни пересчитал оставшиеся деньги, разложив их аккуратными стопками на полках сейфа. Вышло 278 тысяч марок наличными. Кроме того, еще 510 тысяч должен был Гаусман и около пятидесяти – два других букмекера. Сколько они с Нижегородским потратили за эти дни, для него так и осталось тайной.

А что касается бегов, то в первое январское воскресенье они не состоялись из-за плохой погоды. Разумеется, компаньоны знали об этом заранее.

– Ты уверен, что пора? – спросил Савва.

– Пора, пора. Не тяни. В чем там суть? Может, еще лажа какая.

Каратаев уселся в кресло напротив и собрался с мыслями.

– В общем, так, – начал он, – некоторое время назад в Германии образовалась новая, не очень большая пароходная компания. Небольшая в сравнении с «Гамбург-Америка лайн» или «Норддрийчер Ллойд», но не такая уж и маленькая. Пока, правда, всего три судна во главе с флагманом – трехтрубным грузопассажирским пароходом «Кёльн». Конечно, это не «Дойчланд» или, скажем, «Кайзер Вильгельм Второй», но тоже не хухры-мухры. Три винта: центральный крутят поршневые машины, крайние – турбины отработанного пара. В общем, последнее слово техники.

– Как называется-то? – пробурчал Вадим.

– «Кёльн».

– Да не пароход, а эта твоя компания!

– Я разве не сказал? «Дойчер штерн»⁴.

– Дальше.

– Так вот, – продолжил Каратаев. – Теперь это фактически акционерное общество. Под строительство «Кёльна» отпечатали акции, заручились поддержкой правительства и лично кайзера. По «Закону Бисмарка» судоходные компании, ориентированные на колониальные линии – а «Немецкая звезда» именно из таких, – получают солидные ежегодные субсидии. Ко всему прочему германское военно-морское ведомство включило пароход в свой резерв и обязалось ежегодно выплачивать по двадцать марок за регистровую тонну.

– Это за какие такие заслуги?

– Ну... как бы тебе сказать. Это обычная практика последнего времени. Немцы, как и англичане, включают новые быстроходные гражданские суда в список резерва своих военных флотов на случай войны. В четырнадцатом году на них начнут устанавливать шестидюймовые пушки и превращать лайнеры во вспомогательные крейсера, рейдеры и вооруженные транспорты Кайзермарине и Грандфлита. Подкрепления палуб для установки орудий делаются сразу, еще при постройке.

– Понятно.

⁴ «Немецкая звезда» (нем.).

– Ежегодные приплаты судовладельцам здесь производят и по другим статьям, – продолжал Каратаев. – За немецкий проект, за немецкую верфь, за чисто немецкий экипаж. За все то, что развивает германское судостроение. Короче говоря, акционерная пароходная компания «Дойчер штерн», особенно после спуска на воду «Кёльна» на отечественной верфи «Блом унд Фосс», круто пошла в гору. А через год, когда пароход пару раз сходил в Намибию и в немецкую Юго-Западную Африку, при этом превысив расчетную скорость, акции «Звезды» стали одними из самых лакомых на Берлинской фондовой бирже.

– Что же должно случиться в феврале? – нетерпеливо спросил Нижегородский.

– Ничего особенного, если не считать, что второго числа в южной Атлантике на «Кёльне» взорвется один из паровых котлов. Возникнет пожар и новый взрыв, а свирепствовавший уже третьи сутки шторм разобьет неуправляемый пароход о скалы где-то в районе мыса Доброй Надежды.

– Во как! – Нижегородский оживился, встал и налил себе минеральной воды «Фахингер», не подозревая, что в будущем она станет чуть ли не единственным напитком рейхсканцлера Гитлера. – Только в чем тут фишка? Посудина тонет, акции падают. Что же их снова поднимет?

– Чудесное возвращение «Кёльна» в строй.

– Это как же? Его гибель была блефом?

– Можно сказать и так.

Вадим поднялся.

– Становится интересно. Извини, пойду приму ванну. После продолжишь.

К вечеру Нижегородский почти полностью пришел в себя. Выбритый и щедро освеженный одеколоном, он решил прогуляться и предложил Каратаеву составить ему компанию.

– Пошли, старик, пройдемся. Прогуляемся до Кляйстпарка, и по дороге ты продолжишь свою интригующую историю. Потом хватим по кружке пива – я знаю уютную забегаловку на Потсдамерштрассе, – послушаем, о чем говорят местные бюргеры. А будет желание, возьмем извозчика – и на остров Музеев. Бывал там? Могу познакомить с генеральным директором берлинских музеев фон Воде. Прекрасный человек и, между прочим, твой шеф.

Они оделись и вышли на улицу.

– Ну давай, рассказывай дальше, – предложил Нижегородский, когда компаньоны пешком направились в сторону Шенеберга. – Так, значит, воскрес этот самый «Кёльн»?

– Да, представь себе. Все дело в том, что... Вообще-то до конца так толком ничего и не выяснили, – продолжил прерванное повествование Каратаев, переходя на прошедшее время. – Взрыв котла действительно произошел. Одного из десяти или пятнадцати. Пожар быстро потушили, хотя радиogramма о происшествии была послана. Ее приняла германская радиостанция в Людерице. Это Намибия – их колония. Сообщение передали дальше в Виндхук, потом куда-то еще. Короче говоря, оно пошло по цепочке немецких африканских станций: Камерун, Того... А когда добралось до Берлина, вернее, до представительства «Дойчер штерн», то было уже настолько искажено и дополнено взаимоисключающими подробностями, что кто-то решил запустить на фондовой бирже утку о гибели судна. Не исключено, что это сделали намеренно: за имперские кредиты и правительственные субсидии идет жесткая борьба. Она ведется и в зале заседаний Рейхстага. Некоторые депутаты скрытно лоббируют продолжение строительства германского торгового флота на британских верфях. И эта история оказалась им на руку. Вот, мол, наш доморощенный «Кёльн» взорвался, а построенные чуть ли не тридцать лет назад на английских верфях «Эльбе», «Верра» и «Фульда» все еще на плаву.

– Черный пиар?

– Точно!

– И акции, конечно...

– И акции «Дойчер штерн» рухнули. То есть рухнут четвертого февраля сего года. Правда, очень ненадолго. Но крови попортят многим. Кто-то разорится, кто-то пустит себе пулю в лоб. А кто-то умело воспользуется случаем (а может, и не случаем) и отхватит жирный кусок. И этот кто-то либо с самого начала будет располагать истинной информацией, либо получит правдивое сообщение по другим каналам раньше остальных.

– Что же они такие невыдержанные? – недоумевал Нижегородский. – Я об акционерах. Сразу кинулись продавать. Я так понимаю, что цена на акции падает не сама собой, а только когда их предложение превышает спрос?

– Верно, – подтвердил Савва. – Есть такое не очень изученное явление, Вадим Алексеевич, которое называется «паника». Да, совсем забыл сказать, что, когда утром четвертого акционеры компании, размахивая газетами, будут осаждать центральный офис на Лейпцигерштрассе, им нанесут последний удар: пароход был застрахован с нарушением каких-то правил и «Берлинский Ллойд» отказывается-де платить страховку! Многих эта ложь просто подкосит. Они кинутся в ноги к маклерам и станут умолять их срочно избавиться от акций «Германской звезды». Каждый будет надеяться опередить другого. А в итоге цветные бумажки с изображением красивого лайнера и выведенным готическим шрифтом номиналом в сто марок к вечеру обесценятся на семьдесят шесть пунктов. Но уже через пять-шесть дней, когда станет окончательно ясно, что «Кёльн» благополучно достиг Кейптауна, а затем и порта назначения, и что все его пассажиры живы, а груз не пострадал, да еще что взорвавшийся котел был как раз не немецким и за него выплатят солидную страховку, акции даже превзойдут свой номинал на два пункта. Кстати, к тому времени, когда все уляжется и начнет работать следственная комиссия, труп одного из маклеров, ответственных за морское страхование, будет найден в Ландверканале. На него многое тогда свалят. Вот, собственно, и вся история. Ну как?

– Ловко! – восхитился Нижегородский. – Учись, Саввушка, как нужно честно зарабатывать деньги!

Утром следующего дня, велел Каратаеву составить посекундную хронологию событий, связанных с «Делом пароходной компании», Нижегородский отбыл «в сити». Он вернулся поздно вечером с проспектом «Дойчер штерн», одной ее акцией, пачкой газет и солидной стопкой книг. Книжки оказались справочниками по судовождению, страхованию судов и грузов, фрахту, маклерскому делу, биржевым операциям и прочему в том же духе. Было среди них даже «Уголовное законодательство Прусского королевства».

– Пришлось записаться в библиотеку, – раздеваясь в прихожей, объяснял он Каратаеву. – Надо хорошенько изучить суть вопроса, Август Викторович. Вот ты, к примеру, знаешь, что такое диспаша и кто такой диспашер?.. Нет? Зря. А что есть франшиза?.. Тоже не в курсе? И с таким человеком я работаю из расчета фифти-фифти! Как же ты собирался срывать банк в час «D»? Притащиться на биржу с плакатиком на груди, мол, «Покупаю акции «Дойчер штерн». Дорого не предлагать?»

– Можно подумать, ты за один день стал знатоком, – принимая пальто компаньона, огрызнулся Каратаев.

– Не стал, но учиться никогда не поздно. Главное, что я понял – нужно искать опытного биржевого маклера. Такого, который собаку, а лучше дохлого бегемота съел на авральных скупках. И на это потребуется время. – Он прошел в комнату и потянул носом воздух. – Что там приготовила наша набожная фрау Парсеваль? Кстати, ты не знаешь, как ее по имени?

После ужина Нижегородский потребовал от Каратаева заказанную утром хронологию.

– Какой вы быстрый, господин Пикарт! Это сотни газет с тысячей статей и заметок. Все надо проанализировать и профильтровать. Некоторые статьи просто повторяют другие, а иные так все запутывают, что сам черт ногу сломит. Вот если бы у нас был отчет комиссии... Но увы.

Чудо-очешник Каратаева мог работать как принтер. При этом не требовалось никакого красителя. Достаточно было обработать чистый лист бумаги в слабом растворе медного купороса и каких-то квасцов, спроецировать на него голограмму текста, после чего проявить изображение во втором нехитром растворе из вполне доступных химикалий. Для получения цветных изображений требовался несколько более сложный состав реактивов. Однако компаньоны до сих пор еще не прибегали к такому способу фиксации информации, предпочитая переписывать ее от руки.

– Короче, господин Флейтер, когда будет готова хронология? – строгим голосом спросил подданный Габсбургской короны. – Вы, кажется, сотрудник какого-то исторического музея? Вам сам бог велел копать в манускриптах и дознаваться истины.

– Через три дня, если угодно. Я не понимаю, зачем тебе раньше.

– Устраивает, – тут же согласился Нижегородский. – Завтра встречаюсь с Гаусманом. Если хочешь, поехали вместе. Открываем депозит в Колониальном банке. Послезавтра пробежусь по Лейпцигерштрассе: надо присмотреть на время операции телефонизированную квартиру рядом с офисом пароходства. Восьмого смотаемся на ипподром. Посидим там по-тихому где-нибудь в уголке. Лишние тысяч пятьдесят не помешают. Потом выпишешь мне командировку в Гамбург...

– Это-то еще зачем?

– Там на верфи «Блом унд Фосс» построили «Кёльн», который, кстати, стоит сейчас в Гамбурге под погрузкой. Но главное, там проживает большое количество акционеров «Дойчер штерн». Акции, Савва, первыми начнут сбрасывать не крупные конторы, а многочисленные мелкие частники. Основное, конечно, сварится тут, но и подстраховаться будет не лишним. Потом вплотную займемся поисками маклера. А теперь я иду спать.

Прошло две недели. Гаусман заплатил половину долга и попросил еще десять дней. В обмен на уступку Нижегородский потребовал от букмекера свести его с опытным маклером Берлинской фондовой биржи.

На бегах одиннадцатого января они два раза сыграли квинелл в самых темных забегах. В пуле этого типа требовалось угадать двух первых призеров, независимо от очередности. Срубили скромно – что-то около тридцати тысяч, но Вадим решил не зарываться.

– Их машинка еще достаточно примитивна и не принимает более интересных комбинаций, – пояснил он. – А букмекеры уже шушукуются. Все в курсе проигрыша Гаусмана, правда, я попросил его и тех двоих выписать векселя на предъявителя, так что моего имени они могут пока и не знать. Да и вряд ли кому придет в голову объяснять наш фарт иначе, чем фантастическим везением.

Потом Нижегородский съездил в Гамбург. Грузенный «Кёльн» к тому времени уже, пройдя проливы, вышел в Атлантику.

– Я потолкался там со своей единственной акцией, прикинувшись эдаким простачком, и выяснил, где у них без лишней волокиты такие бумажки можно купить или продать. Но уже не уверен, что нам это понадобится.

Гаусман сдержал слово: уплатил остаток по векселю и познакомил Вацлава Пикарта с одним из самых опытных берлинских маклеров – из тех, что работают с акциями. Двадцать пятого января, после первой ознакомительной встречи, Нижегородский съездил к биржевику в контору и упросил его вечером приехать к ним в Далем для приватной беседы с глазу на глаз. Рудольф Иоахим Рейхштайль нехотя согласился.

Внешне он вовсе не походил на тех живчиков, что носятся по операционному залу во время торгов, размахивая руками и соря бумажками. Каратаев отметил в нем поразительное сходство с будущим рейхспрезидентом фон Гинденбургом: далеко за пятьдесят; бульдожье

лицо с тройным подбородком и надменным выражением; совершенно седые, коротко подстриженные волосы с огромными залысинами; небольшие усы. На его черном смокинге блестела какая-то награда в форме восьмиугольной звезды.

Внешность старого маклера вполне соответствовала стилю его работы. Рудольф Рейхштайль даже в самые горячие дни редко покидал свой кабинет, предпочитая наблюдать за происходящим в биржевых ямах через небольшое окошечко, выслушивать доклады и руководить командой вымуштрованных исполнителей. С мелкими клиентами он никогда не связывался лично. Как один из старших маклеров биржи, член биржевого комитета и котировальной комиссии, он имел полное право отсылать всю мелочь к подчиненным.

Гостя усадили в кресло, Нижегородский устроился напротив, Каратаеву же, расположившемуся сбоку, выпала роль секретаря. Его предложение чашечки кофе или крепких напитков было равнодушно отвергнуто.

– Так я вас слушаю, господин... э-э-э... Пикарт, – Рейхштайль вытянул вперед ноги, жирные ляжки которых были туго обтянуты штанами в узкую черно-серую полоску. – Начните с того, о какой сумме сделки идет речь. Я так и не понял, для чего мне, собственно говоря, пришлось сюда ехать.

– Десять миллионов марок, – как бы извиняясь, ответил Вадим.

Каратаев вздрогнул. Он удивленно посмотрел на Нижегородского: не оговорился ли тот. Затем перевел взгляд в сторону «канцлера», как мысленно окрестил маклера. Брови того медленно поднялись вверх. Глаза с желтоватыми белками пристально, с нескрываемым интересом посмотрели на собеседника.

– Десять миллионов? Я не ослышался?

До этой секунды Рейхштайль был уверен, что чех, так ловко обставивший Гаусмана на бегах, просто решил выгодно вложить свои дармовые пятьсот тысяч. Он трясется над ними и считает возможным беспокоить солидных людей. Но десять миллионов...

– Десять, господин Рейхштайль, вы не ослышались. Хотелось бы больше, но, увы, основной капитал будет скован на Сретенской ярмарке, которая, как известно, работает в Киеве с пятого по двадцать пятое февраля. Август, попроси фрау Парсеваль сделать мне пуншу. Что-то я нынче подпротыл.

– Чем же вы занимаетесь? – поинтересовался старший маклер.

Нижегородский как бы пропустил его вопрос мимо ушей, хотя частично все же ответил:

– Меня интересует «Дойчер штерн». Россия, конечно, необъятна в смысле бизнеса, но хочется поработать и в ваших колониях. Согласитесь, господин Рейхштайль, что все лакомые куски на Африканском континенте застолбили задолго до вас. Я имею в виду Второй рейх. Ваша немецкая Восточная и Западная Африка впечатляет, но только на карте. Это территории германского престижа, и потребуется много времени и денег, чтобы превратить пустыни в настоящие колонии. Я уж не говорю о вашем недавнем приобретении – Конго. Триста тысяч квадратных километров, населенных мухами цеце и горсткой сонных аборигенов. И это в обмен на Южное Марокко!

Послышалось покашливание Каратаева. Нижегородский понял, что увлекся, наступив на большую мозоль, натертую немцами прошлым летом.

– Да, так вот, о колониях... немецкие колонии...

– Но вы-то как раз не немец, – раздраженно проговорил Рейхштайль.

– Я подданный моего императора – единственного истинного друга вашего кайзера. И с вашей помощью я хочу вложить деньги в германскую экономику. Будете горячий пунш? Август, еще один бокал, пожалуйста.

Через несколько минут они приступили к обсуждению деталей.

– Я появлюсь у вас в конторе, господин Рейхштайль, в субботу, четвертого февраля, ровно в десять часов утра. Хотелось бы, чтобы к этому моменту вся ваша бригада была в сборе и в полной готовности.

– А что такого особенного случится в этот день?

– В этот день мне исполнится тридцать три года.

– Надеюсь, не забуду вас поздравить, – пробурчал маклер, недовольный странной манерой богатого чеха вести деловой разговор. – Мне предстоит работать по цессии⁵ или с наличными?

– Мой счет в Колониальном банке, но первый миллион я привезу наличными в крупных билетах. Получение остальных девяти чуть позже мы оформим с вами посредством заемного письма. Вас устроит?

– Вполне. Надеюсь, вы осведомлены о размерах моего куртажа?

– Буду рад узнать.

– Две десятых процента от суммы сделки в интервале от миллиона до пяти.

– Мог бы предложить вам больше, – вздохнул Нижегородский, – но, увы, знаю, что нельзя. Рейхштайль тяжело поднялся.

– Что ж, жду вас четвертого.

– Про какие такие десять миллионов ты тут рассказывал? – набросился Каратаев на Нижегородского, когда тот, отвезя «канцлера», вернулся домой. – У нас и девятист тысяч не наберется!

– Это чистой воды экспромт, Савва Августович. Ты видел его рожу? Когда он уселся напротив меня и спросил про деньги, я понял, что надо блефовать. Иначе он просто лопнул бы от высокомерия.

– А что ты плел про колонии, в особенности про Конго?

– Извини, сорвался. – Вадим плюхнулся на стоявший в простенке между дверьми их комнат кривоногий диванчик и бросил рядом свой смокинг. – Хотелось сбить спесь с этого господина, а тут как раз недавняя статья в «Националь цайтунг». Попалась мне в поезде, и я прочел от нечего делать. Ладно, Савва, поговорим лучше о деньгах: десять не десять, а один лимон нам иметь нужно. Сколько там не хватает?

– Полтора ста тысяч.

– Куда отправимся на заработки?

– А если в казино? – предложил Савва.

– Полтора ста тыщ сорвать за раз на рулетке? Это нереально. У них предельная ставка – тысяча талеров. Постой, – встрепенулся Вадим, – у тебя что, есть выигрышный номер?

– Даже четыре подряд! На двадцать восьмое января. Только не здесь, а в Висбадене.

Нижегородский подпрыгнул.

– В Висбадене? Ты не шутишь? – Он забегал по комнате. – Погоди, погоди. Ведь это, если не ошибаюсь, настоящий Рулетенбург. Я слышал один разговор в «Фортуне» о тамошних ставках в пять тысяч французских франков, а это... – он наморщил лоб, – что-то около четырех тысяч марок...

– Четыре тысячи пятьдесят по курсу «Гросс Дойче Банка».

– А четыре на стрейт дадут сразу сто сорок! – Он снова плюхнулся на диван. – Так, давай рассказывай.

Каратаев сообщил компаньону о прочитанном им несколько дней назад интервью в «Фигаро» от первого февраля с каким-то модным писателем, только что вернувшимся в Париж из Висбадена. Когда речь зашла о рулетке, тот поведал историю о том, как оказался свидетелем выпадения в трех спинах кряду единицы, двойки и тройки. Причем после единицы и двойки

⁵ Цессия – передача прав одним лицом другому на получение денег.

он в шутку громко сказал, что теперь непременно выпадет тройка, и поставил на нее какую-то мелочь. Тройка выпала. Все присутствовавшие бросились ставить на четверку, завалив соответствующую клетку игрового поля ставками. При этом они заворачивали монеты в бумажки или банкноты и подписывали их, чтобы потом была возможность разобраться где чье. Выпало зеро.

– А он не врет? – усомнился Нижегородский.

– Да вроде не похоже: приводит в свидетели кого-то еще, даже называет имя.

– А самого как звать и где это произошло?

– Сейчас посмотрю. Я выписал в блокнот.

Савва сходил к себе и вернулся с тетрадкой в руках.

– Вот: Мишель Моризо, драматург, казино «Лотос», двадцать восьмое января, суббота.

– Мишель Моризо... – Нижегородский задумался и стал размышлять сам с собой: – Так... два первых номера, то есть единица и двойка, уйдут на идентификацию эпизода. По ним мы поймем, что пошла именно эта серия... конечно, при наличии поблизости этого самого Моризо. Там есть его фотография?.. Отлично! Тогда на тройке и зеро можно действительно поиграть. Ладно, – он хлопнул себя по колену. – Включай свой очешник, я должен сам все прочитать. Потом решим... Моризо... Моризо... Вроде где-то слышал...

Через несколько дней они прощались на Потсдамском вокзале. Нижегородский уезжал один. При нем был средних размеров чемодан, набитый рубашками, галстуками и прочим гардеробом, словно его владелец отправлялся в трехмесячное артистическое турне. Двойное дно чемодана скрывало двадцать тысяч марок крупными купюрами.

– Провернем дело с парходными акциями, Савва, и нужно срочно заняться натурализацией, – говорил он Каратаеву, прохаживаясь с ним по перрону. – Ведь кто мы с тобой сейчас? Две темные личности без прошлого и даже без нормальных легенд. Заинтересуйся нами контора рангом повыше районного полицейского участка, и могут быть неприятности. У тебя есть на этот счет предложения?.. Вот видишь. А надо что-то думать. Наше счастье, что у нас пока нет явных недоброжелателей. Но в скором будущем я тебе их гарантирую.

Дали первый свисток. Нижегородский продолжил свою мысль:

– Мне кажется, герр Флейтер, нам пора уже вступить в пару каких-нибудь обществ, чтобы хоть где-то числиться. Ну, там, в клуб собаководов или в кружок любителей орхидей. А может, в партию? Ты бы подумал над этим, пока меня не будет.

Дали второй свисток.

– Ну, будь паинькой. Не обижай фрау Парсеваль. Сходи в казино, поиграй в рулетку просто так, для души. Знаешь систему Мартингейла? Ставь на чет-нечет или на цвет, каждый раз удваивая до первого выигрыша. Вернешь все проигранное плюс первоначальную ставку. Потом начинай все сначала. Всегда будешь в плюсе. – Он поднялся в вагон. – Только это тактика нищих и скупердяев, Савва. Настоящий игрок так никогда не делает. Пока.

Через два дня фрау Парсеваль положила на стол перед Каратаевым телеграмму: «Моризо не соврал тчк еще денек погреюсь в источниках тчк приеду не один тчк».

«Что значит не один? – терялся в догадках Савва. – Опять притащит какую-нибудь бабу? Нет, этого типа нельзя оставлять без присмотра».

И действительно, первого февраля Нижегородский приехал не один. Но это оказалась не женщина. Когда он вошел в прихожую, в его руках кроме чемодана была корзина с маленькой абрикосовой собачкой.

– Есть повод вступить в «Клуб любителей мопсов», Каратаев, – строго произнес Вадим сразу после приветствия. – Щенка зовут Густав. Убедительно прошу не перекармливать и не устраивать сквозняков.

Фрау Парсеваль при виде собаки хотела было что-то сказать, но, вспомнив новогодний конверт с дополнительным трехмесячным жалованьем, промолчала.

– Ну как ты сыграл? – спросил Каратаев, когда Нижегородский вышел из ванной. – Судя по телеграмме, удачно?

– Более чем и, тем не менее, не так, как мы с тобой рассчитывали. Я перевел на наш счет еще ровно сто пятьдесят тысяч.

– Ну и отлично! Давай, рассказывай. Ужин только через полчаса.

Вадим уселся в кресло и взял на колени своего мопсика.

– Вот ты спрашиваешь, как я сыграл, Савва, а сам думаешь: да разве ж это игра, когда знаешь выигрышный номер? Скорее это какой-то сбор дани. Но скоро ты поймешь, что не прав. А вот как я съездил – это другой вопрос. Висбаден, Саввушка, – город миллионеров, большая часть из которых приезжие аристократы и удачливые деятели искусства. Немало из них наших соотечественников. Они греются там в горячих ваннах от Орлиного ключа да поигрывают в рулетку. А в промежутках посещают Руссише Кирхе и бродят между надгробиями на Руссише Фридрихсхоф. Но все это лирика. А что касается дела, то в четверг я был в «Лотосе» с самого момента его открытия. Бродил там среди мертвых столов (тех, на которых еще никто не играл), оживил один из них, сыграв несколько раз. Выиграл на «сплит бете» – зеро и три номера, – перекинулся парой фраз с крупье. Еще с вечера я навел кое-какие справки о Моризо: француз остановился в гостинице на Таунусштрассе. Когда он заявится, я не знал, и потому вынужден был следить за каждым входящим. Как только появлялся кто-то похожий, мне приходилось держать его в поле зрения, прислушиваясь, не говорит ли тот по-французски. Иногда таких типов собиралось сразу несколько. Я спортивным шагом описывал вокруг столов восьмерки, чувствуя, что со стороны похожу на форменного идиота. Персонал казино об этом французе ничего толком не знал. Мне уже было пришла в голову мысль купить почтовую открытку, встать у входа и спрашивать каждого входящего: не есть ли он французский писатель Мишель Моризо? Жена, мол, страстная поклонница его таланта, велела без автографа писателя не возвращаться.

– Прекрасно тебя понимаю, Вадим, – посочувствовал Каратаев. – Сам был в подобной ситуации, когда искал русского купца в «Фортуне».

– Ну, в общем, когда мне все это надоело, – продолжал Нижегородский, – я поймал кого-то из obsługi, отвел в сторонку и сунул ему в лапу двойного орла. Это такая большая и тяжелая золотая американская монета в двадцать долларов, равноценная примерно восьмидесяти пяти маркам. Делай что хочешь, говорю, а сыщи мне одного лягушатника. А как сыщешь и незаметно, не привлекая его внимания, покажешь мне, получишь вторую такую же монетку. Парень мигом поднял на ноги всех своих. Думаешь, где они его нашли?.. Примерно через час в сортире. Он как пришел, сразу рванул туда и просидел взаперти минут тридцать. Видать, не рассчитал с висбаденской минералкой – оказывается, она обладает чудным слабительным действием. Я уж засомневался, будет ли он вообще играть. Но обошлось, вышел (кстати, ничего общего с газетной фотографией), прошел в зал и выбрал стол для хай-роллеров, то есть рассчитанный на большие деньги.

В это время старушечий голос позвал их к столу.

– А для вас, фрау Парсеваль, у меня подарок, – заявил Нижегородский, входя в столовую.

– Да? – Старушка, от внимания которой не ускользнуло недавнее резкое изменение финансового благополучия квартирантов, причем в лучшую сторону, замерла и как-то подобралась.

– Да. Вот. – Вадим положил на стол большую плоскую коробку в красном ледерине. – Набор кухонных ножей, ножовок и прочих режущих предметов. Владейте. Между прочим,

точно такими ножами пользуются на кухнях Гессенского двора. Крупповская нержавеющая сталь и колониальная слоновая кость.

Увидев в глазах экономки некоторое замешательство, он добавил:

– Не беспокойтесь, когда мы съедем отсюда, все эти орудия пыток останутся в вашем распоряжении.

– Ну, рассказывай дальше, – потребовал после ужина Каратаев продолжения отчета своего компаньона о командировке.

– А дальше все просто, Саввушка. Я стоял в сторонке и, стараясь не привлекать ничьего внимания, как ты меня учил, ждал, когда крупье объявит красную единицу. Пару раз выстрелы были холостыми – дальше не следовала черная двойка. Потом свершилось. Выпала двойка, француз действительно что-то там сказал и артистично поставил на тройку. Тут уже я выхожу из мрака и под шумок кладу рядом банковскую упаковку с пятьюдесятью двойными иглями. Крупье, посчитав, вероятно, что там серебряная мелочовка, типа голландских гульденов, объявил, что ставки больше не принимаются, и крутанул колесо. Мы с французом выиграли. Когда типпер⁶ понял, что в моем бумажном брикетике сто пятьдесят граммов чистого американского золота на тысячу долларов, было уже поздно. Я получил свои сто сорок семь тысяч марок.

– А почему поздно? Ставка что, была выше предельной? – спросил Каратаев.

– Пожалуй, что нет, но ты уверен, что рука крупье, узнай он об истинной сумме ставки, чуточку не дрогнула бы? Только позже до меня дошло, как я рисковал. Ведь все зависит от того, кто крутит барабан. Чихни я рядом в ответственный момент, и шарик попал бы в другую лунку. То же и с крупной ставкой. Она неминуемо привлекает внимание, а значит, оказывает влияние на ход дальнейших событий. Короче, когда все кинулись играть на четверку, как и обещал Моризо, я отошел в сторону.

– Ты понял, что зеро не выпадет? – спросил потрясенный Каратаев.

– Точно! Его и не было.

– Как же мы сразу об этом не подумали? – Савва встал и начал рассказывать по комнате. – Ведь верно. На этот раз тебе просто невероятно повезло. Мы думаем, что знаем выигрышный номер, а на самом деле мы знаем номер, который точно выиграет, но без нас. Наше вмешательство, да еще с крупной ставкой, оказывает неминуемое влияние на крупье, на его настроение, пульс, давление, психомоторные функции и так далее. Если бы от него требовалось бить кувалдой, а не крутить колесо и запускать невесомый шарик, то еще куда бы ни шло. Ты понимаешь, Вадим, что это значит? Казино по-крупному нам больше не светит.

Нижегородский обрехал сигару и принялся ее раскуривать.

– Да я-то понимаю. А ты теперь понял, почему я сказал вначале, что это не сбор дани? Что игра остается, только заключается не в угадывании номера, а в умении сыграть на уже известном тебе номере так, чтобы не спугнуть удачу своей игрой, заставить ее все-таки отработать. Это очень непросто. Поэтому радуйся, что ипподром, с его огромным индифферентным механизмом, лошадьми, наездниками, букмекерами и тысячной толпой не столь чувствителен к нашему присутствию.

Через день, вечером третьего февраля, они прогуливались по Лейпцигерштрассе, где накануне на неделю сняли небольшую квартиру на первом этаже.

– Итак, через десять минут на трехтрубном германском пароходе «Кёльн» лопнет паровой котел номер двенадцать. А завтра в десять, господин Флейтер, мы даем битву. Ту самую, о которой вы мечтали еще в далеком будущем. Кто наш основной противник, мы толком не знаем, но и он ничего не знает о нас. Назовем его условно Черным Гоблином.

⁶ Крупье.

– Ты преувеличиваешь, Нижегородский. При чем здесь битва и всякие гоблины? Когда акции посыплются вниз и кто-то подставит под них большой таз, мы подкроемся со своей маленькой кружкой. Те и не заметят.

– Ну-ну. Вам виднее, фельдмаршал Флейтер. Давайте-ка еще раз пройдемся по диспозиции. Помните у Толстого: первая колонна марширует направо... вторая колонна марширует налево...

Нижегородский остановился и мужественным взором посмотрел в глаза компаньону. Голосом диктора, анонсирующего фильм ужасов, он заговорил:

– В одиннадцать пятьдесят две подставная компания «Вест унд Ост» должна начать скупку акций по двадцать пять марок. Мы же не будем жадными и в одиннадцать сорок пять, то есть на семь минут раньше, объявим о нашей закупочной цене – тридцать марок. К этому моменту на руках маклеров будет уже более пятнадцати тысяч акций по цене меньше тридцати. Это на полмиллиона. Причем на наши полмиллиона, так как вряд ли люди Гоблина среагируют быстро. Скорее всего, они решат, что кто-то не очень выдержанный, закупив сейчас по тридцать, скоро поймет, что падение продолжается, и пока не поздно, сам начнет избавляться от неудачного товара. Тут-то они его и слопают. Ан нет!

– Да, но наше вмешательство как раз приостановит падение, – заметил Каратаев.

– Может быть. Может быть, как раз поэтому они еще и подождут. Но если они решат, что могут опоздать, начнется... ну, если не битва, то небольшая свалка, уж точно. Их действия: понизить закупочную цену или присоединиться к нам на наших условиях. Самое неприятное, Савва Викторович, что дальше твой посекундный прогноз может полететь к черту. Вся надежда на опытность нашего Рейхштайля и расторопность его пацанов.

– А ты не боишься, что его перекупят?

– Кого? Рейхштайля? А зачем? Наверняка в руках Гоблина мощная дилерская контора с кучей своих собственных куртье. У него свое место на этом майдане, зачем связываться с официальным биржевым маклером?

– В таком случае они раздавят нас вместе с Рейхштайлем своим капиталом и своей дилерской конторой.

– Пока они что-то предпримут, мы успеем схватить если не на половину нашего миллиона, то хотя бы на треть. А когда почувствуем, что Гоблин сильно занервничал, объявим наш потолок, скажем, в тридцать тысяч акций по тридцатке. На большее, мол, не претендуем. Те решат, что перед ними мелочь пузатая и, может быть, немного успокоятся. Рейхштайлю же объясним, что это не более чем блеф.

– А потом? Что потом, когда все кончится?

Вадим пожал плечами.

– А что потом? Через пять дней продадим наш пакет по цене чуть ниже номинала, а дальше посмотрим. Я лично напьюсь.

Утром четвертого февраля компаньоны передислоцировались в штаб-квартиру на Лейпцигерштрассе. С ними был саквояж, на четверть наполненный аккуратными пачками из серых тысячемарковых билетов, применяемых в основном при межбанковских расчетах наличными. Оставив Каратаева на телефоне, Нижегородский вызвал таксомотор и, забрав саквояж, поехал к Рейхштайлю. В десять он был у него в конторе.

– Вы читали газеты? – не скрывая удивления, спросил старший маклер, увидав в дверях пунктуального чеха с саквояжем.

– Вы о победе социалистов на последних выборах или о наглой блокаде английскими линкорами Северного моря?

– Я о «Дойчер штерн»! Вы что, с Луны свалились? Надеюсь, вы не собираетесь скупать акции тонущей (причем в самом прямом смысле слова) пароходной компании?

Нижегородский поставил на стол свой саквояж.

– Здесь один миллион, – сказал он сухо. – Проверьте и выпишите расписку. Ровно без четверти двенадцать начинайте скупку акций «Звезды» по тридцать марок за штуку. Если цена возрастет, немедленно ставьте меня в известность. Я или мой компаньон будем по этому номеру, – он протянул бумажку с телефоном их штаб-квартиры и двумя другими номерами. – На нижние записи не обращайтесь внимания – это номера моих представителей в Гамбурге и Мюнхене, – приврал он для солидности.

Рейхштайль взял протянутый листок и недоверчиво посмотрел на клиента.

– Но сейчас они стоят восемьдесят.

– Уже шестьдесят шесть.

– Вы уверены? И через полтора часа станут по тридцать?

– Даже меньше.

– Надеюсь, вы знаете, господин Пикарт, что никакой ответственности...

– ...по существу сделки вы не несете. Разумеется.

Нижегородский сел в кресло и закинул ногу на ногу на американский манер, положив щиколотку на колено и выставив напоказ подошву сапога.

– Часам к двенадцати может зашевелиться «Вест унд Ост». Не обращайтесь на них и всех прочих внимания. Главное – как можно быстрее пустить в дело эти деньги, – он кивнул в сторону саквояжа.

Рейхштайль положил перед Нижегородским лист бумаги.

– Изложите ваше поручение письменно, проставьте время и дату. А я пока приготовлю заемное письмо. Но учтите, если начнется обвал и паника, гоф-маклер может приостановить все операции по «Дойчер штерн» до прояснения ситуации.

Вадим склонился к биржевику, страшно выпучил глаза и интригующим шепотом произнес:

– Гоф-маклера я беру на себя.

Через неделю, вечером одиннадцатого февраля, Нижегородский стоял на коленях на полу гостиной и наблюдал, как Густав, фыркая и смешно чихая, лакал что-то из блюдечка. Вадим, несмотря на всю ответственность и нервозность последних дней, нашел время записаться в «Общество любителей мопсов» (такое действительно нашлось), обзавелся какой-то книжкой и теперь лично готовил питание своему щенку. Ровно час назад он отдал распоряжение начинать продажу паровозных акций и переводить деньги на счета коммерческой фирмы «Густав» в четырех крупнейших германских Д-банках: Дрезденского, Дармштадского, Дисконтного и Дойчебанка.

Их затея полностью оправдалась. Рейхштайль выполнил свою работу мастерски и за четыре часа истратил выданный ему миллион. Конечно, он быстро заподозрил неладное, однако пути назад уже не было. Когда же в дело ринулись брокеры «Вест унд Ост», он понял, что игра идет по-крупному и что его клиент в этой игре, пожалуй, один из главных участников. Нижегородский, узнав по телефону, что стартовая сумма истрачена, туманно намекнул старшему маклеру о какой-то секретной договоренности с противником, якобы только что с ним заключенной, вследствие чего он сам выходит из игры. Как раз к этому моменту цена на акции «Звезды» медленно поползла вверх.

А через неделю, когда за них давали 98 марок, Вадим позвонил Рейхштайлю и попросил продать все до одной. Прогуливаясь через два дня после этого по Тиргартену, компаньоны веселились, словно дети. Вспоминая бурные события минувших дней, они размахивали руками, говорили глупости и строили планы на будущее. Миновав полицейский пост, они забрели на уставленную статуями «Зигесаллею».

– Вот, Вадим Алексеич, гордость нашего Вильгельма – «Пуппен аллея»⁷, – взял на себя роль экскурсовода всезнающий Каратаев. – Обрати внимание на работу Йозефа Уфюса, – он указал на одну из парадных статуй. – Никто так толком и не знает, кто это: Вильгельм в образе Фридриха Великого, или все же сам Фридрих Великий, для скульптурного портрета которого позировал наш Вильгельм. А это Филипп Эйленбург в образе рыцаря фон Ильбурга. Много лет он был самым близким другом императора и слыл в Германии чем-то вроде «серого кардинала». Когда несколько лет назад канцлер Гольштейн получил отставку, то, вероятно не без основания, посчитал, что не обошлось без стараний Эйленбурга, и обвинил последнего в гомосексуализме. Вышел громкий скандал. Обрисовалась целая «банда высокопоставленных развратников», и вот уже пять лет тянется это дело. Эйленбург так и умрет в двадцать первом году, состоя под судом. Однако его статуя здесь, а Гольштейна заказать не удосужились. – Каратаев вдруг рассмеялся. – Я тебе скажу, что, когда в девятом году отставной канцлер умер, Вильгельм, узнав об этом, бросился к первому попавшемуся человеку – ему подвернулся какой-то дипломат – со словами: «Дай-ка я тебя обниму! Подумать только, старина Гольштейн отдал концы!»

Нижегородский тоже весело захохотал, привлекая внимание прохаживавшегося вдоль специально охраняемой аллеи полицейского.

– Придет время, Саввушка, и наши с тобой статуи в образе каких-нибудь дурацких рыцарей будут стоять здесь!

– Ну, это ты загнул, – запротестовал Каратаев. – Тут нет даже Бисмарка. Вернее, есть, но не тот, а какой-то из его предков. Последний кайзер вообще не очень-то жалуется канцлеров.

– А где он сейчас?

– Вильгельм? Через несколько дней, кажется двадцать седьмого числа, должен быть в Киле на спуске на воду нового линкора, который назовут «Принц-регент Луитпольд». Явный реверанс в сторону баварских Виттельсбахов. Ты знаком с историей их королевского дома?

– Ты, Саввушка, непременно расскажешь мне всю эту их историю, но позже, – решил увильнуть от очередного исторического экскурса Нижегородский. – Завтра вечером, на сон грядущий. А сейчас – ну их всех к чертям! Едем в «Эксельсиор» – это у Ангальтского вокзала.

– Едем, – согласился Каратаев, и, ускорив шаг, они зашагали в сторону Хеерштрассе. – Ты, конечно же, не читал «Люди в отеле» Викки Баума? Это как раз об «Эксельсиоре». Я тебе тоже расскажу...

Пришла весна.

В марте в Бельгии и Англии забастовали углекопы. К ним присоединилась четверть миллиона горняков Рура, объявив стачку солидарности. Цены на уголь поползли вверх. В Моабите и Веддинге снова стало беспокойно. Всегда презиравший рабочее сословие своей империи кайзер Вильгельм II грозил жесткими мерами, намекая на возможность повторения германского «кровавого воскресенья»⁸.

– Все идет своим чередом, – отложив газету, удовлетворенно констатировал за завтраком Каратаев. – Это окончательно погасит интерес к делу паровой компании «Дойчер штерн».

– Ну, и долго нам сидеть в подполье? – в очередной раз проявил нетерпение Вадим. – Когда мы начнем жить полноценной жизнью и займемся каким-нибудь интересным делом?

– Не спеши. Еще не накоплен достаточный начальный капитал. Интересное дело ему подавай! Что, черт возьми, ты подразумеваешь под интересным делом?

⁷ «Кукольная аллея» – шутовское название «Аллеи славы» в Тиргартене.

⁸ Столкновение рабочих с полицией в берлинских предместьях 6 марта 1910 года.

– Прежде всего, я бы хотел организовать компанию по производству чего-нибудь. Понимаешь, собственную компанию. – Развалившись на диване в гостиной, Нижегородский мечтательно пустил в потолок струйку дыма. – Например, делать компьютеры.

– Да? А начать освоение космоса не желаете? – Каратаев, возмущенный такой наивностью, поперхнулся. – Компьютеры! А ты в этом что-нибудь смыслишь? И потом, без соответствующего развития электроники, лазерных технологий, химии сверхчистых материалов и тому подобного ты дальше логарифмических линеек и арифмометров не уедешь. Так что сиди и не выдумывай, а если тебе нечем заняться, то хоть сейчас могу предложить одну работенку. Только нужно спешить – через пару дней будет поздно.

– Что там еще? – вздохнул Вадим. – Только покороче.

Каратаев помедлил несколько секунд, прикидывая, стоит ли браться за это дело, решил, что стоит, я, открыв рот, положил тем самым начало самой грандиозной их афере, не имея, правда, об этом еще ни малейшего представления.

– Изволь. Через четыре дня, седьмого марта, в четверг, при сломе старого дома в Хартфорде (это недалеко от Лондона) в стене будет обнаружен тайник, из которого достанут единственный предмет – алмаз. Необработанный алмаз весом в семьсот тридцать два метрических карата.

При этих словах Нижегородский повернул голову и удивленно посмотрел на соотечественника.

– Но что самое главное в этой истории для нас, – продолжал Каратаев, – так это то, что ни в эти дни, ни десятилетия спустя у камня так и не отыщется его прежний хозяин. Понимаешь, что это значит?

– Это значит, что его можно стибрить и никто при этом не расстроится. Так? – догадался Нижегородский.

– Совершенно в дырочку! Ну что? Тебя это интересует?

– Сколько ты сказал в нем каратов?

– Семьсот тридцать два.

Вадим скинул ноги с дивана и сел. Некоторое время они молча взирали друг на друга, затем Нижегородский посмотрел на свою левую руку с перстнем на безымянном пальце.

– У меня здесь роскошный пятикаратник. Знаешь, сколько я отдал за него? Хотя... не важно. Так когда, говоришь, они его откопают?

– Седьмого марта.

– А сегодня второе. Чего же мы сидим? – закричал Нижегородский. – Нужно немедленно ехать в Англию! Если не хочешь, можешь оставаться: я справлюсь один. – Зажав сигару зубами и роняя пепел на ковер, он принялся стаскивать с себя халат. – Я за билетами, а ты вытащи из своего очешника все, что там есть про этот алмаз. Адреса, фамилии...

Часа через три Вадим уже укладывал небольшой походный чемодан.

– Пароход из Гамбурга, – говорил он толкавшемуся рядом Каратаеву, – отплываю вечером четвертого. В ночь на шестое прибываю в Лондон. Представляешь, четыреста двадцать пять миль мы будем ползти тридцать четыре часа. Ну да ладно – сутки в запасе. А теперь докладывай, что ты нарыл. Только по порядку.

Компаньоны уселись за стол, и Савва извлек из кармана домашнего жакета свой блокнот.

– Значит, так, – начал он, пошуршав страничками, – седьмого марта в Хартворде (это графство Хартфордшир), около пяти часов вечера, в доме номер семь по улице Кроупли-стрит двое рабочих, а именно Эндрю Байтвуд и Робин Конахи, начнут отдирать старые дубовые панели в одной из комнат второго этажа. Выломав очередную, они обнаружат в стене справа от камина небольшое отверстие, примерно в метре от пола. Отверстие будет заткнуто тряпкой. Конахи – парень двадцати пяти лет – вытащит тряпку и засунет руку в углубление. Там он нащупает кожаный мешочек (что-то вроде кисета) и, ухватив пальцами за тесемку, выта-

щит его наружу. Он вытряхнет из мешочка здоровенную «градину» (его собственные слова), и они вместе с Байтвудом некоторое время будут ее рассматривать. «Стекляшка» (это слова Эндрю Байтвуда) будет иметь вид призмы, около двух дюймов в длину и чуть более дюйма в поперечнике. Поверхность ее будет матово-белой, с небольшими сколами и выщерблинами, и «градина» действительно более всего будет походить на кусок непрозрачного льда. Повертев камень минут пять и перекурив, Робин Конахи засунет его в карман своей куртки, после чего они продолжают работу.

Вечером Конахи, по обыкновению, отправится в паб по-соседству со своим домом, где за кружкой пива покажет находку закадычному приятелю Скотту Эффлеку, столяру-краснодеревщику. Внимание последнего привлечет необычайный вес «стекляшки», а также то, что, будучи зажатой в ладони, она долго не нагревается, оставаясь холодной. Он посоветует товарищу показать ее местному ювелиру, с которым лично знаком. Так они и сделают. В десять вечера того же дня ювелир Джонатан Сайзвор впервые возьмет алмаз в руки и поднесет к своим подслеповатым глазам. Он не знаток камней, работает больше с металлом. Выполняя заказы горожан, он реставрирует серебряные и золотые украшения начала Викторианской эпохи. Тем не менее Сайзвор сразу заподозрит неладное. Он поймет, что это не только не стекло или горный хрусталь, но и не кварцит. Бесцветный аметист? Или... Глядя на лица двух деревенских парней, принесших ему этот предмет, он будет уверять себя, что в их провинциальном, даже несмотря на близость к столице, Хартворде просто неоткуда взяться алмазу такой величины. «Пока ничего не могу сказать. Нужно показать его в Лондоне», – вынесет старый ювелир свой вердикт.

Утром следующего дня, отпросившись с работы, Робин Конахи вместе со Скоттом Эффлеком отправятся в Лондон. Не спавший всю эту ночь Сайзвор тоже поедет с ними. Часам к двенадцати они будут уже на Пикадилли, где и покажут камень экспертам одного из крупнейших ювелирных магазинов.

Каратаев замолчал и снова зашуршал страничками своего блокнота.

– Ну-ну, дальше-то что? – заерзал от нетерпения Нижегородский.

– Дальше? – Савва посмотрел на компаньона, выдерживая паузу. – А дальше начнется переполох, герр Вацлав. Уже на следующий день лондонская «Таймс» выйдет с сенсационным заголовком: «В Англии найден неизвестный алмаз весом в 700 каратов». Ты, может быть, знаешь, что еще не улеглись страсти по Куллинану, распиленному на кучу бриллиантов три года назад. Но с Куллинаном все ясно: его нашли в Африке и потом подарили английскому королю, а вот «Хартвордский призрак», как назовут алмаз из тайника позже, никогда не откроет своей тайны. Короче говоря, к вечеру восьмого марта десятки газет королевства подхватят новость о необыкновенной находке. Всех в первую очередь будет интересовать, кто же владелец камня, а уж потом все остальное. Поняв, что «стекляшка» оказалась уникальным алмазом, о своих правах на него заявит коллега Конахи – чернорабочий Эндрю Байтвуд. Через сутки к нему присоединится и Эффлекс, заявив журналистам, что если бы не он, то его недалекий друг Робин просто выбросил бы «камендулину к чертовой матери». А уж когда один из лондонских банкиров не торгуясь предложит Конахи за пока еще безымянный алмаз пятьдесят тысяч фунтов, строила заскрипят и у остальных.

– Это у кого же еще? – поинтересовался Нижегородский, тщательно фиксирующий имена участников истории в записной книжке.

– Во-первых, о своей пятипроцентной доле эксперта объявит папаша Сайзвор: если бы не он, эти олухи так и не поняли бы, чем владеют. Примчится в Лондон и строительный подрядчик, взявшийся за перестройку доходного дома на Кроупли-стрит. Потрясая бумагами, он станет доказывать, что старый дом с седьмого числа передан ему со всем хламом и мусором, которые в нем еще остались, а стало быть и с алмазом, у которого к тому же, как выясняется, нет законного хозяина. Формально он будет прав: бумага о передаче ему разрешения на утили-

зацию по собственному усмотрению строительных материалов и всего остального, что осталось в разбираемом строении, им будет предоставлена. И именно его рабочие Конахи и Байтвуд по его личному указанию снимали старые панели со стен и незаконно присвоили найденный ими алмаз. Впрочем, мистер Диггс человек не жадный и готов поделиться с ними.

Но всех отодвинет в сторону домовладелица, некая миссис Пэррис. Она заявит, что ее покойный муж с незапамятных времен владел этим камнем, хотя и не знал, что он такой ценный. Она же просто забыла про старый талисман, а теперь, понятное дело, вспомнила и просит вернуть его, поскольку он дорог ей как память. Миссис Лора Пэррис наймет пару бойких столичных адвокатов и будет готова биться насмерть за «память» своего незабвенного супруга. Короче говоря, дело дойдет до драки (да-да, два выбитых зуба), и камень будет временно конфискован до выяснения всех обстоятельств. Его поместят в один из сейфов Скотленд-Ярда, где он и пропадет ровно через неделю.

– Как то есть пропадет? – удивился Нижегородский. – В каком это смысле?

– Пропадет – в смысле исчезнет.

– Что, навсегда?

– Для всех участников этих событий – да. Его найдут только через сто с небольшим лет в одной из кают «Лузитании». Через три года, в пятнадцатом, если ты в курсе, «Лузитанию» отправит на дно немецкая подводная лодка. Совсем недалеко от английского побережья. В начале следующего века в числе прочих предметов водолазы-любители поднимут с ее борта шкатулку с алмазом, характеристики которого совпадут с описанием камня из «хартвордского тайника».

– Что-то припоминаю, – грызя карандаш, задумчиво произнес Нижегородский. – Об этом писали. Потом его распилят и наделают брюликов, так?

– Это особая история, Вадим, и о ней мы обязательно поговорим, но позже, – сказал Каратаев, взглянув на часы. – Сначала нужно достать камень. Тебе поручается, можно сказать, гуманитарная акция по спасению Призрака. Кстати, о названии. Когда страсти по украденному алмазу улягутся, о нем довольно скоро позабудут. Потом будет война и много других событий, однако в конце тридцатых о «безымянном алмазе» снова заговорят. Я пока не совсем понял, с чем это связано, но тем не менее нашел несколько статей в периодике и пару занимательных рассказов в книжках о драгоценных камнях. Возникнет даже небольшая полемика: а был ли «Хартвордский призрак»? Не была ли вся эта история блефом? К тому времени почти все ювелиры, видевшие алмаз, либо умрут, либо сами уже не будут ни в чем уверены. Название «Хартвордский призрак», или просто «Призрак», приклеится к этому ставшему легендой камню, а в конце века некоторые специалисты выскажут мнение, что никакого алмаза не было, а была заранее спланированная афера, преследовавшая какие-то тайные цели.

Утром следующего дня Каратаев за завтраком еще раз напутствовал соотечественника.

– Ты запомнил, как выглядит дом? – спросил он товарища.

Накануне вечером они включили компьютер и просмотрели всевозможные газетные фотографии, включая портреты главных участников предстоящих событий.

– Будь осторожен, – продолжал Савва. – Никому в Англии его не показывай, а вези сразу в Амстердам. Адреса у тебя есть. Кстати, я не сказал вчера, что, если начнется вся эта шумиха и в Хартворд нагрянут журналисты, им кое-что удастся раскопать. Оказывается, еще в том веке в этом самом доме некоторое время снимал пару комнат (включая ту, с тайником) один человек – некий Рэй Олифант, бывший моряк. Запиши, может пригодиться. Так вот, он таинственно исчез ровно двадцать лет назад. Ушел как-то под вечер и не вернулся. Недели через две хозяева обратились в полицию, но безрезультатно. У Олифанта не нашлось ни родных, ни друзей. На вопрос Пэррисов, что им делать с вещами исчезнувшего постояльца, им посоветовали снести их на чердак и побережь некоторое время.

– А что удалось узнать об этом Олифанте? – допивая кофе, спросил Нижегородский.

– Только то, что он объездил полмира на парусниках, а последнее время плавал на чайных клиперах британо-индийских компаний, пока окончательно не пришел век пара и гребных колес. Он был замкнут, терпеть не мог, когда кто-нибудь, включая хозяев, совался в его апартаменты, но платил за жилье исправно. Вот и все.

– Понятно.

– В Амстердаме сначала зайди к Ашерам – чем черт не шутит, может, они возьмутся за наш заказ. Хотя... после «Эксельсиора» и «Куллинана», принесших им славу лучших гранильщиков, я бы обратился к кому попроще. Вот, например, к Якобу ван Кейсеру. Он молод, но лет через пятнадцать будет знаменит. К тому же он несколько лет провел в Германии, так что должен сносно говорить по-немецки. В общем, смотри по обстоятельствам.

Ранним утром шестого марта Нижегородский вышел из поезда на станции Хартворд. Свой чемодан он оставил на вокзале в камере хранения, прихватив с собой небольшой саквояжик с заранее купленными инструментами.

Никаких проблем с пересечением границы у него не возникло. Британскому таможеннику в Лондоне он объяснил свой приезд на Альбион служебной необходимостью, представившись агентом частной страховой компании. Таможенник выдал ему какую-то бумажку, объяснил, как проехать на Паддингтонский вокзал, и занялся следующим пассажиром.

И вот он почти у цели своего путешествия. Моросил мелкий дождь, и холодный ветер шумел в ветвях голых деревьев. Вадим стал вспоминать карту города, которую Каратаеву удалось разыскать в своем архиве. Правда, это была не карта маленького Хартворда начала двадцатого века, а план одного из северных районов гигантского мегаполиса, в который превратится Лондон спустя два столетия. Тем не менее на плане была обозначена Кроупли-стрит, и хваленый английский консерватизм позволял надеяться, что это та самая Кроупли-стрит, в одном из домов которой его ждет «Призрак».

Так и вышло. Двухэтажный дом из почерневшего от времени кирпича стоял зажатый своими соседями, отличаясь от них пустыми проемами окон. В небольшом дворике, отгороженном от проезжей части улицы низким палисадом, были сложены оконные рамы, рядом стояли извлеченные из них стекла. Здание имело два подъезда с каменными крылечками. Двери уже были сняты, зияющие проемы обрамляли пилястры из серого камня, увенчанные наверху такими же треугольными портиками.

Вадим услышал голоса. Несмотря на ранний час, внутри кто-то был. Нижегородский нарочито громко толкнул калитку и вошел во двор. В окне нижнего этажа тут же появилось недовольное лицо чрезвычайно толстой пожилой женщины. «Лора Пэррис», – узнал он хозяйку.

– Простите, мэм, я приехал разыскивать мистера Олифант, – на ломаном английском обратился к ней Нижегородский. – Он жить когда-то в этот дом.

– Какой еще Олифант? – раздосадованно проворчала тетка. – Нет тут вообще никого. Вы не видите, что дом сносят?

Она вышла во двор и в упор уставилась на иностранца. Следом за ней в дверях появился низенький старичок с тетрадь в руках.

«Чертова баба, – подумал Вадим, – эта так просто не впустил». Он достал из кармана записную книжку и сделал вид, что читает.

– Вы есть Лора Пэррис?

– Да, – удивилась хозяйка. – А вы кто такой?

– Крамер. Йозеф Крамер из Ганновера, частный детектив.

В руках «детектива» блеснула золотая монета. Еще в порту, покупая фунты и шиллинги, Нижегородский специально выменял пару гиней, бывших в эту пору в Англии уже достаточно редкими и оттого особенно желанными. Он подошел ближе. Увидав чеканный профиль королевы Анны, женщина захлопала глазами и стушевалась.

– Можно, конечно, посмотреть в домовую книгу, – пробормотала она, не отрывая взгляда от желтого кружочка. – А что, этого самого Олифанта кто-то еще ищет? Он пропал лет двадцать назад, и мы с мужем давно выбросили его вещи. Да у него и не было ничего ценного – так, всякий хлам да пустые бутылки.

Вадим протянул ей монету и попросил разрешения осмотреть комнаты, где жил старый моряк.

– Это важно, – загадочно произнес он. – Это может пролить свет на одно важное дело.

С этими словами он извлек из своего саквояжа большую лупу на длинной ручке.

– Роджер, покажите господину немцу комнаты наверху, – бросила миссис Пэррис в сторону старикашки с тетрадью. – Будьте осторожны, – участливо повернулась она к детективу и пошла за ним следом, – лестница совсем прогнила. Вам повезло, вы едва не опоздали. Завтра дом начнут ломать. Здесь будут строить новую гостиницу для приезжих...

– Гостиницу? – переспросил Нижегородский. – Я бы хотел пить чай и кушать. Я только с парохода. Где я могу кушать?

– У меня, – обрадовалась женщина. – Не нужно куда ходить. Я живу в том доме напротив и сейчас приготовлю вам завтрак.

Переваливаясь, словно утка, женщина поковыляла к калитке. По скрипучей лестнице Нижегородский вместе со стариканом поднялся на второй этаж. Он быстро сориентировался и нашел ту самую комнату, фотографиями которой вскоре запестрели бы английские газеты, если бы он не опередил рабочих. Он увидел камин, дубовые панели, темно-зеленые обои со следами от висевших здесь много лет всевозможных рамок с картинками, бронзовых подсвечников и витиеватых чугунных полочек. Скрипя половицами, следом за ним в комнату вошел Роджер.

«Как бы еще и от него отвязаться?» – подумал Вадим. Он достал из кармана шиллинг и спросил:

– Здесь есть поблизости почта? Я должен срочно писать письмо, но у меня нет... как это сказать...

– Чернил? – любезно осведомился старичок. – Конверта?

– Да-да, конверта!

– Я могу принести свой, господин Крамер. У меня целая стопка. Я живу рядом, на соседней улице.

– Вы очень любознательны... то есть я хотел говорить, любезны.

Нижегородский сунул в руки старика шиллинг и пристальным взглядом дал понять, что ждет от него немедленных действий. Когда тот удалился, он поставил на пол свой саквояж и, сменив лупу на молоток и стамеску, принялся за работу.

Минут через пятнадцать Вадим уже швыркал горячим чаем в комнате гостеприимной вдовы, расспрашивал о ценах на жилье, землю, стройматериалы и о видах на погоду. В боковом кармане его укороченного макинтоша лежал кожаный кисет, в каких моряки хранят трубочный табак. Излишне говорить, что вместо табака в кисете находился продолговатый белый кристалл почти правильной формы, похожий на кусок покрытого тончайшим инеем льда. Впервые за последние, как минимум, два десятилетия к нему прикоснулась теплая рука человека.

Прощаясь, Нижегородский спросил: не припомнит ли миссис Пэррис, не было ли у старого моряка какого-нибудь камня, похожего на кристалл соли?.. Нет-нет, мадам, ничего ценного, просто кусок минерала, о существовании которого помнит его внук. Это нужно для идентификации личности... Не было?.. Вы уверены?.. А ваш муж не имел ничего подобного? Например, талисман?

– Определенно нет, – отвечала вдова. – Он никогда не интересовался никакими там камнями. Фабиан Самуэль Пэррис был деловым человеком.

В тот же день Нижегородский вернулся в Лондон. Он впервые бродил по улицам английской столицы, долго рассматривал Парламент, сверял часы по Биг-Бену (он любил сверять время по башенным часам), после чего отправился на Тауэрский мост смотреть на вечернюю Темзу. По пути, несколько раз присаживаясь на лавочку в каком-нибудь сквере, он доставал алмаз из кисета и внимательно его разглядывал. Неужели вот этот кристалл из атомов обыкновеннейшего углерода может стоить огромных денег и цениться выше человеческой жизни? Не из-за него ли поплатился головой старый моряк, и имел ли он вообще отношение к камню? Каким образом алмаз попал на обреченную «Лузитанию»? Лайнер будет идти из Америки, значит, камень должен побывать в Новом Свете. Впрочем, теперь уже не должен: они с Каратаевым сразу решили как можно быстрее превратить алмаз в россыпь бриллиантов, для чего на этом свете как раз и существует город Амстердам – мировая столица ювелиров.

Через сутки владелец пока никому еще не известного алмаза сошел на берег в устье реки Амстел, нанял конный экипаж и попросил доставить себя в гостиницу поближе к центру города. Устроившись в номере, под окнами которого почти недвижно стояли мутноватые воды канала Херенграхт, и обменяв английские фунты на голландские гульдены, он отправился на поиски Якоба ван Кейсера – мастера грани, смело бравшегося, несмотря на относительную молодость, за колку самых дорогих алмазов, на что мог отважиться далеко не каждый ювелир первой гильдии. Перед отъездом Каратаев поведал Вадиму, что 10 февраля 1908 года, когда, выполняя заказ Эдуарда VII, Джозеф Ашер приступил к исторической распиловке «Кулли-нана», он даже лишился чувств, посчитав, что допустил ошибку.

Дом ювелира, как и многие дома в этом городе, оказался плотно вставленным в сплошной ряд строений, тянувшихся бесконечной шеренгой вдоль канала. По количеству окон в каждом из трех его этажей можно было определенно сказать, что хозяин – человек весьма состоятельный. Пять окон в ряду встречались здесь достаточно редко. На винно-красном фасаде особняка великого Рембрандта их, к примеру, только четыре.

– Это дом господина ван Кейсера? – спросил Нижегородский, когда молодая женщина в классической униформе горничной открыла ему дверь. К счастью, в этом городе многие понимали по-немецки.

– Да, как о вас доложить?

– Пикарт. Я хотел бы получить консультацию.

Женщина в длинном темно-коричневом платье с белым фартуком, кружевными манжетами и таким же воротничком, пригласила его пройти в дом и подождать в прихожей. Нижегородский осмотрелся и еще раз убедился, уже по внутреннему интерьеру, что дом принадлежит преуспевающему ювелиру. Стены высокого вестибюля были до самого потолка забраны резными панелями из темного, почти черного дерева. С них на посетителей смотрели такие же темные портреты каких-то людей в старинных одеждах вперемешку с идиллическими сельскими пейзажами, непременным атрибутом которых были виднеющиеся вдали старинные замки и церкви. «Старые голландцы», – догадался Нижегородский, смутно, впрочем, понимая смысл этого искусствоведческого термина.

В вестибюль вошел человек лет сорока пяти. Он был в фартуке мастерового и на ходу вытирал руки тряпкой.

– Это вам нужна консультация? Прошу вас сюда.

Они прошли в комнату с конторкой, книжными шкафами и большим письменным столом. Ювелир уселся за стол, предложив посетителю снять плащ и располагаться в кресле напротив.

– Слушаю вас.

– Вы господин ван Кейсер? – спросил Нижегородский.

– Господин ван Кейсер работает сейчас в мастерской. Моя фамилия Бирквиг, я его помощник и готов принять от вас заказ, если он соответствует профилю нашей фирмы. Мы занимаемся только камнями, оправы не наша специализация.

Нижегородский вынул из кармана алмаз и положил на середину стола.

– Что это? – удивился помощник.

– Это я хочу спросить у вас: что это?

Бирквиг небрежно протянул руку к камню, взял его большим и средним пальцами и, подержав секунду, снова положил. Он еще раз проделал эту процедуру, видимо, прикидывая вес кристалла. Вадим пристально следил за руками и выражением лица помощника ювелира, переводя взгляд с его тонких пальцев на глаза. Бирквиг сложил губы трубочкой, приподнял брови и щелкнул каким-то выключателем. Прямо перед ним в столешнице вспыхнул яркий прямоугольник – очевидно, под матовым стеклом зажглась лампа. Бирквиг извлек из ящика стола большую лупу, положил камень на стекло и принялся его изучать. Он крутил алмаз в лучах проходящего света, затем включил небольшую, но чрезвычайно яркую настольную лампу, поменял лупу и продолжил изучение камня в отраженном свете. Затем он поскреб одну из боковых граней каким-то стерженьком и, прищурившись, долго разглядывал это место сквозь совсем уже маленькую линзу. Прodelывая все эти манипуляции, помощник ювелира коротко вскидывал глаза на Нижегородского, и они встречались взглядами. Наконец он встал, поднес алмаз к окну и, отдернув плотную штору, призвал на помощь лучи весеннего полуденного солнца.

– Откуда у вас этот камень? – спросил Бирквиг вкрадчивым голосом.

– Он у меня с детства, – спокойно отвечал Нижегородский. – Во всяком случае, лет с двенадцати. А что?

– И вы не знаете, что это?

– Послушайте, господин... э-э-э... Бирквиг, я, собственно говоря, затем к вам и пришел, чтобы узнать, что это за штука такая, а вы сами спрашиваете меня об этом уже второй раз. – Вадим разыграл нетерпение и посмотрел на часы. – То, что это не стекляшка какая-то, мне понятно.

– В таком случае я попрошу вас подождать.

Помощник ван Кейсера положил алмаз на стол и быстро вышел, затворив за собой дверь.

«Уж не за полицией ли он направился? – подумал Нижегородский. – Черт его знает, какие у них тут порядки».

Он прождал минут пять. Наконец дверь отворилась и в комнату вошли двое. Первым был человек лет тридцати в темно-синем халате, какие носят лаборанты. Шейный платок с алмазной заколкой и туго обтягивавшая высокий лоб шапочка какого-то магистерского фасона не оставляли сомнений – это был глава фирмы «Якоб ван Кейсер». Он коротко взглянул на Вадима: «Goede middag»⁹, – кивнул и быстро прошел к столу. Помощник тем временем выставил на столик конторки аптекарские весы и приготовил коробку с гирьками.

Ван Кейсер взял в руки камень.

– Ное heet je? Spreekt u Nederlands?¹⁰ – спросил он через несколько минут.

– Мое имя Вацлав Пикарт, – ответил Нижегородский по-немецки.

Ювелир впервые внимательно посмотрел на него, кивнул и тоже по-немецки сказал:

– Это алмаз, господин Пикарт. Редчайший алмаз. Признаюсь вам откровенно: я впервые держу в руках такое чудо. – Он помолчал, отдал камень помощнику для взвешивания и спросил: – Вы говорите, что он у вас давно?

– Двадцать лет. Мой отец привез его из своей последней поездки и почти сразу умер.

⁹ Добрый день (голл.).

¹⁰ Как вас зовут? Вы говорите по-голландски? (голл.)

– А кем был ваш отец?

– О-о-о, кем он только не был, господин ван Кейсер, – откинувшись в кресле, Вадим приготовился рассказать заранее сочиненную им историю. – И где он только не побывал. В последний раз – это было в девяносто втором – он вернулся из Англии. В ужасном состоянии. Что там произошло, мы так и не узнали, только он был ранен в голову, по приезде сразу же слег и вскоре умер. Этот камень мы нашли в его вещах. Конечно, мы не могли и предположить, что он представляет хоть какую-то ценность. Я колот им орешки, играл с друзьями, пока мать не отобрала его у меня и не спрятала. Она сказала, что это память об отце и через несколько дней вышла замуж за нашего деревенского хлебопека.

Вадим растроганно вздохнул и замолчал.

– Что же было потом? – спросил ван Кейсер.

– Потом? – попытался собраться с мыслями Нижегородский. – Совсем недавно я наткнулся на него в чулане. Он валялся в ящике с гвоздями, весь был в пыли и ржавчине, и я чуть было снова не забросил его куда подальше. Но что-то остановило мою руку. Я вспомнил отца, то, какими глазами смотрел он на кристалл, когда я поднес его как-то к его постели. За несколько дней до смерти отца хватил удар, лишив не только движения, но и речи. Он мог лишь вращать зрачками и тяжело дышать. Бедный папа. Верите, теперь, когда я снова нашел камень и сжал его в руке, по мне словно пропустили слабый заряд электротока! Я отмыл его и взял с собой в служебную поездку. В нашем-то захолустье его и показать некому.

– Где же вы живете?

– В Берлине, – не моргнув глазом ответил Нижегородский.

В это время Бирквиг сообщил вес алмаза: 732,14 метрического карата.

– Сколько же он стоит? – наконец задал Вадим главный вопрос.

– Говорить о его стоимости сейчас можно очень и очень приблизительно, – откинувшись на стуле и переплетя тонкие пальцы рук, стал размышлять ван Кейсер. – Мы не знаем всех достоинств и недостатков камня и не узнаем их, пока не отшлифуем хотя бы одну грань и не заглянем внутрь. Насколько я могу предположить на данный момент: он бесцветен или имеет легчайший голубоватый нацвет, не ниже «D». Ты согласен, Арнольд? – повернулся он к помощнику. – Это плюс. Очень возможно, что в его теле нет крупных дефектов. Во всяком случае, из него можно наверняка получить бриллианты чистой воды классов «FL» или «IF».

– Все это очень интересно, – стал терять терпение Нижегородский, – однако, господа, сколько за него дадут в том виде, в каком он находится сейчас? Без всяких там «эф-эль» и прочего?

Ван Кейсер пожал плечами.

– Вы можете сегодня же продать его за пятьсот тысяч гульденов, но он стоит дороже. Я бы не советовал вам спешить, господин Пикарт. Да и продавать необработанный алмаз в Амстердаме крайне неразумно. Если где-нибудь на руднике вроде Ягерсфонтейна или Багагемских копей это, может быть, и оправданно, то только не здесь.

– Почему?

– Потому что в виде бриллианта, а в данном случае речь может идти о целой бриллиантовой россыпи, он будет стоить в несколько раз дороже.

«Знаем и без вас, – подумал Нижегородский и мысленно потер руки. – Однако намечаются приличные деньги».

– И вы сможете взяться за подобный заказ, господин ван Кейсер?

– Работать с таким камнем – честь для любого мастера, – ответил ювелир. – Но и очень большая ответственность. – Он снова взял камень в руки, но посмотрел на Нижегородского. – Вы можете доказать, что это именно ваш алмаз?

– Доказать? – Вадим сделал удивленное, даже расстроенное лицо. – Я рассказал вам его историю, – он развел руками, – мне больше нечего добавить.

Ювелир побарабанил пальцами по столу, затем сказал что-то по-голландски помощнику, и тот вышел.

– Видите ли, господин Пикарт, ваша история интересна и загадочна, но... вы ведь не станете спорить, что в Англии нет алмазных месторождений и, следовательно, ваш батюшка не мог найти этот камень первым из людей, скажем, где-нибудь на речной отмели. Несомненно, алмаз был привезен туда кем-то другим. Ведь так? Я не хочу сказать, что ваш отец украл его, боже упаси. Но где гарантия, что, когда я сделаю первый надпил, а то и вовсе закончу работу, не объявится другой хозяин камня или совладелец?

– Как же быть?

Вернулся Бирквиг. Он положил на стол несколько книг и уселся рядом. Ван Кейсер взял самую большую книгу и раскрыл.

– Это самый полный каталог драгоценных камней. Их здесь несколько тысяч. Есть и необработанные еще алмазы, которые либо ждут своего часа, либо так и останутся украшенными арабской вязью – именами владевших ими султанов и падишахов. Есть и неумело отшлифованные камни, и великолепные бриллианты. И у каждого, заметьте, свой хозяин. Всем этим, – он положил ладонь на раскрытые страницы, – владеют короли, монастыри, музеи, ювелиры, светские дамы и, разумеется, такие фигуры, как Ротшильды или Морганы. Какими бы путями они не приобрели свои камни, они – официальные владельцы и могут делать с ними все, что захотят.

– Стало быть, дело за тем, чтобы попасть в этот гробсбух? – догадался Нижегородский.

– Совершенно верно.

– Так нет проблем! Записывайте.

Ван Кейсер оценил шутку. Он захлопнул книгу и попросил Бирквига распорядиться насчет чая.

– Что ж, тогда мы внесем данные о вашем алмазе в официальный Вестник Международного Союза ювелиров и в «Алмазный каталог». Если в течение трех месяцев никто не заявит своих прав и не вскрыются обстоятельства криминального характера, вы станете полноправным членом Алмазного клуба. Такова процедура. Но хочу предупредить: вам не удастся избежать огласки.

– А без этого никак? – поморщился будущий член Алмазного клуба.

Ван Кейсер развел руками.

– Такой камень неминуемо вызовет сенсацию. Впрочем, вы можете сохранить относительное инкогнито, скрывшись за формулой вроде «германский подданный, пожелавший остаться неизвестным».

На том и порешили. Вадим понял, что алмаз необходимо, что называется, «отмыть». Ван Кейсер любезно пообещал взять все хлопоты на себя. Он посоветовал Нижегородскому на это время поместить камень в одном из надежных банков в Амстердаме. Тот согласился. Осталось последнее – выбрать алмазу имя.

– Назовите «Английским призраком», – предложил Вадим, угощаясь чаем с малиновым вареньем. – Загадочно и со смыслом.

Вскоре он попрощался с ювелирами, собственноручно заперев алмаз в несгораемом сейфе ван Кейсера под его личное поручительство. Перекусив в крохотном ресторанчике на канале Сингелграхт, он послал телеграмму в Берлин, в которой сообщил, что все в полном порядке, что «булыжник за пазухой» и что через пару дней после оформления необходимых бумаг он выезжает в Берлин.

Десятого марта Нижегородский в последний раз бродил по улицам и мостам Амстердама, не переставая поражаться разнообразию каменных фасадов, вытянувшихся вдоль каналов. Он прошелся по набережной Золотой бухты, побывал на площади Дам, осмотрел королевский дворец, покормил зверюшек в зоопарке. Напоследок, сверив часы по курантам башни Мон-

телбансторен, он чуть было не опоздал на поезд, не зная, что стрелки «Глупого Якоба» еще никогда не показывали правильного времени.

– «Английский призрак», – хмыкнул Каратаев, читая заметку об алмазе в «Фоссише цайтунг». – Не мог уж привезти сюда.

– Там ему будет лучше, Саввушка, – убеждал товарища Нижегородский. – Да и нам спокойнее. Чует мое сердце: на этом камушке кровь не одного человека. Между прочим, ван Кейсер говорил, что из нашего Призрака можно сделать несколько крупных и штук сорок средних и мелких бриллиантов. В принципе, он берется за это и уже обдумывает схему раскрытия и огранки будущих бриллиантов. Ты не станешь возражать, если я закажу себе из них один перстень и одну булавку для галстука?

– Только не из крупных.

– Почему?

– Потому, что носить бриллианты весом в сто карат, если ты, конечно, не английская королева, форменное пижонство. Да и опасно для жизни. И вообще, господин Пи-карт, мы сделаем из этого алмаза нечто совершенно необыкновенное. Ты только не спорь и в точности выполняй все мои указания. Давай сразу договоримся, что Призрак – моя тема и на этот раз я тут главный.

– Нет вопросов, Викторыч, рули, – согласился Нижегородский.

Каратаев усадил Вадима на стул и поведал ему свой план.

– Если бы не мы с тобой, то, как ты знаешь, этот алмаз в 2021 году должны были поднять со дна морского несколько водолазов интернациональной любительской экспедиции, – начал Савва, – и он стал бы собственностью английского правительства. Кто-то в Палате общин выступит тогда с инициативой реализовать камень на аукционе Сотби, а вырученные деньги пустить на благотворительные цели в странах Африки. Лорды и общественность поддержат предложение, и среди ювелиров будет объявлен конкурс на лучший проект по разделке камня на части и их огранке. Этим предполагалось увеличить его цену как минимум в три-пять раз. Так вот, я нашел тот самый проект, который был признан на конкурсе лучшим! Ты следишь за моим рассказом?

Нижегородский следил.

– Ты хочешь навязать ван Кейсеру чужой проект? – заметил он. – Это все равно что заставить талантливого художника рисовать картину под чью-то диктовку.

– Ничуть не бывало! – замахал руками Каратаев. – Твой ван Кейсер сразу поймет, что наш вариант идеален. Я больше чем уверен: ни ему, ни кому другому не под силу разработать ничего подобного. Эта схема была просчитана на компьютере одним французским гранильщиком в паре с одним русским программистом. Оба – талантища невероятные! Они прогнали сотни вариантов и нашли самый экономичный, с потерей всего сорока процентов исходного материала. При этом, заметь, все камни получались симметричными, с огранкой самых последних моделей. – Каратаев полистал свой блокнот. – Вот, смотри сам: четыре огромных бриллианта весом в сто сорок, сто, семьдесят и пятьдесят каратов (я округляю), двенадцать средних, ну и... мелочь. Для средних огранка импариантная¹¹, что увеличивает блеск на двадцать пять – тридцать процентов и устраняет нацвет. По числу facets – королевская¹² или величественная¹³. Никаких розочек и розеток. Всю мелочь граним «принцессой», на разработку которой во второй половине этого века уйдет аж тринадцать лет. – Каратаев легко сыпал терминами, о которых еще несколько дней назад не имел ни малейшего представления. – Что касается

¹¹ С нечетным числом боковых граней.

¹² 86 facets.

¹³ 102 facets.

крупных, то каждый из них совершенно уникален. Самый большой бриллиант в виде солитера назовут «Память Лузитании». Он будет вставлен в тончайший золотой обруч на трех спицах и помещен на подставку. Второму – стокаратнику – придадут огранку «нейтронная звезда». Ориентация и размеры ее двухсот семнадцати граней, также рассчитанные на компьютере, будут каким-то образом точно взаимосвязаны с коэффициентом преломления данного алмаза. Это настоящее открытие будущего века, достойное Нобелевской премии. Ни один проникший в такой бриллиант фотон света не в состоянии пройти его насквозь и выйти с обратной стороны. Они все в результате внутреннего отражения вернутся назад и создадут уже не двойной, а тройной бриллиантовый огонь. Но главной особенностью «нейтронной звезды» будет мерцание ее самой большой передней грани – таблички. Она то гаснет, становясь почти черной, окруженная радужным боковым сиянием, то ослепительно вспыхивает...

Каратаев еще долго рассказывал о фацетах, табличках, колетах, рундистах и прочих тонкостях гранильного мастерства. Нижегородский скоро перестал воспринимать всю эту информацию, вынул из кармана пилку для ногтей и задумался о своем.

На следующий день они снова говорили об алмазе, и позже не раз возвращались к этой теме, но постепенно запал прогорел, компаньоны успокоились и занялись текущими делами. Что касается газет, то и там довольно скоро забыли о «Призраке». Эта тема муссировалась еще некоторое время только в нескольких специализированных изданиях. Широкая же пресса, лишенная скандала с дракой претендентов и последующим исчезновением камня, потеряла к нему всякий интерес.

Однажды от нечего делать Нижегородский взял в руки газету и прочел ошеломившую его новость. Через минуту он ворвался в комнату компаньона.

– Каратаев, ты знаешь, что из Лувра украли «Джоконду»?!

– Да, и что? – вяло отреагировал лежащий с книгой в руках Савва. – Еще прошлым летом, где-то в двадцатых числах августа. Об этом все знают, кроме тебя.

– Так давай поищем в твоём архиве...

– Что поищем? Она найдется в четырнадцатом году, можешь не переживать. Ее стащил один итальянец, работавший в Лувре стекольщиком. Я даже знаю, где она сейчас.

– Где?

– А тебе зачем? – насторожился Каратаев, откладывая книгу. – «Мона Лиза», Нижегородский, это тебе не бесхозный алмаз. И думать забудь.

– Да я не в том смысле. Что я, дурак? Просто интересно.

Савва несколько секунд размышлял, стоит ли рассказывать, потом зевнул и произнес:

– Сейчас она валяется среди старых башмаков и всякого хлама под кроватью на третьем этаже «Сите дю Герон». Это один из парижских доходных домов. В тех комнатах живут сезонные рабочие из Италии. За ее возвращение, правда, обещано сорок пять тысяч франков наличными, так что в принципе можно было бы немного подзаработать. Но мы же не станем дезавуировать себя из-за этих денег.

Каратаев посмотрел на компаньона и добавил:

– Ладно, признаюсь, я приберегал этот вариант на черный день. В нашем распоряжении еще полтора года. До ноября тринадцатого. Но не думаю, что нам стоит быть такими крохоборами. Пускай все идет своим чередом.

– Ты прав, – согласился Вадим.

* * *

Как-то, в самом начале апреля, Нижегородский пришел домой поздно вечером в сильном возбуждении. Он отказался от ужина и некоторое время ходил взад-вперед по гостиной. Густав бегал следом, виляя коротким хвостиком и слегка прихрапывая, что случилось с ним при быстром движении и повышенной температуре в помещении. Наконец Вадим остановился и постучался в дверь Каратаева.

– Что случилось? – спросил тот. – Снова профершпилился в казино?

– Да нет... впрочем, может быть... немного. Откровенно говоря, даже не подсчитывал. Слушай, – он вошел и плотно прикрыл за собой дверь, едва не прищемив своего криволапного любимца, – сегодня я заключил пари.

– Пospорил, что ли?

– Да, причем по-крупному.

– На что? – Савва просматривал какие-то выписки в своем блокноте, делая пометки карандашом. – Я имею в виду суть спора.

– На «Титаник».

– На какой титаник? – не сразу понял Каратаев, но уже в следующую секунду повернулся и изумленно посмотрел на Нижегородского. – На тот самый?

– Да. На тот самый. На котором ты недавно хотел спровадить меня в Америку.

– Который утонул? – Удивлению Саввы не было предела.

– Ну да, да, – Нижегородский сел на диван и ненадолго задумался. – Только это произойдет дней через десять.

– Ты что, дурак? – вскипел Каратаев. – Ты теперь решил разыгрывать из себя провидца? Мало тебе недавней газетной шумихи, в которой уже несколько раз мелькнула тень некоего господина Пикарта, сделавшего капитал не то на русских ярмарках, не то на военных поставках в Китае? Один щелкопер даже назвал тебя новым графом Калиостро!

– Да все случилось совершенно непреднамеренно, Викторыч, – стал оправдываться Нижегородский. – Ты выслушай сначала.

– Ну?

– Ну... В общем, сижу я нынче в «Галионе», играю в карты в одной презентабельной компании. Отдельный кабинет, круглый стол, нас семеро. Игра идет ни шатко ни валко, хотя публика состоятельная: английский банкир; французский винодел; какой-то рыжий швед – крупный книгоиздатель и чуть ли не родственник ихнего короля; трое немцев, один из которых отставной генерал барон фон Летцендорф; ну и твой покорный слуга. Банкир, виноторговец и наш барон в основном травят баланду на трех языках сразу, однако по-крупному не ставят. Тут хоть тресни, Савва, а только когда карты в руках держат для вида, игры не будет. И вот, кто-то из них сказал, что скоро едет в Америку. Кажется, француз собрался везти туда свои бочки. Англичанин возьми да и заведи разговор о «Титанике». Скоро, мол, отправляется в Штаты в свой первый рейс их новый пароход и наверняка сразу возьмет «Голубую ленту». Клянусь, Савва, я долго молчал. А он все не унимался, все расхваливал пароход, а когда начал петь про его уникальные переборки да про то, какой он, благодаря им, непотопляемый, я не выдержал. Взял, да и ляпнул: переборки эти ваши яйца выеденного не стоят, раз не доведены до какой-то там палубы. Ну, ты в курсе, о чем я. Погоди, схожу за куревом.

– Так вот, – продолжал он, вернувшись с сигарой во рту и мопсом на руках. – Англичанин полез в бутылку: «Свои слова надо аргументировать, молодой человек, а не бросать их безответственно, как скинутую карту. Пароходы «Уайт стар лайн» – это престиж королевства, и всякий там чех, в стране которого нет даже приличного озера, уж не говоря об океане, должен сидеть и помалкивать в тряпочку, когда солидные люди говорят в его присутствии о кораблях». Как ты думаешь, мог я такое стерпеть?

– И что ты им дальше наплел?

– Сказал, что готов аргументировать свои слова. Тут встрял барон: это каким же образом? Деньгами, говорю. Ставлю на то, что в первом же рейсе всем станет ясно: хваленые переборки «Титаника» – фикция. «И сколько вы ставите?» – спрашивает банкир с ухмылочкой. Сто тысяч, отвечаю. Ну сам посуди, Саввыч, должен был я сбить с них спесь!

– Скажи, Нижегородский, – Каратаев протянул компаньону пепельницу, – какими суммами ты оперировал еще четыре месяца назад? Откуда такие замашки – чуть что, швыряться сотнями тысяч марок?

Нижегородский смутился, потупился и виновато посмотрел на Каратаева.

– Сто тысяч фунтов, Савва.

– Что?!

– Я же спорил с британцем. Вот и предложил со своей стороны сто тысяч английских фунтов стерлингов...

– Это же больше двух миллионов марок!

– Два миллиона сорок тысяч. Я сверился с курсом.

– Но у нас на счету чуть больше трех. На двоих!

– Я рассчитываю на твое участие...

Каратаев вскочил и выбежал в гостиную.

– Нет, ты меня в гроб вгонишь своими сюрпризами! – забегал он, размахивая руками. – Ты представляешь, какой шум поднимется? Одно дело десять раз угадать на ипподроме... Да газетчики тебя просто живьем съедят, когда все выплывет наружу! Сто тысяч фунтов! Уму непостижимо! Завелись деньги у идиота!

– Успокойся, большого шума не будет. Дослушай до конца.

* * *

– Я так понимаю, вы предлагаете пари? – спросил фон Летцендорф. – И ставите сто тысяч английских фунтов? Но на что конкретно?

– На катастрофу, которая разрешит наш спор о переборках, – стараясь быть спокойным, ответил Нижегородский.

– А еще конкретнее?

– Можно и еще конкретнее, – Вадим обвел взглядом всех присутствующих. – Я ставлю на то, что пароход утонет в первом же рейсе.

Повисла пауза. Об игре позабыли, француз даже положил на стол свои карты картинками вверх. Рот одного немца открылся, а на другого напал нервический кашель.

– Это, конечно же, шутка, господин Пикарт, – махнул рукой банкир. – Вы, верно, просто выпили лишнего.

– Как хотите, – Вадим снова углубился в изучение своих карт. – Только не говорите потом, что я не предлагал вам на деле доказать мою готовность ответить за свои слова.

– Да чушь собачья! Вы же не ненормальный, – снова влез барон. – А ну как мы сейчас примем вызов? Вы понимаете, что окажетесь в неприятном положении?

– Господа, – повысив тон до трагически-торжественного, произнес Нижегородский, – либо вы принимаете участие в пари, либо мы прекращаем этот разговор. В последнем случае мистер Холлоу, – он посмотрел на англичанина, – признает, что был не прав относительно переборки.

– Вот еще! – возмутился банкир. – Ничуть не бывало. Я отвечаю десять к одному и ставлю против ваших ста тысяч один миллион!

Нервический кашель усилился. Француз хотел что-то сказать, но окончательно позабыл немецкий язык. Только швед сидел невозмутимо, поглядывая то на одного, то на другого. Возможно, до него еще не дошло, о каких деньгах идет речь.

– Насколько я понял, остальные тоже могут присоединиться? – спросил барон.

– Сколько угодно, – как можно более дружелюбно подтвердил возмутитель спокойствия. – Потом разделите свой выигрыш пропорционально риску каждого. Но у меня два условия.

– Ну коне-е-ечно, я так и ду-у-умал, – с изрядной долей сарказма протянул англичанин, коверкая слова. – Сейчас мы узнаем о таких условиях, которые сведут на нет все ваше первоначальное заявление.

– Отнюдь. – Нижегородский сложил свои карты и швырнул их на середину стола. – Первое: мы приглашаем нотариуса прямо сюда, составляем текст условия пари и выписываем долговые обязательства на предъявителя. Второе: условие пари и сам его факт остаются между нами. Присутствующие здесь семь человек и привлеченный к этому делу нотариус пообещают хранить тайну до окончательного разрешения спора и всех выплат по распискам. А еще лучше – не распространяться об этом никогда.

– Что ж, – подвел итог барон после некоторой паузы, – вполне разумно. Я тоже, пожалуй, поставлю пятьсот тысяч английских фунтов. Уж извините, господин Холлоу, случай редкий, грех не воспользоваться.

– Не хочу показаться нетактичным, господа, – заметил Вадим, – смею только напомнить, что речь у нас идет не о падении Луны на Землю, а всего лишь об отправке на дно английского парохода. А такое, увы, случается. Поэтому прошу отнестись к своим ставкам взвешенно, дабы в дальнейшем не возникло трудностей с выплатой. Лично у меня на днях сорвалась сделка по закупке русского дальневосточного меха, и я располагаю заявленной мною суммой наличными.

Француз, который постепенно вспомнил немецкий словарный минимум, а также швед, понявший наконец, что речь шла не о кронах или марках, а об английских фунтах, в каждом из которых двенадцать шиллингов или двести сорок пенсов (эквивалентных более чем семи граммам чистого золота), решили поставить по пятьдесят тысяч. Таким образом они без всякого риска рассчитывали получить по три тысячи сто двадцать пять фунтов стерлингов. Двое других немцев выразили желание оставаться сторонними наблюдателями и, если потребуется, подписаться под текстом пари в качестве свидетелей.

Барон на правах старшего вызвал звонком официанта и велел ему пригласить главного администратора.

– Слушаю вас, господа, – появился в дверях смотритель зала.

– Господин Вайстхор, – обратился барон к вошедшему и протянул листок бумаги. – У нас к вам огромная просьба: пошлите кого-нибудь из персонала по этому адресу. Это тут недалеко, нотариальная контора Бергмана. Пускай попросит от моего имени срочно приехать сюда опытного нотариуса, лучше самого Иосифа Бергмана. Разумеется, с гербовой бумагой и всем необходимым. Расходы на такси отнесите на мой счет.

– Короче говоря, Савва, пока мы составляли текст пари, прибыл сам еврей Бергман, к услугам которого здесь прибегают многие богачи, когда требуется особая надежность и конфиденциальность. Не моргнув глазом он переписал наш договор в пяти экземплярах, завизировал и раздал всем непосредственным участникам. В свою очередь, мы выписали простые векселя на предъявителя с оплатой в течение месяца со дня выставления и сдали ему. Векселя и копию секретного договора нотариус в сопровождении двух полицейских (их вызвал барон) увез к себе, пообещав запереть в сейф. Когда станет ясно, что, покинув Европу, «Титаник» пришел в Нью-Йорк или куда-нибудь еще, или не придет уже никуда, нотариус собирает всех нас и выдает на руки выигравшей стороне все векселя. Свои собственные победитель уничтожает, а

векселя оппонентов волен выставить к оплате в любой момент. И еще: в любом случае, что бы ни произошло, двадцатого апреля мы все должны быть в Берлине. Теперь все.

Нижегородский вздохнул и откинулся на спинку дивана.

– А теперь посуди сам, мог ли я отказаться от такого случая? Вспомни, как мы готовились к операции с акциями «Дойчер штерн», сколько перенервничали из-за двух с небольшим миллионов. А тут полтора миллиона с мелочью, но не марок, Савва, а фунтов! Это в двадцать раз больше! Деньги сами лезут в руки. Причем лезут нагло. Если ты от них откажешься, тебя же еще и оскорбят. Думаешь, мне не обидно было за Чехию, когда этот банкир попрекал нас отсутствием крупных водоемов? – Нижегородский поднял мопса и уперся носом в его черную сморщенную мордочку. – Ну что мы, в конце концов, виноваты, что нам не досталось даже кусочка моря?

Через час, сделав выписки из базы данных очешника, Каратаев появился в гостиной со своим блокнотом.

– Мда-а-а, – протянул он. – С одной стороны, конечно... но с другой... Уж больно страшные цифры получаются. Ведь они должны заплатить тридцать два миллиона и почти семьсот тысяч марок, если мы выиграем.

– А что, есть вероятность проигрыша? – вяло спросил Нижегородский. Он стоял у окна и смотрел в темноту ночи. – Когда он окончательно скроется под водой?

– Кто? – не понял Каратаев. – «Титаник»? В два двадцать утра пятнадцатого апреля. Это будет понедельник. Осталось десять дней и несколько часов.

– Сколько народу погибнет?

– Полторы тысячи. Точнее, тысяча пятьсот три человека.

– А ты говоришь – тридцать миллионов! Вот страшная цифра, Каратаев. – Вадим повернулся к нему. – Мы сделали ставку на смерть людей. Тех, кто сейчас строит планы в связи с весной, предстоящей поездкой, новой жизнью...

– Но-но. Только не надо самокопаний, Нижегородский. За язык тебя там никто не тянул. Да и весь этот спор ничего не меняет: что так, что эдак, а уготованное судьбой должно свершиться.

– Но мы могли бы...

– И думать забудь! – чуть не закричал Каратаев. – Не корчи из себя альтруиста, не вмешивайся в естественный ход событий! Мир от этого не станет лучше. В конце концов, не лишай ты этот мир такой... красивой катастрофы. Да-да, именно красивой! Камерон (помнишь его знаменитый фильм?) назвал историю «Титаника» великим романом, написанным самой жизнью. Цепь трагических случайностей связала в нем человеческую глупость и самоуверенность с человеческими же благородством и подвигом. Тысячи книг, исследований, кинофильмов, компьютерных игр. Все это что, псу под хвост?..

– Каратаев, ты о чем?

– О том самом. Я бросил все и остался здесь не для того, чтобы заделаться тут спасателем и все запутать. Я, черт возьми, хочу быть уверенным в том, что завтрашний день будет таким, каким должен быть. И если завтра суждено погибнуть тысяче человек, то так тому и быть. А если суждено начаться войне, пусть начинается. Я во всем этом не виноват. В отличие от других я только знаю, что все это должно произойти, если, конечно, со своими сантиментами не вмешается некий Нижегородский.

– Стало быть, с моральной точки зрения у тебя все тип-топ?

– Именно.

– А не кажется тебе, Савва, что, наживаясь на обмане людей, мы должны хоть чем-то платить им взамен?

– Только не предотвращать катастрофы! – окончательно раскипятился Каратаев. – Если я буду знать, что в доме напротив завтра в пожаре погибнет ребенок, я, конечно, попытаюсь предупредить несчастье, но не более. Хотя и спасение ребенка может привести к непредсказуемым последствиям. А что, если из того, кому было начертано умереть в младенчестве, вырастет второй Гитлер? И потом, о каком обмане ты говоришь? Мы посвященные. Мы, если хочешь, медиумы, умеющие заглядывать в будущее. Нам даны преимущества по праву рождения, и лично я желаю ими пользоваться. Это льгота, Вадим. При чем же здесь обман?

– Жулики мы, – буркнул Нижегородский и снова отвернулся к окну.

Каратаев от возмущения с полминуты молчал.

– Ах, вот даже как? Это от кого же я слышу такое? Уж не ты ли, появившись здесь, первым поставил все на широкую ногу? Ну хорошо, как ты думаешь спасти этот треклятый «Титаник»? Позвонишь в пароходную компанию?

Нижегородский молчал.

– Отвечай, Нижегородский! Я задал тебе вопрос, – взвился Савва. – Вообрази, что перед тобой не я, а управляющий «Уайт стар лайн». Что ты скажешь? Замените капитана? Направьте пароход южнее? Наплюйте на престиж и конкуренцию и шкандыбайте малым ходом на восьми узлах?

– Я мог бы купить билет в первый класс, встретиться с капитаном и... – Вадим замялся.

– И что?

Нижегородский повернулся и с жаром заговорил:

– Если рассказать ему все, назвать имена, факты из его собственной биографии, характеристики «Титаника» (а у тебя в очешнике наверняка есть планы палуб и много чего еще), напомнить ему, что переборки недостаточно высоки, описать, в конце концов, в красках и подробностях, как все может произойти, он наверняка отреагирует. Пускай не поверит. Пускай всю оставшуюся жизнь считает меня сумасшедшим, но он не останется совершенно равнодушным. Достаточно лишнего градуса в повороте руля или сброса скорости на одну десятую узла, и встреча с айсбергом не состоится. В конце концов, зная точное время столкновения, я могу сам за минуту до этого подать сигнал тревоги, и удар будет другим, не смертельным. Что, не так?

Наступила долгая пауза. Каратаев ушел в столовую. Звякнуло горлышко бутылки.

Он вернулся с двумя бокалами и протянул один Нижегородскому.

– Выпей. Нам обоим надо успокоиться и собраться с мыслями. Выпей, Вадим, и пойми наконец, что мне не жалко этих денег. А что до людей... Вот скажи: живя еще там, четыре месяца назад, ты много думал о жертвах «Титаника»? А ведь через два с половиной года начнется мировая война. Ты и ее собираешься отменить? За четыре года и три месяца, по самым скромным подсчетам, погибнет десять миллионов человек. Это почти по шесть с половиной тысяч в день! Четыре с лишним «Титаника» ежедневно на протяжении тысяча пятисот пятидесяти дней! И еще. Не будь этой катастрофы, Вадим, были бы другие, может быть, еще более страшные. Она дала урок всем. Всему человечеству. Я скажу даже более: этот случай принес людям скорее пользу, нежели зло. Да, да. Не мотай головой. Самый совершенный корабль утонул в первом же рейсе! Такое невозможно представить. Какая оплеуха от природы! Сколько капитанов помнили об этом потом десятки лет и впредь не допустили подобного. Я уж не говорю о конструкторах и владельцах пароходных компаний.

Четвертого числа за обедом Нижегородский задал Каратаеву вопрос:

– Из какого порта «Титаник» отправится в океан?

– Ровно через пять дней, в полдень, он выйдет из английского Саутгемптона, – обстоятельно отвечал Савва, ковыряя вилкой котлету. – В девять вечера заберет пассажиров во французском Шербуре, а на следующий день, в два часа пополудни с последними желающими и

почтой отчалит из ирландского Квинстауна. С этого момента его судьба будет окончательно вверена океану. Кстати, ты знаешь, во сколько обошлась постройка этого лайнера англичанам? В один миллион пятьсот сорок тысяч фунтов. Наши оппоненты поставили на карту почти столько же! Нет, Вадим, я все больше убеждаюсь, что они не смогут расплатиться.

– Поеду в Висбаден, – сказал Нижегородский вечером. – Попью тамошнюю минералку и погреюсь в ваннах. Когда начнется вся эта газетная свистопляска, мне лучше тут не светиться. Если будут звонить, скажешь: отправился закупать русскую мануфактуру или что-нибудь еще.

– А как же Густав?

– Оставляю на вас с фрау Парсеваль. Инструктаж по кормлению я еще проведу утром. Следите за температурой в помещениях. В случае чего звоните в клуб мрпосолюбов господину Пферцу.

– Не забывай, что двадцатого ты должен быть здесь. Утром следующего дня Вадим вызвал такси и уехал.

* * *

Первые тревожные сообщения о «Титанике» появились уже пятнадцатого. Европейская пресса вынуждена была довольствоваться информацией из американских газет, передаваемой по трансатлантическому кабелю из Нью-Йорка.

«Титаник» столкнулся с айсбергом и просит о помощи!»; «Суда спешат на выручку «Титанику»; «Все пассажиры спасены»; «Титаник» буксируется в Галифакс» – запестрели немецкие газеты путаными американскими заголовками. И только «Нью-Йорк таймс» выстрелила в мир жестокой правдой: «Титаник» тонет. Женщины эвакуируются в шлюпках». И вечером того же дня: «Титаник» утонул».

Это было как удар цунами. Но за первой волной последовал откат: мол, ничего еще не ясно, пассажиры спасены все до одного, такой пароход просто не может утонуть.

Биржа отреагировала моментально. Перестраховочные премии на груз «Титаника», поднявшиеся было до шестидесяти процентов, снова упали до двадцати пяти. Курс акций радиоконпании «Маркони» взлетел в четыре с половиной раза. Ценные бумаги синдиката, в состав которого входила «Уайт стар лайн», сначала резко ослабли, затем вернули себе прежнее достоинство. Но все это ненадолго. Точку поставило официальное сообщение линии «Белая звезда»: в два часа двадцать минут пятнадцатого апреля сего года пароход «Титаник» затонул в районе 41 градуса 46 минут северной широты и 50 градусов 14 минут западной долготы. Имеются многочисленные жертвы. Между королями и президентами начался обмен соболезнованиями. Со словами сочувствия к ним присоединился и германский кайзер, которого весть о гибели парохода застала на греческом острове Корфу. Он тут же распорядился отослать телеграммы британскому королю, правительству и компании «Уайт стар лайн», после чего бегал по своей вилле «Ахиллейон» и бросался на всех, включая прислугу, со словами: «Страшная весть, жуткая катастрофа, я просто не в себе! Представляете, «Титаник» потонул!»

* * *

Двадцатого апреля Вадим вернулся в Берлин. Выглядел он так, будто приехал не с курорта, а с проигранной войны, где получил хорошую взбучку.

– Ты там не переусердствовал с рислингом и сексом? – спросил его Каратаев. – Как развлекся? Где теплее вода: в бассейнах Опельбад или в Аукаммтале? Между прочим, в следующем году в Висбадене открываются знаменитые Термы Кайзера Фридриха. Надо будет обязательно съездить. Как продвигается строительство?

– Тебя беспокоит, успеют ли они к сроку, Савва? Не знаю, я не интересовался.

– Ну а игра? То, что ты продулся, я вижу. Можешь также не прятать правую руку, на которой нет твоего траурного перстня. Я спрашиваю: как вообще?

– Да так. Сейчас не сезон.

Нижегородский явно избегал разговоров, связанных со своей поездкой. И Савва это заметил.

– Ну расскажи хоть что-нибудь интересное, – приставал он. – Кого видел, что слышал. Я тут, понимаешь, с его мопсом вожусь, а он...

– Я же говорю, не сезон.

– Слушай, Нижегородский, а ведь ты не был в Висбадене, – с пристальным прищуром посмотрел на него Каратаев.

– С чего ты взял? – В глазах Вадима мелькнула тень беспокойства.

– С того самого. Если ты там был, то не можешь не знать, что произошло в «Лотосе» третьего дня.

– Опять что-то вычитал в своем газетном архиве? По-твоему, я только и делал, что торчал в «Лотосе»? Там и других мест хватает, где поиграть или натрескаться местным шампанским.

– Чтобы знать, что в этом казино на глазах у всех застрелился венский студент Бруно Пукспаум, не надо торчать в нем безвылазно, – вкрадчивым полупшепотом произнес Каратаев. – Об этом случае я прочитал не в своем архиве, а вот в этой «Лейпцигер иллюстрирте», – Савва показал рукой на лежавшую на диване газету. – Вот, можешь полюбопытствовать. А уж в Рулетенбурге про это должны были говорить в каждой забегаловке. Так где ты был?

– Это допрос? – Выгадывая время, Вадим стал не спеша раскуривать сигару. – Уж не думаешь ли ты, что я ездил спасать «Титаник»? Или ты все еще не в курсе, что он благополучно утонул? Как ты и хотел.

– Я в курсе, но мне неприятно, что ты что-то скрываешь. И не нужно иронизировать.

Нижегородский вдруг резко поменял тон на доверительно-дружеский.

– Да успокойся ты, Савва. Ну что, я обязан докладывать тебе обо всех своих... ну о похождениях, что ли? Ты уже мог, кажется, заметить, что я не любитель подобной трепотни. Да, последние четыре дня я провел во Франкфурте. Это совсем рядом, в тридцати километрах от Висбадена. Еще в свой первый приезд туда я познакомился с одной женщиной и теперь гостил у нее. Тебя интересуют подробности? А о самоубийстве... Да, действительно, что-то такое я слышал.

«Все врет», – окончательно решил Каратаев, придумавший историю с венским студентом в качестве ловушки.

* * *

– Нижегородский, ты не спишь?

Каратаев постучал в дверь и вошел. В руках он держал газету. Вадим лежал на диване и смотрел в потолок.

– Хватит, Савва. Я уже не воспринимаю все эти подробности.

– Но это касается нас.

– Нас? Что, кто-то уже проболтался?

– Наоборот. Похоже, дал вечный обет молчания.

Нижегородский сел.

– Кто?

– Джеймс Джереми Холлоу, член совета директоров банка «Ройял Бэнк оф Скотлэнд», – Каратаев посмотрел на товарища и помахал газетой. – Это «Франкфуртер цайтунг», статья «Еще одна жертва «Титаника».

– Что там?

– В субботу вечером Холлоу был найден дома с пулей в голове. Рядом валялся его револьвер. Никакой предсмертной записки не обнаружили и связывают факт самоубийства с гибелью единственной дочери. Она была пассажиркой «Титаника» и накануне вместе со своей гувернанткой попала в официальный список погибших. – Савва сложил газету. – Мне кажется, Нижегородский, мы потеряли двадцать миллионов. Когда у тебя встреча с Бергманом?

Вадим снова лег, заложив руки за голову и прикрыв глаза.

– Завтра в час дня. – Он помолчал. – Потом уеду к чертовой матери. Месяца на полтора. Отпускаешь?

– Это куда, если не секрет?

– Сначала в Вену: давно хотел там побывать. Заодно утрясу кое-какие дела с документами. А в начале июня махну в Англию. В Эпсоме – это недалеко от Лондона – состоится ежегодное Дерби и Оукс¹⁴. Просто развлекусь.

– Могу дать призеров. В нашей июньской прессе есть достаточно подробные отчеты...

– Не надо. Я же сказал – просто развлекусь.

– Ну, как знаешь.

На следующий день, когда Нижегородский вошел в кабинет главы нотариальной конторы «Бергман», его ожидали пятеро человек. Сам Иосиф Бергман, барон фон Летцендорф, шведский аристократ и два немца – участники и свидетели пари, состоявшегося в клубе «Галион» третьего апреля. Кивнув собравшимся, Вадим сел в предложенное нотариусом кресло.

– Начнем? – Бергман обвел взглядом присутствующих.

– А чего тянуть? – с долей вызова спросил Нижегородский. – Я только не вижу здесь господина из солнечной Шампани или хотя бы его представителя.

Барон фон Летцендорф хрустнул газетой и сделал вид, что поглощен чтением.

– Господин Жувиль прислал телеграмму. Он болен. Что касается господина Холлоу...

– Я знаю, – Вадим жестом руки остановил нотариуса. – Мне жаль, что так вышло.

Бергман, невысокий человек с большими рыхлыми губами, густыми черными бровями и равнодушным взглядом, как бы говорившим: кроме вашего дела, господа, у меня куча других забот, – открыл папку.

– Тогда позвольте зачитать текст вашего договора...

– Не имеет смысла, господин Бергман, – сложив газету, сухо заметил барон. – Все всем ясно и так. «Титаник» на дне, так что не будем тянуть резину. Выдайте ему наши векселя и покончим с этим делом.

– Остальные того же мнения? – спросил невозмутимый еврей.

Швед со вздохом кивнул, свидетели тоже (но без вздоха). Нотариус достал из стола ключи и направился к сейфу. Через минуту на журнальном столике перед Нижегородским лежали пять векселей. Свой собственный и четыре остальных он аккуратно сложил пополам и сунул в боковой карман.

– Господин Бергман, вы не согласитесь принять на себя бремя по окончательному урегулированию вопросов, связанных с этим глупейшим спором? – спросил он.

¹⁴ Оукс – традиционные скачки молодых кобыл, проводимые на четвертый день Дерби там же в Эпсоме.

Еврей пожевал губами, украдкой посмотрел на барона.

– Что ж, я готов.

– Тогда сегодня же пошлите этим господам, – Нижегородский кивком головы указал на двух аристократов, – письменное уведомление о том, что я выставляю их векселя к оплате и жду до двадцать пятого мая. То же самое и в отношении месье Жувилля.

При этих словах барон встал, откланялся и вышел. Следом удалился швед и оба свидетеля, миссия которых на этом исчерпывалась.

– Желаете начать процедуру истребования долга с наследников Джеймса Холлоу? – спросил Бергман. – Должен предупредить, что в этом случае суть спора неизбежно станет достоянием гласности. К тому же мы должны быть готовы к опротестованию векселя покойного родственниками. И еще, – нотариус понизил голос до таинственного полупшепота, – насколько мне удалось выяснить, все движимое и недвижимое имущество банкира вкупе с его финансами и ценными бумагами не покроют и трети суммы долга.

– Предлагаете отказаться? Я подумаю. – Нижегородский попросил разрешения закурить. – Да, глупо все получилось. Кто бы мог подумать. Интересно, когда он купил билет для своей дочери: до нашего спора или после?

– Я запустил поисковую программу по газетам и биографическим словарям и навел справки о твоём бароне, – сказал как-то, выходя из своей комнаты, Каратаев. – Ты не заметил у него шрама на левом виске между глазом и ухом?

– Вроде что-то такое выглядывает из-под бакенбарда.

– Тогда это точно он: Георг Иммануил барон фон Летцендорф, генерал пехоты в отставке, участник войны 1870—1871 годов. Будучи оберстом, он провел свой полк по Парижу и был награжден Железным крестом обоих классов, орденом Белого Голубя... ну и много еще чем. Был участником церемонии провозглашения Германской империи в Зеркальном зале Версаля 18 января. Лично знаком с двумя германскими королями и кучей князей. В составе экспедиционного корпуса фельдмаршала фон Вальдерзее в самом начале века принимал участие в наведении порядка в Китае. Был связан с разведкой. Вышел в отставку пять лет назад. Депутат Рейхстага от Гессена, намеренно избегает всех политических партий и организаций, предпочитая им членство в закрытых аристократических клубах. Должен иметь хорошие связи в кругах германской контрразведки и прусской полиции. Крупный землевладелец: у него обширные виноградники в Гессене под Висбаденом и в Эльзасе. В настоящий момент имеется также дом в Ницце, родовой замок в Вестфалии, дом в Берлине, океанская яхта в Гамбурге и много чего по мелочам.

– Виноградники... Теперь понятно, почему он оказался в одной компании с французским виноторговцем, – сказал Нижегородский и призадумался. – Связи в контрразведке, говоришь?

– И в полиции.

– Черт возьми, – что-то припоминая, пробормотал Вадим. – Не далее как вчера я заметил, что за мной ходит один тип.

Каратаев от неожиданности сел.

– Слежка? Ты уверен?

– Не знаю...

– Ну все. Попали.

Нижегородский некоторое время о чем-то размышлял и наконец принял решение.

– Давай, Савва, врубай свой очешник: я должен знать про этого барона все до мельчайших подробностей.

* * *

– Это вы?

– Я, господин барон.

Нижегородский подкараулил фон Летцендорфа неподалеку от Унтер дер Линден, когда тот медленно выходил из парадной трехэтажного особняка, фасад которого украшали пилястры ионического ордера.

– В чем дело, Пикарт? Вообще-то я спешу.

– Я это заметил. Вы даже запыхались. А что, парламент работает и по воскресеньям? Как там социалисты? Не слишком докучают вашему кайзеру? Скажите, а он действительно намеревается к двадцатому году построить шестьдесят линкоров или это утка?

– Что вы несете, ей-богу! Мне и вправду некогда. – Фон Летцендорф кивнул стоявшему у большого открытого автомобиля водителю и тем не менее медленно двинулся пешком в сторону проспекта.

– Совершенно нет времени поболтать с человеком, которому задолжали десять миллионов? Не делайте вид, барон, что для вас это пустяжная сумма.

– Вас это не касается. Мы, кажется, условились о предельном сроке?

– А если я предложу вам другие, более мягкие условия? При всей вашей состоятельности...

– Что вы можете знать о моей состоятельности или несостоятельности? – отставной генерал чуть ли не с ненавистью посмотрел в глаза собеседника.

– Но я же знал о «Титанике» такое, о чем другие и не подозревали. – Они снова медленно двинулись вперед. – Знаю кое-что и о вас. Например, о вашем доме в Ницце. Вы купили его совсем недавно у одного графа. Сейчас там делают ремонт и меняют мебель. А ваша яхта? Настоящий небольшой крейсер! Три тысячи тонн валовой вместимости, двадцать два узла, возможность установки четырех шестидюймовок. Не зря она внесена в реестр Кайзермарине. Но, увы, ни она, ни новый дом не дадут десяти миллионов. Кстати, это не ваш человек ходит за мной по пятам уже третий день?

– Какой еще человек? Вы хотите сказать, что за вами следят?

Нижегородский пожал плечами, остановился и показал куда-то назад.

– Он стоит сейчас там, за углом. Так не ваш?

– Разумеется, не мой. Не мой хотя бы потому, что я ваш должник.

– Какое благородство!

– Послушайте, Пикарт, – окончательно потерял терпение аристократ, – кто вы, собственно говоря, такой? Фамилия у вас вроде английская...

– Пикарт? Вовсе нет, так в Средние века в Чехии называли «чешских братьев», а позже протестантов. Отсюда и фамилия. Между прочим, у меня есть приятель – Войтех Лутрин, – так его фамилия произошла от слова «лютеранин». А другой мой приятель – Лукас Содомка...

– Да плевать я хотел на этимологию ваших фамилий! То, что вы не чех, я понял еще за карточным столом.

– Да? – Нижегородский изобразил на лице замешательство. – Хорошо, что я тогда предложил выписать векселя на предъявителя. Так как насчет более удобных для вас условий выплаты? Речь может идти даже о полном замораживании долга. Вон там есть чистая сухая лавочка. Присядем?

– О замораживании долга? – Барон остановился. С его лица мигом исчезли и ненависть и презрение, уступив место живейшей заинтересованности. – Как это понимать?

– Очень просто. Я обязуюсь не брать с вас ни пфеннига до конца моей счастливой жизни.

– Ничего не понимаю.

– Сейчас поймете, – Нижегородский взял барона под руку и повел по направлению к лавочке. – Пока я жив и пока я на свободе, ваш вексель будет лежать в одном из банков без всякого движения. Но стоит случиться несчастьем, и банк немедленно начнет процедуру истребования денег в пользу моего правопреемника. В полном объеме. Как видите, все просто.

Барон некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

– То есть вы хотите сказать...

– Именно. Я хочу предложить вам сделку: вы заботитесь о моей персоне, как о самом близком вам человеке, а я взамен не требую денег. Своего рода брачный контракт.

– Решили сделать меня вашим пожизненным слугой? – В голосе отставного генерала снова послышались нотки презрения.

– Я же не предлагаю вам лично ходить за мной по пятам, – стал увещевать его Нижегородский. – С вашими связями и влиянием, господин барон, вам останется сделать только соответствующие распоряжения. Речь идет о покровительстве, не более.

– А если вы угодите под лошадь или в пьяном виде свалитесь с моста и утонете, что тогда?

– Увы, стало быть, нам обоим не повезло. Но согласитесь, иначе нельзя. Зато мы можем ограничить наш договор во времени. Скажем... восемнадцатью годами, по истечении которых вексель аннулируется.

– Ха! Восемнадцатью годами. Мне семьдесят два. Вы уверены, что я дотяну до девяноста?

– Дотянете. – Из биографии барона Нижегородский знал, что тот должен умереть в тридцатом году от острой почечной недостаточности. – Должны дотянуть, если будете беречь свои почки. Говорю вам это как специалист.

– Что ж, – не обратил внимания на его последние слова отставной генерал, – не стану отрицать: ваше предложение интересно... Но не знаю... Надо подумать. – Фон Летцендорф пребывал в некоторой растерянности. – А вдруг вы шпион или какой-нибудь беглый каторжник. Документы у вас в порядке?

– Как вам сказать... – Вадим приложил руку к груди. – Но я дам вам честное благородное слово, что ни я, ни мой друг не состоим на службе ни у одного государства, а также не совершали уголовных преступлений.

– Честное благородное, – усмехнулся барон. – Позвольте, какой еще друг?

Нижегородский сделал виноватое лицо.

– Нас двое. Я постеснялся сказать сразу, но ваша забота должна распространяться и на моего компаньона. Таким образом это уже не брачный контракт, а две страховки по пять миллионов каждая. Мы, барон, просто хотим спокойно жить в вашей стране. Хотим, чтобы нас по пустякам не преследовали журналисты, частные детективы или, того хуже, полиция. Хотим не быть призванными в армию, Ландвер, Фольксштурм, или куда-нибудь еще против нашей воли. Такие вот скромные человеческие желания. Ну, так как? Что скажете?

Генерал, так и не опустившийся на предложенную ему парковую скамью, долгое время стоял молча. С первой секунды этого разговора он знал, что не сможет отказаться от спасительного для него предложения. Десяти миллионов марок он никогда не имел. Дом в Ницце был им куплен с целью перепродажи. При этом он влез в долги и как раз сейчас вышел от одного из своих кредиторов. Но и весь этот дом с садом, фонтаном и скульптурами и – давний предмет *его* гордости – далеко уже не *новая яхта* «Каринда», ремонты которой влетали в копейку, в совокупности не тянули и на треть проигранной суммы. Берлинский особняк был заложен, на девяносто процентов он теперь принадлежал Шаафгаузенскому банку. Оставалось родовое поместье в Вестфалии с замком, давно требующим реконструкции, кое-какие земли в Гессене, поместье жены в Померании и... И куча долгов. Для их частичной оплаты пришлось даже начать переговоры с Жаном Жувилем о продаже французу эльзасских виноградников.

– Пожалуй, у меня не остается выбора, – сказал он наконец. – Но я дам окончательный ответ через несколько дней. А как вы поступите с Жувилем и Бернадотом? Они узнают, что у меня с вами какое-то тайное соглашение, и получится очень некрасиво...

– Французу я предложу стать моим пожизненным поставщиком вин. – От привлекательности этой, только что пришедшей в его голову идеи Нижегородский даже щелкнул пальцами. – При всем желании мне не выпить за оставшиеся годы на миллион марок (а мой друг не пьет вообще), так что его выгода налицо. А с Бернадотом нужно хорошенько подумать. Не подскажите, чем может быть полезен этот швед? Кто он там ихнему королю?

– Давать подобные советы с моей стороны недопустимо.

«Ох уж мне эти аристократы, – подумал Вадим. – Но что ни говори, а иногда они достойны уважения: ведь ни разу за эти дни не заикнулся об отсрочке. На что он рассчитывал? Хотя... Савва упоминал, что одна из его дочерей замужем за кем-то из фон Штольбергов или фон Шуленбургов...»

– Ладно, сам разберусь. Недели на раздумья вам хватит?

– Да.

– Тогда вот вам мой адрес и телефон. Полагаю, вы уже и так их знаете. Если надумаете принять мои условия, милости прошу ко мне в гости.

К середине мая компаньоны имели настоящие паспорта, выданные им взамен «пришедших в негодность по причине неосторожного обращения с документами». Теперь там, где положено, был отмечен факт выдачи паспортов гражданам Прусского королевства и одновременно Германского рейха Флейтеру и Пикарту, в чем при желании можно было легко удостовериться. В паспортах присутствовали все необходимые печати и наклейки, позволявшие их владельцам беспрепятственно выезжать за границу. Кроме этого они получили трудовые книжки имперского образца, в которых один из них значился «историком», а второй – «филологом со специализацией по восточно-европейским литературам». Оба в свое время прослушали соответствующие курсы лекций в каких-то малоизвестных университетах. Имелись и другие бумажки. Они должны были окончательно дать понять, что эти два господина не свалились с луны, а проживают на грешной земле на вполне законных основаниях. Правда, оба долгое время провели за границей. Так что отныне никакой, даже самый пристрастный полицейский или таможенный контролер не смог бы заподозрить в их бумагах неладного. А если бы все же попытался, например, по причине особой вредности характера, то рисковал получить под нос такое удостоверение, что мигом потерял бы интерес к нештатным агентам особого отдела тайной полиции и контрразведки одновременно. Ко всему этому осталось добавить разрешение на хранение и ношение оружия.

– Тот субъект, что ходил за вами, оказался частным детективом, нанятым одним... впрочем, теперь это уже не важно, – рассказывал барон, когда двадцатого мая они вышли на улицу из нотариальной конторы. – Отныне, если заметите слежку, имейте в виду, что это может быть мой человек. Для вашей же безопасности, да и для моего спокойствия. Ну а теперь признайтесь честно, вы ведь русские? Вы как-то связаны с русским революционным движением?

Только что невозмутимый Бергман подписал их договор об отсрочке платежа по векселю до наступления определенных событий и об аннулировании векселя 15 июня 1930 года в случае их ненаступления.

– Вы проницательный человек, барон, – вздохнул Вадим, щурясь от бьющего в лицо солнца. – Да... пятый год, баррикады. Мы были молоды и глупы. Эта дурацкая война на Востоке, бесконечная тупость царя и правительства... Но теперь все в прошлом. Только не подумайте, что мы сбежали с партийной кассой или совершили предательство в отношении наших бывших товарищей. Просто...

– Вас разочаровало поражение? Вы разуверились в успехе вашего дела?

Нижегородский остановился и задумчиво посмотрел в глаза старого генерала.

– Все нет. Совсем даже напротив. Просто однажды нас ужаснула перспектива нашей победы.

С Жаном Жувилем, владельцем большого винодельческого замка Шато-Оливье, что близ Сент-Эмильена, занимавшимся помимо собственного винограда скупкой вина в других регионах Франции, изготовлением купажей и продажей их за границу, Нижегородский заключил соглашение о регулярных поставках ему вин последнего урожая по целому списку поместий Бордо, Жиронды, Дордони, а также нескольких деревень Бургундии.

– Никогда нельзя полагаться на одного производителя, – пояснял он Каратаеву, – если не хочешь в течение целого года пить за его неудачу. Я посоветовался с бароном, и мы сообща выбрали полтора десятка лучших замков юго-западной Франции (а их в том районе не меньше тысячи), так что будем получать примерно по двести бутылок ежемесячно. С местом для хранения я уже договорился. Этот старый хрыч Дикшнер, что живет на первом этаже, уступил мне за ящик в месяц почти весь свой подвал.

– Но мы же столько не выпьем. Это шесть бутылок в день!

– А фрау Парсеваль? Старушка еще достаточно крепка. Кликнем ее на подмогу.

Нижегородский подсчитал, что до июня тридцатого года (договор был также составлен на восемнадцать лет) он должен получить от Жувиля сорок три тысячи двести бутылок и таким образом на каждую из них придется примерно по двадцать три марки его долга.

– Держу пари, этот прохвост никогда не продавал вино так дорого.

Что касается Ларса Бернадота, то в отношении его компаньоны поначалу не приняли никакого решения. Из найденной Каратаевым биографической справки они узнали, что он действительно был дальним потомком французского маршала¹⁵ и, следовательно, еще более дальним родственником нынешнего шведского короля. Когда-то он служил в гвардии, но еще в молодости неудачно упал с лошади, вдребезги разбил колено и с тех пор заметно хромал. Военную службу пришлось оставить. Последние годы Ларс Бернадот занимался изданием книг, специализируясь на народных эпосах и серьезных исторических монографиях. Однако компаньонов искренне расстроила заключительная часть биографической справки, согласно которой их должнику оставалось жить всего лишь три года.

– Если бы речь шла о несчастном случае, мы могли бы вмешаться, – заметил тогда Савва, – но эмфизема легких...

Через Бергмана Вадим назначил Бернадоту встречу в «Адлоне»¹⁶ и под видом своего поверенного представил ему Каратаева. Он накормил шведа русской черной икрой, французскими консервированными трюфелями урожая этой зимы, напоил винтажным белым вином, после чего известил, что в течение ближайших трех лет не намерен требовать денег, если тот в свою очередь согласится продлить срок жизни своего векселя до лета тридцатого года. Бернадот с облегчением принял предложение и сделал соответствующую надпись на документе. Прощаясь, он пригласил господина Пикарта посетить его при случае в Стокгольме.

В середине июня Нижегородский вернулся из Англии. Он опять выглядел свежим и бодрым.

– Зря не поехал со мной, Савва. Дерби в Эпсоме и Королевский Аскот под Виндзором – это настоящий праздник жизни. Кажется, весь мир съезжается посмотреть на скачки чистокровок. Знаешь, кого я там встретил?.. Угадай... Барона фон Летцендорфа! Стоит себе с тросточкой, в цилиндре (там все непременно в цилиндрах), покуривает сигару как ни в чем не

¹⁵ Наполеоновский маршал Бернадот – будущий король Швеции.

¹⁶ Отель «Адлон» – гостиница для избранной знати, где производились бракосочетания даже членов императорской семьи.

бывало. В тот день на ипподроме Эпсом-Даунс разыгрывался приз принца Уэльского, – продолжал Нижегородский, устроившись на диване с Густавом на коленях. – Дистанция в две тысячи метров. Публика чертовски аристократична, так что особого накала страстей вроде бы нет. В основном борьба идет между владельцами лошадей и жокеями. Тем не менее зрители живо следят за ходом соревнований и делают ставки. А сколько там дам! Они особенно заметны, потому что все в огромных шляпах и с веерами. Не скачки, а показ мод.

– Ты с ним разговаривал? – спросил равнодушный к модам Каратаев.

– Я сделал ему еще одно предложение. Но позже, когда уже в Лондоне он показал мне свой броненосец.

– Яхту?

Вадим кивнул.

– Он пригласил меня на обед на свою «Каринду». Как всегда, собралась разношерстная, но со вкусом подобранная компания. Владельцы конюшен, пара жокеев – героев последнего Дерби, английский виноторговец, какой-то лорд, военные моряки... ну и десяток дам. Поначалу я даже стусевался. Разговор чаще шел на английском, и я понимал только, что сейчас говорят о лошадях, а вот теперь перешли на корабельную тему (что легко угадывалось по часто произносимому имени Тирпица), потом обсуждали погоду, последствия Агадирского конфликта и так далее, причем у меня сложилось впечатление, что присутствующих дам политика интересовала более всего остального. В общем, сижу, скучаю, от нечего делать рассматриваю карту вин (у барона не кают-компания, а настоящий небольшой ресторан), потом подзываю одного из обслуживавших нас матросов и прошу принести бутылку немецкого дорнфельдера. Оказывается, это вино только начали производить в Германии в небольших количествах и сейчас оно еще достаточно редко. Его делают из кросса двух красных сортов, высаженных где-то на Среднем Рейне. И ты знаешь, мой выбор привлек внимание. Заговорили о немецких винах и виноградниках, при этом перешли преимущественно на немецкий язык. Тут уж вставил пару реплик и я.

Нижегородский отпустил собаку и принялся раскуривать сигару.

– Ну? – потерял терпение Каратаев. – Так что ты ему опять предложил? Надеюсь, ты не ввязался там в новый спор?

– Нет, – успокоил его Вадим, – просто из разговора я понял, что дела нашего барона идут не ахти как, хотя открыто он об этом не говорил. Тем не менее он подумывает продать часть своих земель в Эльзасе вместе с виноградниками. Даже консультировался по этому вопросу у вице-короля Эльзас-Лотарингии. А когда мы вышли на прогулочную палубу подышать воздухом, я предложил ему не делать этого. Я сказал, что мог бы стать его компаньоном в Эльзасе и оказать финансовую поддержку.

– Час от часу не легче, – запричитал Савва. – Тебе нечем больше заняться? У нас столько дел впереди. Скоро нужно ехать в Амстердам. Ты не забыл про алмаз? А что до вина, то ты можешь покупать свои великие клареты готовыми, если тебе не хватает тех, что присылает месье Жувиль.

Нижегородский не спеша выпустил аккуратное кольцо синеватого дыма и принялся разъяснять:

– Ну... во-первых, Жувиль не сможет прислать ничего особенного: следующие грандиозные урожаи для кларетов будут только в двадцать восьмом и двадцать девятом годах. До них еще нужно дожить. Во-вторых, Савва, нам совсем не помешает затесаться к барону в деловые партнеры. Человек он нужный, у него обширные знакомства и через него можно было бы выйти на многих других. Например, на Гвиннера и Гельфериха из «Дойчебанка». А в-третьих... впрочем, этого ты уже не поймешь. Короче говоря, он обещал подумать.

Видя на лице компаньона недовольную мину, Нижегородский добавил:

– Ты только вдумайся, Саввич, какая фора будет у нас с бароном, займись мы этим сообщая! Ты дашь мне сводки по каждому году, ведь у тебя в очешнике есть журналы по виноделию, я сам видел. Мы будем знать наперед о весенних заморозках и летней засухе, осенних дождях и всяких там филлоксерах¹⁷. Нам будет точно известно оптимальное время сбора урожая, о котором напишут только после. Наконец, мы будем наперед знать все о будущих ценах и наших конкурентах. И даже предпочтения толпы! А ведь ее вкусы непостоянны. Сегодня ей подавай сложное выдержанное, завтра – молодое сладенькое, а послезавтра, когда наступят тяжелые времена, в ход и вовсе пойдет дешевое винцо, в то время как в подвалах французских шато будут чахнуть миллионы литров прекрасных кларетов.

* * *

Солнце клонилось к закату. В его пологих лучах Темза уже не казалась мутной. Отраженный свет заставил поверхность реки искриться, а свежесть морского ветерка, развеявшего дымную пелену лондонского порта, добавила речному пейзажу чистоты.

– Вы серьезно о сотрудничестве? В чем же вы видите свою выгоду, Пикарт? – фон Летцендорф не скрывал удивления неожиданному предложению.

– Эльзасским винам, господин барон, чтобы они вышли на мировую арену, не хватает элементарной рекламы. О них просто мало известно широкому кругу. Обидно смотреть, как даже в наших ресторанах предпочитают французское столовое вино благородному отечественному. Но сперва нам предстоит потеснить рейнские рислинги и ваш вездесущий мюллер-торгау. – Нижегородский говорил так, словно уже был партнером старого аристократа. – Вот вы спрашиваете о выгоде, а у меня на первом плане интерес к самой проблеме. Интерес, подкрепленный некоторыми соображениями. Плюс ко всему имеются свободные деньги. Не очень много, но все же.

– Что вы предлагаете конкретно? – В вопросе барона почувствовались нотки заинтересованности.

– Конкретно? Извольте. Вы жаловались на недостаточную квалификацию ваших виноделов, поэтому первым делом мы найдем специалиста, настоящего профессора винификации. Некоторые из них все еще блуждают по миру после погрома, который устроила в Европе виноградная чума. У вас есть кто-нибудь на примете? Я, например, слышал об одном из Вены. Его хвалят именно как знатока северных вин. Потом... Потом вы делегируете мне права вашего управляющего в Эльзасе, и я на месте посмотрю, что можно сделать в организационном плане. Только в организационном. Заверяю вас, что я не стану выкорчевывать старые лозы и вообще лезть туда, где ничего не смыслу.

К сожалению, Вадим не мог сказать фон Летцендорфу главного: он знает о важных нюансах погоды этой осени, что может позволить им избежать грубых ошибок в самый ответственный момент. Но основной его расчет основывался на возможности получить прекрасный урожай тринадцатого года. Именно на этот, последний предвоенный год и следовало сделать основную ставку.

– Ну а почему бы вам просто не купить эти или какие-нибудь другие виноградники? – спросил барон.

Нижегородский замялся. Вопрос был резонным, и пришлось выкручиваться, призвав на помощь все свое красноречие.

¹⁷ Phylloxera – корневая тля, вредитель виноградной лозы.

– Видите ли, я поклонник именно эльзасских сортов. С ароматом вашего гевюрцтраминера мало что может соперничать в рейхе. Этот цветочный настой, привкус мускуса и тончайших пряностей придают вину неповторимый шарм. А как великолепно он сочетается с эльзасским паштетом! Очень неплох и рислинг. Я слышал за столом, что в тех краях высадили и мускат...

– Мускат-оттонель, – все более увлекаясь темой их разговора, барон взял Вадима под руку и повел в сторону от основной компании. – Да, вы знаете, десять лет назад – я тогда только что вернулся из Китая – мы с женой рискнули высадить этот гибрид, о чем я теперь не жалею. Сейчас лозы как раз набрали опыт и дают прекрасный результат. Но гевюрцтраминер безусловно остается моим основным сортом. А как вы относитесь к оксерруа? Впрочем, вы могли и не встретить его, если только недавно в Германии. Считается, что его купажи с пино-блан очень достойны...

Постепенно они так увлеклись, что не заметили, как уединились в самой корме. Нижегородский рассказал о своем знакомстве с великим Шато-Марго, предрек этой осенью неудачи на юго-западе Франции, долго доказывал, что новая форма бутылки много значит для самого массового и неискушенного потребителя. При этом он постоянно сдерживал себя, чтобы не проговориться и не сказать такого, чего в 1912 году не мог знать никто.

– Я подумаю над вашим предложением, Вацлав, – аристократ положил руку на предплечье Нижегородского, впервые назвав его по имени. – А сейчас пойдёмте в кают-компанию. Становится прохладно.

Барон предложил ему через неделю вернуться в Германию на своей «Каринде», но Вадим, сославшись на неотложные дела, отказался.

* * *

В самом конце июня из Амстердама пришло письмо. Якоб ван Кейсер сообщал, что Союз ювелиров не видит препятствий для внесения имени владельца «Английского призрака» в Алмазный каталог. Он спрашивал, желает ли господин Пикарт сохранить инкогнито, а также предлагал приехать для решения дальнейшей судьбы алмаза.

– Что ж, собирайся, нужно доводить дело до конца, – прочитав письмо, распорядился Каратаев. – Огранка займет не менее двух лет, поэтому, чем раньше начнем, тем лучше.

Он достал из сейфа кипу листов и стал раскладывать их на столе.

– Вот та самая схема раскрытия «Призрака», что должна была бы получить в будущем первое место. Предложишь ее голландцу. А будет артачиться, пригрозил отказать заказ другому. Я более чем уверен – ван Кейсер уже прикипел сердцем к нашему камушку и подчинится. А я тем временем займусь раскруткой «Призрака». Мы сделаем из него супер-алмаз, фетиш, который затмит все другие исторические камни.

Нижегородский скептически покачал головой и усмехнулся:

– Савва, ты только не перемудри. На кой ляд нам его раскручивать и делать всякие там фетиши? Камушки, что наделают из нашего «Призрака», и так будут стоять ого-го!

Каратаев недовольно поморщился.

– Вадим, давай условимся: ты делаешь свое дело, я делаю свое. Помнится, мы договаривались, что алмазную тему веду я. – Он пошарил взглядом по комнате и показал пальцем на возвывшегося под креслом Густава. – Даже у твоего глупого мопса есть родословная. Ты просто мало читал и не знаешь, что камень с историей стоит гораздо дороже равноценного, но неизвестного. У таких камней и дефекты приобретают особую ценность. В восемьдесят шестом году парижский Лувр выкупил «Регент» за шесть миллионов франков! За что, думаешь, музей-

щики и правительство отвалили такие бабки? За жалкие сто тридцать шесть каратов и огранку сомнительного качества? Как бы не так – за его великую историю! Его теряли короли, находили шпионы, его выкупали и закладывали русским купцам, чтобы на вырученные деньги оснастить армию. Потом он был вставлен в эфес шпаги Наполеона Бонапарта и после Ватерлоо снова пропал. Вот почему французы, почитавшие «Регент», как свое национальное достояние, не пожалели сорока четырех тысяч франков за каждый его карат.

Через два дня на письменный стол Якоба ван Кейсера лег лист бумаги с красивым, выполненным в цвете чертежом. В свое время постарался Каратаев. Он закупил необходимые реактивы и приготовил проявитель. На пропитанную таким раствором обычную бумагу (правда, очень хорошего качества) экспонировалось изображение голографического монитора, переведенного в особый режим по контрасту и цветопередаче. Технология была проста. Изображение, предварительно совмещенное с плоскостью письменного стола, выключалось, на это место укладывался влажный лист активированной бумаги, монитор включался на несколько секунд, после чего лист обрабатывался в фиксаже, высушивался и разглаживался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.